

Воспоминания рязанцев о Великой Отечественной войне

Главное архивное управление Рязанской области
Государственное бюджетное учреждение Рязанской области
«Государственный архив Рязанской области»

Воспоминания рязанцев о Великой Отечественной войне

Сборник документов из фондов ГАРО

Рязань 2020

УДК 94(470.313)«1941/1945»

ББК 63.3(2Рос-4Ряз)622

**Воспоминания рязанцев о Великой Отечественной войне:
сборник документов из фондов ГАРО/ сост. Д. Ю. Филиппов.**
Рязань, 2017–2020 г., с. 172

В сборник включены воспоминания рязанцев о жизни в городе и области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В текстах воспоминаний, вошедших в сборник, нашли отражения события рязанской повседневности военных лет.

Издание носит научно-популярный характер, рассчитано на широкий круг читателей.

© Главное архивное управление Рязанской области, 2020

© ГБУ РО «Государственный архив Рязанской области», 2020

© Коновалов М. В., верстка и макет, 2020

ISBN 978-5-6044769-0-1

Читателям сборника, посвященного
75-летию Победы в Великой Отечественной войне

Дорогие друзья!

Вы держите в руках сборник, посвященный 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. В его основу легли подлинные документы, хранящиеся в областном архиве и повествующие о трудовых буднях жителей Рязанской области в тяжелые военные годы. Прошедшие десятилетия не затмили величия подвига наших отцов и дедов, всех тех, кто на фронтах и в тылу ковал историческую Победу.

С особым чувством мы вспоминаем тех, кто неимоверным трудом на фабриках и заводах, на полях и в лабораториях, недосыпая и недоедая, приближал этот великий День Победы. Тексты воспоминаний для этого издания написаны в разное время и разными людьми. Среди них рабочие заводов, учителя, служащие железной дороги, медсестры госпиталей, простые жители Рязани и области. Те, кто своим повседневным трудом старался приблизить нашу победу над фашистами. Из этих воспоминаний, таких разных и таких эмоциональных, мы можем узнать, насколько суровой и жестокой была жизнь в те годы, как люди работали и верили в Победу.

«Воспоминания рязанцев о Великой Отечественной войне: сборник документов из фондов ГАРО» – это живая история, к которой, уверен, будет крайне интересно прикоснуться любому читателю.

*С уважением, Николай Викторович Любимов,
губернатор Рязанской области*

Предисловие

Великая Отечественная война – период истории, нашедший отражение в огромном числе исследований, обеспеченный множеством разнообразных документальных публикаций, в том числе, обширнейшей мемуарной литературой. Военные мемуары, пожалуй, один из самых распространенных видов мемуарных источников. Но каждый вновь публикуемый текст воспоминаний дополняет наши знания о событиях прошлого, позволяя взглянуть на них глазами очевидца. Субъективность, присущая любому мемуарному тексту, в отдельных случаях может придавать известным фактам новое звучание, уточняя их общепринятую оценку. В этом неоспорима ценность мемуарных источников для понимания сути исторических событий и явлений.

Традиционным подходом в издании мемуарной литературы является публикация воспоминаний известных лиц: деятелей науки, культуры, политики, военного дела, что понятно и оправданно. Однако воспоминания «обычных людей», тех, кто не «свершал историю», а ежедневно, ежечасно, жил в ней, оказываются не менее ценными и интересными.

Ценность этих «обычных» воспоминаний обретает особый смысл в системе координат локальной истории, где все близко и осязаемо. Масштаб мемуарного осмысления событий прошлого в этом случае соразмерен историческому и географическому пространству, ограниченному местным краем, кругом «своих» имен и лиц. Для локального сообщества воспоминания – это часть его повседневности, оставшейся в прошлом.

В настоящий сборник вошли воспоминания, записанные рязанцами, пережившими военные годы, и хранящиеся в фондах Государственного архива Рязанской области (ГАРО). Документы, отобранные для настоящей публикации, были выявлены в различных фондах ГАРО. Прежде всего, это документы, отложившиеся в трех тематических коллекциях: «Коллекции материалов участников Великой Отечественной войны Советского Союза против гитлеровской Германии 1941–1945 гг.» (Ф. Р-5624), «Коллекции краеведческих материалов» (Ф. Р-5039) и «Коллекциям материалов и воспоминаний ветеранов по истории завода «Рязсельмаш»» (Ф. Р-6257). Ряд документов был выявлен в «Коллекции материалов по истории здравоохранения Рязанской области» (Ф. Р-5594) и фондах личного происхождения.

Основной объем публикуемых воспоминаний отложился в «Коллекции материалов участников Великой Отечественной войны» (Ф. Р-5324). История

целенаправленного сбора архивом мемуаров военной поры началась в 1970-х годах, во время подготовки к празднованию 30-летия Победы. В 1982 году был подготовлен сборник документов о войне «Немеркнущий подвиг¹». Воспоминания участников войны, собранные к тому времени, в него не вошли.

Работу по сбору воспоминаний, писем с фронта, других документов личного происхождения военной поры было решено продолжить. Возглавляла ее заместитель директора ГАРО по научной работе А.М. Сторожева (1920–2004), прошедшая всю войну в качестве медицинской сестры эвакуационного госпиталя № 3013.

20 апреля 1988 года по инициативе А.М. Сторожевой в областной газете «Рязанская правда» было опубликовано обращение к жителям Рязанской области с просьбой о передаче в ГАРО фронтовых писем, которые хранились в семейных архивах участников войны и у их родственников. Обращение нашло живой отклик у ветеранов, членов семей погибших воинов, общественных организаций. В течение нескольких лет А.М. Сторожева вела обширную переписку с ветеранами не только из Рязанской области, но и других городов Советского Союза. В результате на государственное хранение был принят обширный комплекс документов личного происхождения, включавший, помимо фронтовых писем, мемуарные источники, фото и иные документы, относящиеся как к периоду войны, так и к послевоенным годам. Кроме того, через личные контакты А.М. Сторожева просила рязанцев, работавших в годы войны в тылу, также записать свои воспоминания и передать их в архив. Из собранных документов была сформирована коллекция материалов участников войны (Ф. Р-5624), в которой собран разнообразный документальный материал, отражающий различные стороны рязанской истории военных лет.

Обширный корпус мемуарных источников, охватывающих в числе прочего и военные годы, также отложился в коллекции материалов по истории завода «Рязсельмаш» (Ф. Р-6257), собранной в начале 1960-х годов во время работы по созданию музея завода к 60-летию предприятия, а позже переданной на хранение в ГАРО.

Тексты, вошедшие в сборник, неравнозначны по своей информативности, литературным достоинствам, они очень разнятся стилистически, что понятно и объяснимо: за каждым текстом конкретный человек с его особым взглядом, опытом, размышлением о пережитом.

Как исторические источники, публикуемые воспоминания интересны тем, что отражают сразу несколько исторических эпох. Прежде всего, это свидетельства военного времени, взгляд очевидцев на события войны. Вместе с тем, воспоминания, записанные большей частью в 1960-х – начале 1980-х годов, являются косвенным свидетельством времени их создания, отражая существовавшую в те годы парадигму оценки событий военного времени.

¹ Немеркнущий подвиг: Сборник документов и материалов. М., 1982

Публикуемые тексты представляют собой своеобразный социокультурный срез, отражающий мемуарный взгляд на события военных лет людей разных поколений и социальных групп. Авторы воспоминаний – люди разных возрастов, разных судеб. Одни из них, как Н.М. Бабаев, Н.Г. Балакирев, Ф.П. Чернышов, в годы войны находились на руководящей работе. Других, как Е.В. Соколову, А.М. Сторожеву, война заставила сменить привычную деятельность и пойти работать в госпиталь, а кто-то на своем рабочем месте прикладывал все возможные силы, делая общую для всей страны труднейшую работу (И.Н. Курбатов, И.М. Мацнев, И. И. и Н.Е. Пиковские, Н.С. Черкасова). Кому-то довелось и организовывать оборону в тылу, и сражаться на фронте или в партизанских истребительных отрядах (В. Греков, Е.Г. Хоецян, С.И. Шишкова-Солоха). Кто-то жил и работал в тылу, перенося тяготы и лишения военного быта, эвакуации (М.Ф. Архипкин, работники завода «Рязсельмаш»). Л.Я. Артемьеву, А.С. Капралову, В.В. Лашёнову, Г.М. и Р.М. Суляевым война застала подростками, молодыми людьми, опалив их юные годы и оставив память на всю жизнь, а кто-то, как С.Д. Яхонтов, переживал происходящее на склоне лет, наблюдая и оценивая разворачивавшуюся военную драму в контексте десятилетий истории Отечества, прошедших на его глазах.

У каждого из авторов своя жизнь, своя судьба и своя война в памяти. А значит, и у каждого текста свой, индивидуальный уровень эмоциональности, в каждом своя пережитая драма или сильное впечатление. Так, для воспоминаний «ответработников» и руководителей-практиков (Н.М. Бабаев, Н.Г. Балакирев, Ф.П. Чернышов), характерно ровное, почти лишенное эмоций, изложение; стилистически они близки официальным рапортам и отчетам о сложной ответственной работе, которая успешно выполнена.

У авторов, переживших войну детьми или подростками, молодыми людьми (А.С. Капралов, В.В. Лашёнов, Г.М. и Р.М. Суляевы), порой звучат романтические интонации в восприятии событий военного времени; при этом они полны понимания значимости той роли, что выпала на долю молодого поколения в общем деле борьбы с врагом. Для них военные годы это и комсомольская юность, с готовностью к действию, самопожертвованию, и, в известном смысле, «приключение», когда драматизм происходящего несколько сглаживается благодаря горячности молодости и жажде полезной деятельности.

В отличие от воспоминаний тех, кого война застала в юном возрасте, лишены эмоциональности и слегка суровы мемуары старшего поколения авторов: железнодорожников (И.Н. Курбатов, И.М. Мацнев), работников завода «Рязсельмаш». Спокойное, полное достоинства повествование о выполнении долга и нужной в данный момент работы мы видим в мемуарах докторов, медицинских сестер рязанских госпиталей (И. И. и Н.Е. Пиковские, Е.В. Соколова), а воспоминания Н.С. Черкасовой и А.М. Сторожевой, отличает художественное, образное, местами ироничное повествование. Воспоминания С.И. Шишко-

вой-Солохи повествуют о труде женщин-сандружинниц, первыми приходившими на помощь жителям города при бомбежках и обстрелах, проводивших на первый взгляд незаметную, но такую важную и нужную работу по обеспечению деятельности тыловых госпиталей и организации медицинской помощи гражданскому населению.

Воспоминания, записанные и переданные в архив для последующей публикации, часто несут на себе отпечаток официальности, либо формализованы в соответствии с предложенной схемой изложения. Обращаясь к потенциальным авторам мемуаров, А.М. Сторожева ориентировала их на определенную композицию повествования, имея в виду предполагаемое издание сборника. Тексты авторов, изначально писавших не по заказу, а «для себя», напротив, лишены этой формализованности, они более эмоциональные, живые и открытые.

Так, откровенны и лишены ретуши воспоминания М.Ф. Архипкина – выходца из крестьянской среды, повествующие о том, как ему с семьей, благодаря житейскому опыту и практицизму, удавалось выжить в непростых условиях тыла. Краткие воспоминания Л.Я. Артемьевой – это зарисовки военного быта на фоне переживаемой личной драмы: крушения устойчивого мира семьи после гибели на фронте отца.

Особняком в ряду публикуемых мемуаров стоят дневниковые записи С.Д. Яхонтова, по сравнению с другими авторами человека не просто другого поколения, но другой эпохи, иного мироощущения. Родившийся до отмены крепостного права, видевший историю России второй половины XIX – начала XX столетия, переживший Первую мировую войну, все российские революции, крушение империи, гражданскую войну, становление советской власти, Степан Дмитриевич волею судьбы на излете жизни снова ввергнут в лишения, вызванные войной. Не случайно его дневники полны безысходности и апокалиптических настроений, вместе с тем, возраст, жизненный опыт, сознание историка заставляют его критично, а порой, и крайне резко высказываться по поводу происходящего вокруг.

Собирая мемуары для архивного хранения, А.М. Сторожева во многом ориентировалась на личные контакты и дружеские связи авторов воспоминаний. В итоге некоторые из публикуемых текстов объединяет общность воспоминаний людей, лично знавших друг друга. Одни и те же факты передаются авторами в различном изложении, дополняя друг друга, создавая объемную картину событий. Так, работа рязанского железнодорожного узла нашла освещение в воспоминаниях как работников железной дороги (И.М. Мацнев, И.Н. Курбатов), так и участников железнодорожной «летучки» – бригады по восстановлению связи (Г.М. Суляев, А.С. Капралов).

Комплекс воспоминаний работников завода «Рязсельмаш» содержит краткие, но ценные свидетельства о жизни рязанцев в военные годы, раскрывает

историю предприятия в начальный период войны – в Рязани, а затем в городе Невьянске Свердловской области, куда завод был эвакуирован, а также эпизоды, связанные с возвращением оборудования и работников домой и восстановлением производства. Сегодня воспоминания работников завода «Рязсельмаш» обрели особое звучание, поскольку в настоящее время старейшее промышленное предприятие Рязани прекратило свое существование, став частью истории.

Все авторы приводят свидетельства о трагических событиях, связанных с налетами вражеской авиации на город и крупные железнодорожные узлы. Так, С.И. Шишкова-Солоха вспоминает последствия бомбардировок привокзальных территорий и заводов, жилых кварталов, упоминает случай попадания снаряда в детский сад в районе городского рынка. Эти эпизоды, как и история прибытия в Рязань эшелонов с эвакуированными жителями блокадного Ленинграда, работа госпиталей, размещавшихся в годы войны в Рязани, сохранились в памяти горожан до наших дней.

Между тем, событийный, фактологический ряд, который раскрывают публикуемые тексты, чрезвычайно интересен не только как свидетельство о военном времени, но и с точки зрения рязанской истории в целом. Отдельные мемуары отражают особенности городского уклада и социальной истории Рязани, например, существование в городе профессионального сообщества железнодорожников. Его формирование началось в середине XIX века, когда была проведена железнодорожная ветка от Москвы до Рязани. До середины XX века в пределах рязанской Троицкой слободы, вблизи вокзала, существовал район, заселенный преимущественно железнодорожными служащими, где имела своя «железнодорожная школа» (позже № 17), свой парк культуры и стадион «Локомотив».

В мемуарах Г.М. Суляева рассказывается о массовом увлечении рязанцев футболом в предвоенные годы, что было характерно для советского общества в целом, упоминается местная футбольная знаменитость 1930–1940-х годов – Ю. Рытов.

Кто-то из авторов приводит важные или, напротив, малозначимые, но интересные подробности рязанской повседневности военных лет. Все эти свидетельства одинаково ценны для воссоздания картины жизни Рязани и районов области в условиях войны.

Общим для всех публикуемых мемуаров является то, что люди вспоминают войну как часть своей жизни, пытаются воссоздать переживания, эмоции, которыми были наполнены их военные дни и годы, что позволяет читателю погрузиться в атмосферу далеких военных лет, заставляет задуматься, помогает понять то время, давно ушедшее, но оставившее глубокий, словно шрам, след в нашей национальной памяти.

Полноценная история войны невозможна без свидетельств тех, кто пережил военные годы. Пережил и выжил не только на фронте, где делалась самая трудная

работа, но и тех, кто жил и трудился в тылу, принимая и перенося все тяготы, выпавшие на долю страны и народа. Люди военного поколения зачастую не хотят вспоминать войну: слишком тяжело снова, пусть в памяти, переживать лишения, голод, эмоциональное напряжение той поры. Тем ценнее каждое новое доступное свидетельство, особенно, воспоминания, как принято говорить, простых людей. В них нет пафоса и героики, присущих мемуарам полководцев, нет перечислений успехов и достижений, которыми полны официальные документы и воспоминания руководителей разного уровня. В них просто Жизнь: повседневная, без ретуши и грима, но полная труда, усталости и понимания необходимости выдержать, пережить выпавшие испытания.

* * *

Корпус мемуарных источников военного времени, хранящихся в ГАРО, гораздо шире представленного в сборнике. Для публикации воспоминания или их фрагменты отбирались в соответствии с хронологическим и территориальным принципом. В сборник вошли только те мемуары, в которых идет речь о событиях, происходивших в годы войны на территории Рязанской области и только в военный период. Большая часть воспоминаний, вошедших в сборник, впервые вводится в научный оборот.

При подготовке к публикации, была проведена литературная правка текстов: приведена в соответствие с современными требованиями орфография, в ряде случаев проведена необходимая стилистическая правка, при этом текст подвергался минимальной редакции, а особенности авторского изложения максимально сохранялись. При наличии нескольких авторских редакций воспоминаний, для публикации отбиралась наиболее полная из них.

Публикуемые документы были систематизированы по авторскому и тематическому принципам. Документы, не имеющие авторских заголовков, публикуются под редакционными заглавиями.

Сокращенные названия учреждений, организаций, должностей и общепринятые сокращения в текстах сохранены, их написание унифицировано. В ряде случаев фамилии лиц, упомянутых в текстах, из этических соображений приводятся не полностью, а с отточением.

В конце каждого публикуемого текста помещена легенда, содержащая номер фонда, описи, дела, листа, способ воспроизведения документов. В легенде не указывается название архива, так как все публикуемые документы происходят из собрания ГАРО, также опущено указание на опубликованность, поскольку все документы публикуются впервые.

Научно-справочный аппарат сборника состоит из археографического предисловия, указателя имен, кратких сведений об авторах, списка сокращений.

Работа рязанского областного военного комиссариата в годы войны

...Дыхание войны, зажженное на Востоке и Западе, чувствовалось все сильнее. В нашей стране особенно это чувствовалось работниками облвоенкоматов и райвоенкоматов. С июля 1939 г. по директивам штаба МВО чувствовалось приближение напряженного положения. Усиливались и создавались вновь посты ВНОС (воздушно-наблюдательной службы). С получением директивы штаба МВО в сентябре 1939 г. о проведении скрытого от мобилизации ресурсов на Большой учебный сбор (БУС), райвоенкоматам области было дано указание о поднятии ряда команд и партий на призыв военнообязанных и поставку техники, лошадей, повозок и упряжи. Это было первое практическое выполнение по от мобилизации ресурсов.

Ввиду плохого знания офицерским составом учетно-мобилизационной работы ряд военкоматов области допустил грубые ошибки в проведении этой работы. Так, Добровский райвоенкомат вместо частичного от мобилизации ресурсов, поднимаемых команд и партий, провел в районе полную мобилизацию и для отправки ресурсов запросил у облвоенкомата целый эшелон подвижного состава. В г. Рязани несколько дней ряд улиц были забиты повозками и людьми, призываемыми и провожающими, особенно много их было на ул. Горького возле школы № 1, где находился сборный пункт Рязанского горвоенкомата. Скрытность от мобилизации была нарушена.

За допущенные ошибки в проведении частичной скрытой мобилизации и за неорганизованную от отправку призванных облвоенком полковник А.П. Ковалев был от должности Рязанского облвоенкома отстранен. Впоследствии он был назначен (в 1940 г.) облвоенкомом одной из областей республик Средней Азии. При перелете к новому месту службы вместе с семьей погиб при аварии самолета.

Проведение скрытой мобилизации в сентябре 1939 г. и выполнение ряда других крупных заданий штаба МВО явились генеральной репетицией облвоенкомата и райвоенкоматов области по от мобилизации ресурсов. Во время

финской кампании, мобилизация была проведена более организованно, без грубых нарушений и скрытно, работа по отправке ресурсов проводилась ночью. Во время Великой Отечественной войны работа по мобилизации ресурсов была проведена еще более организованно.

8 апреля 1940 г. на должность Рязанского облвоенкома Наркомом обороны СССР был назначен бывший облвоенком Кировской области полковник Леонид Александрович Мурат – представительный мужчина, имеющий большой опыт работы. Он любил точность и оперативность в работе, был сам дисциплинированным, того же требовал от подчиненных. На должность начальника политотдела облвоенкомата 9 декабря 1940 г. был назначен батальонный комиссар Нигмат Нигматович Нурулин, который работал до 1950 г. <...>

Пятого или шестого июня 1941 г. после рабочего дня во дворе облвоенкомата для офицерского состава проводилась лекция на тему «Международное положение». Читала лекцию пропагандист Рязанского обкома КПСС тов. Позднякова, которая сказала, что у западных границ Советского Союза Германия сосредоточила более 100 дивизий. Эти войска сосредоточены для нападения на Советский Союз. Она сказала так же, что границу перешел один польский гражданин, который сказал, что Германия нападет на СССР в июне или начале июля месяца, но наше правительство считает, что это, возможно, провокация.

22 июня 1941 г. в 5 часов утра из штаба МВО поступила телеграмма, в которой говорилось: «Выставить все посты ВНОС и обеспечить их хорошей связью с райвоенкоматами и облвоенкоматом». В 12 часов дня по радио выступил Председатель Совета Народных Комиссаров Молотов. В своем выступлении Молотов сказал, что Германия напала на СССР.

В этот же день был объявлен Указ Президиума Верховного Совета о проведении мобилизации в ряде военных округов. Первым днем мобилизации было установлено 23 июня 1941 г.

Оповещение области было проведено ранее времени, намеченного планом. Отмобилизование ресурсов проведено планово в установленные сроки, несмотря на то, что с первых дней мобилизации были сделаны штабом МВО большие изменения в мобплане. Через несколько дней после объявления мобилизации были даны облвоенкомату большие задания по формированию маршевых рот, батальонов и формированию дивизий. Областная медицинская комиссия заседала ежедневно в помещении бывшей церкви Введения (на площади Мичурина).

Большие затруднения встретились в отмобилизовании техники. Всего из ресурсов, имевшихся в области, было принято на сдаточных пунктах только до 40% к плану, ввиду налета фашистской авиации на Мервинский сдаточный пункт, где вся техника, принятая для Советской Армии была приведена в негодность. 60% было выполнено за счет техники эвакуированной из других областей.

При формировании маршевых рот и батальонов были большие трудности в расквартировании людей, обеспечении вещевым имуществом и продовольствием, потому что в Рязанском гарнизоне не было вещевых и продовольственных складов. Поэтому до начала формирования маршевых батальонов вещевое имущество начало поступать с окружных окладов Московского военного округа. Оно поступало прямо в облвоенкомат, его разгружали с автомашин во дворе облвоенкомата и складывали под открытым небом.

Формирование маршевых батальонов происходило на лугу недалеко от шпалопропиточного завода, где были построены тесовые навесы, а во время дождя людей размещали в складах «Заготзерно» на железнодорожной станции Рязань-II, откуда они отправлялись в войска Западного фронта.

В 1941 – начале 1942 г. в городе Рязани на территории Октябрьского городка (Дашки) были сформированы две стрелковые дивизии, которые формировались в основном за счет ресурсов Рязанской области. В каждой дивизии было по 18 тысяч человек. Для обучения солдат не хватало учебного стрелкового оружия, а поэтому большая часть солдат тренировалась не с учебными винтовками, а болванками, сделанными из теса. Вещевым имуществом и продовольствием формируемые дивизии обеспечивались отделом снабжения Московского военного округа.

Первая стрелковая дивизия, сформированная в городе Рязани, была отправлена на фронт под Сталинград, дивизией командовал полковник Сергеев. В скором времени полковник Сергеев вернулся в облвоенкомат и сообщил, что дивизия разбита. Начальник политотдела погиб. Полковник Сергеев был направлен в распоряжение отдела кадров штаба МВО.

Вторая стрелковая дивизия, сформированная в Рязани, была отправлена в распоряжение Западного фронта.

Личный состав облвоенкомата и райвоенкоматов области работал круглые сутки с подменой на отдых. Сведения о ходе мобилизации ресурсов представлялись в штаб МВО в зашифрованном виде, через каждые три часа. Руководил всей этой работой начальник 1-й части интендант 3-го ранга Илья Афанасьевич Федулов.

Вся работа по отмобилизованию ресурсов проводилась в тесном сотрудничестве и полном согласии с местными партийными и советскими органами Рязанской области. Это способствовало своевременному и качественному проведению работы по мобилизации ресурсов для развертываемых воинских частей в первые дни Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

18 июля 1941 г. была получена директива штаба МВО № 11716 1941 г. об уничтожении всех документов по мобплану 1939–1940 гг. В октябре 1941 г. семьи офицерского состава Рязанского облвоенкомата и Рязанского райвоенкомата были эвакуированы в г. Орск Оренбургской области. Офицерский состав облвоенкомата и райвоенкоматов был переведен на казарменное положение.

В ноябре 1941 г. создалась напряженная обстановка для Рязанской области. 5 ноября 1941 г. Рязань бомбили фашистские самолеты. Все военные училища, воинские части, госпитали, МВД, воинские учреждения, крупные предприятия, детские и другие учреждения были эвакуированы из города.

Немецко-фашистские войска подходили все ближе к территории Рязанской области. В это время был получен приказ из МВО об эвакуации из западных районов области всей техники и военнообязанных призывных возрастов, которые сосредотачивались в Сасовском и Шацком районах, где из них формировались маршевые роты и отправлялись в воинские части под Москву. Одновременно облвоенкомат принимал из других областей эвакуированную технику и военнообязанных и все это направлял через пересыльный пункт в войсковые части области и МВО. Кроме этого, облвоенкомат принимал от эвакуируемых областей и отправлял в г. Бузулук послужные карты на офицеров.

Во второй половине ноября 1941 г. командующий войсками МВО генерал - полковник Артемьев назначил облвоенкома полковника Л.А. Мурата начальником Рязанского гарнизона, военным комендантом города Рязани был назначен начальник отдела Всевобуча облвоенкомата капитан П.Г. Шныров. До этого начальником гарнизона был начальник Рязанского пехотного училища полковник Виноградов, который вместе с училищем был эвакуирован из города.

В конце ноября 1941 г. Горловский, Михайловский, Скопинский, Чапаевский и Чернавский районы Рязанской области были заняты немцами. Райвоенкоматы указанных районов с личным составом и необходимыми документами были эвакуированы и прибыли в облвоенкомат. Немецкие танки подходили к райцентру Захаровского района.

26 ноября 1941 г. приказом № 37 начальника Рязанского гарнизона город Рязань был объявлен на осадном положении. Все ценные секретные документы были эвакуированы в рабочий поселок Тума. Для личного состава во дворе облвоенкомата стояли семь автобусов на случай эвакуации.

От штаба МВО было получено указание об уничтожении всех секретных документов, за исключением приказов и документов по личному составу. Все дела сжигались во второй бане на Театральной площади (ул. Есенина).

Оборона города Рязани была возложена на полк ополчения, вооруженный разнообразным несовершенным оружием. Полк размещался в 18 км от Рязани в сторону Захарова. Руководил обороной созданный комитет обороны под руководством первого секретаря Рязанского обкома партии тов. С.Н. Тарасова.

В начале декабря 1941 г. в Рязанскую область прибыла 10-я армия под командованием генерал-полковника Ф.И. Голикова, которая и очистила территорию Рязанской области от немецких оккупантов.

По прибытии 10-й армии в Рязанскую область ее штаб на несколько дней разместился в здании обкома партии. Охраняли штаб офицеры, прибывшие

в распоряжение Рязанского облвоенкомата после ранения: лейтенант Н.Г. Михно и лейтенант С. Кутернин, которые потеряли по одному глазу на фронте. В это время был сплошной поток офицерского состава, командиров войсковых частей, входящих в состав 10-й армии. Они обращались к начальнику Рязанского гарнизона полковнику Мурату по вопросам ознакомления с последними приказами и указаниями Государственного комитета обороны и по вопросу дополнительного обеспечения войсковых частей продовольствием, фуражом, банно-прачечным обслуживанием и другими услугами.

Рязоблвоенком и он же начальник гарнизона полковник Л.А. Мурат все вопросы, связанные с обеспечением войсковых частей, проходящих через Рязанскую область, согласовывал с советскими и партийными органами области. Поэтому почти ежедневно проходили суженные заседания исполкома областного Совета депутатов трудящихся, в состав которого входили облвоенком, начальник Рязанского гарнизона, первый секретарь обкома партии, председатель облисполкома, начальник областного управления НКВД. Этим составом заседание принимало решения, которые обязывали руководителей учреждений и организаций выполнять задания по обеспечению войсковых частей всем необходимым.

В начале 1942 г. штаты облвоенкомата были изменены. Вместо писарских учеников были введены должности заведующего делопроизводством и делопроизводителей по вольному найму. К этому времени все кадровые офицеры, имеющие военное образование и работавшие в райвоенкоматах, были заменены офицерами, прибывшими с фронта по ранению.

После выполнения нарядов на призыв военнообязанных, поставку техники, лошадей, повозок и упряжи по мобплану, на формирование маршевых рот, батальонов и дивизий облвоенкомату и райвоенкоматам области давался перспективный план призыва военнообязанных на каждый день: райвоенкоматам от 3 до 10 человек, облвоенкомату – от 100 и более человек.

К марту 1942 г. все свободные ресурсы военнообязанных, состоящих на учете в райвоенкоматах области, были призваны в Красную армию, оставались военнообязанные, забронированные за народным хозяйством, занимающие руководящие должности в колхозах, совхозах, учреждениях и предприятиях, и специалисты высоких квалификаций, работающие в промышленности, выпускающей необходимую для фронта продукцию. Начались большие трудности в выполнении планов по призыву военнообязанных, даваемых штабом Московского военного округа.

В это время было получено указание о призыве девушек, которые направлялись в тыловые войсковые части зенитной артиллерии, прожекторные части, в военкоматы и другие части на замену солдат, годных к строевой службе, направляемых на фронт.

В апреле 1942 г. в Рязань приехал командующий войсками МВО генерал-полковник Артемьев. Он собрал всех офицеров облвоенкомата, Рязанского горвоенкомата и Рязанского райвоенкомата и поставил задачу перед каждым офицером. Он сказал: «Я многого от вас не требую. Сейчас от каждого офицера требуется ежедневно найти одного человека для призыва в армию. Если мы это сделаем, то выполним задание Государственного Комитета Обороны СССР». Необходимо было найти людей: во-первых, за счет неправильно забронированных, во-вторых, за счет переосвидетельствования освобожденных от призыва по болезни и находящихся в отпуске после ранения; в-третьих, за счет замены молодых возрастов в тыловых частях и на предприятиях, в-четвертых, за счет задержания на вокзалах и в поездах лиц без документов, в-пятых, за счет задержания дезертиров и всех мужчин призывного возраста, не имеющих документов об освобождении от призыва.

С первого дня Великой Отечественной войны и до ее конца – мая 1945 г. облвоенкоматом и райвоенкоматами области проводилась напряженная работа по обеспечению ресурсами воинских частей фронтов Отечественной войны 1941–1945 гг. и промышленности рабочей силой.

Чтобы выполнить эту ответственную задачу, областным и районными военкоматами проводилась большая работа. По всей области были развернуты учебные пункты, где готовилась и обучалась ведению боевых действий молодежь очередных годов призыва. Подготовку проводили офицеры, ограниченно годные к военной службе, получившие ранения на фронтах Отечественной войны и прошедшие там практическую военную подготовку. Ежедневно офицерами военкоматов проверялась правильность бронирования рабочей силы за народным хозяйством. Все военнообязанные, неправильно забронированные, немедленно освобождались от работы и направлялись на фронт. На предприятиях и в учреждениях при проверке изучалось положение каждого в отдельности участка работы, и, где было возможно, молодые военнообязанные, необходимые для фронта, заменялись женщинами или ограниченно годными к службе мужчинами.

Офицерским составом облвоенкомата и райвоенкоматов совместно с работниками органов НКВД проводилась работа по борьбе с нарушителями закона «О всеобщей воинской обязанности» и велась борьба с дезертирством: проверялись документы у всех граждан мужского пола в поездах, проходящих по железным дорогам Рязанской области, и всех, не имеющих соответствующих документов, задерживали.

На протяжении всего периода Великой Отечественной войны работала областная медицинская комиссия, до апреля 1944 г. под председательством начальника 2-й части облвоенкомата капитана административной службы Владимира Антениновича Николина. В состав комиссии входили лучшие врачи города Рязани: Заслуженный врач республики Владимир Яковлевич Синегубкин, Михаил Васильевич Яковлев, Владимир Георгиевич Раух, Александрин

и другие. На комиссию была возложена большая и ответственная обязанность по переосвидетельствованию бывших фронтовиков, находившихся в отпусках по ранению и болезни, и военнообязанных, ранее признанных негодными и ограниченно годными к службе в военное время. После переосвидетельствования признанные годными к службе в военное время направлялись на фронт через пересыльный пункт. Признанные годными к физическому труду и негодными к военной службе направлялись на работу в промышленность.

В работе, проведенной облвоенкоматами по от мобилизованию ресурсов в 1941 г., Рязанский облвоенкомат занял первое место в Московском военном округе. Облвоенком и ряд райвоенкомов области были награждены ценными подарками. И в дальнейшем в работе по обеспечению фронта ресурсами рязанский облвоенкомат занимал одно из первых мест в Московском военном округе.

За хорошее, точное, полное и качественнее выполнение всех заданий по обеспечению фронта ресурсами облвоенкому полковнику Л. А. Мурату в октябре 1943 г. было присвоено воинское звание «генерал-майор». В марте 1944 г. его освободили от должности Рязанского облвоенкома в связи с назначением его Одесским облвоенкомом. На должность Рязанского облвоенкома в апреле 1944 г. был назначен полковник Константин Алексеевич Елшин, который проработал в облвоенкомате до 8 апреля 1945 г., а затем был переведен начальником курсов МОВУ (Местных органов военного управления) Московского военного округа.

После окончания Великой Отечественной войны личным составом областного и районных военных комиссариатов области была проделана сложная и большая работа по приему на учет демобилизованных воинов, сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны, по их трудоустройству, розыску не вернувшихся с фронта, без вести пропавших на фронте, оформлению и розыску необходимых документов для назначения пенсий инвалидам Отечественной войны и офицерскому составу, уволенному в запас или отставку.

Некоторые недостатки в работе райвоенкоматов в период первого года войны

В ноябре 1941 г., когда немцы подходили к Рязанской области, на Шацкий райвоенкомат было возложено обеспечение продуктами питания воинских частей, проходящих через Рязанскую область, а также маршевых рот и батальонов сформированных из военнообязанных, эвакуированных из западных районов Рязанской области. Шацкий райвоенком капитан Яков Васильевич Повов и техник-интендант I-го ранга Соколов, воспользовавшись напряженным положением и бесконтрольностью со стороны финансовой части облвоенкомата, расхитили большое количество продуктов: сахара, круп, консервов и других

продуктов, за что были преданы суду военного трибунала и по решению суда направлены в штрафную воинскую часть на фронт, где капитан Повов в первом бою был убит, а техник-интендант Соколов – ранен, искупил свои поступки и вернулся на прежнее место службы. Судимость с него была снята.

Михайловский райвоенком, старший политрук Окроков при подходе немцев к г. Михайлову сам с семьей и частью личного состава райвоенкомата прибыл на автомашине в г. Рязань. Машина, кроме людей, были загружена разными продуктами, а все секретные и совершенно секретные документы он отправил в Рязань на повозке в сопровождении офицера райвоенкомата. Когда немцы вошли в г. Михайлов и узнали, что райвоенкомат все секретные документы отправил на повозке, через стереотрубу определили местонахождения повозки с документами и выстрелом из миномета убили лошадь и все документы райвоенкомата остались у немцев. Офицер райвоенкомата пешком прибыл в облвоенкомат. За допущенные ошибки райвоенком и офицер были наказаны. После освобождения г. Михайлова секретные документы были найдены на том же месте, где была убита лошадь, и все оказались налицо. Это и смягчило наказание райвоенкому.

При подходе к г. Скопину немецких воинских частей, Скопинский райвоенком интендант 3-го ранга Денисов, возглавлявший оборону города, не принял мер против немецкой разведки, которая ворвалась в Скопин на мотоциклах. Немецкая разведка за несколько часов убила в городе 32 человека мирных жителей, в основном, работников пекарни, столовой, почты и других учреждений. Интендант 3-го ранга Денисов являлся начальником гарнизона, комендантом гарнизона был начальник 4-й части райвоенкомата (фамилию не помню). Взвесив обстановку и решив, что натиск немецкой разведки им отразить нечем – в райвоенкомате было только учебное оружие и два пистолета ТТ – они решили выехать из г. Скопина. При отъезде по их указанию был подожжен элеватор с зерном. За непринятие действенных мер против немецкой разведки, трусость и поджог элеватора с зерном, Денисов и начальник 4-й части были преданы суду военного трибунала. Но суд решил ограничиться дисциплинарным взысканием. Они получили по 10 суток ареста с содержанием на гауптвахте.

Случаи при задержании дезертиров

В декабре 1941 г. военный прокурор гарнизона Рязани получил задание организовать задержания дезертиров. Выезжая для обследования местности, где по сигналам жителей окрестных сел, скрываются дезертиры, он взял с собой коменданта гарнизона капитана П. Г. Шнырова и свою жену.

Подъезжая к одному из стогов в лугах, недалеко от Луковского леса, машина прокурора наехала на мину, установленную дезертирами, мина взорвалась, и ма-

шина прокурора разорвалась пополам. Жена прокурора погибла, прокурор и военный комендант остались живыми, они сидели впереди, а жена на заднем сидении. В стогах были обнаружены жилища, но на месте никого не обнаружили.

В июле 1942 г. Сараевский райвоенком политрук Кукушкин совместно с инструктором Всеовбуча лейтенантом Соколовым в скирдах соломы задержали дезертира Беззубцева. Политрук Кукушкин задержанного дезертира Беззубцева органам милиции не передал, а поручил лейтенанту Соколову сопровождать его до райцентра, а сам остался выполнять другое задание. Когда дезертир Беззубцев остался один на один с лейтенантом Соколовым, то обезоружил лейтенанта Соколова и выстрелом в голову убил его, а сам скрылся.

Начальник 1-й части Букринского райвоенкомата лейтенант административной службы Назаров при проверке документов в пассажирском поезде, следовавшем в Москву, между станциями Ряжск и Шевцово, задержал двух дезертиров. При подходе к станции Шевцово в пяти километрах вывел задержанных в тамбур вагона и встал у двери. Дезертиры схватили лейтенанта Назарова и выбросили из вагона на ходу поезда, а сами уехали на этом же поезде. Лейтенант Назаров был подобран утром с сотрясанием мозга и помещен в военный госпиталь, где пролежал более двух месяцев.

В марте 1945 г. начальник финансово-хозяйственной деятельности Ермишинского райвоенкомата, совместно с конюхом, на лошади поехали в лес за сеном, которое было заготовлено летом 1944 г. для лошади райвоенкомата. Когда они подъехали к стогам и хотели грузить сено, в это время обнаружили замаскированное большое отверстие, когда его разобрали и влезли в него, то обнаружили в стогу оборудованное жилище, в котором размещались раньше дезертиры. В этом жилище нашли чистые бланки свидетельств об освобождении от воинской обязанности и поддельную мастичную гербовую печать Ермишинского райвоенкомата, которой дезертиры заверяли поддельные свидетельства об освобождении от воинской обязанности и другие документы.

17 ноября 1983 г.

*ГАРО. Ф. Р-5624. Оп. 1. Д. 114 оц. Л. 5–18.
Авторизованная машинопись, 1-й экземпляр.*

Мобилизация автотранспорта для нужд фронта в Рязани

Работа по подготовке автотранспортных средств, имеющих в распоряжении предприятий и организаций города и области, к мобилизации в случае войны была начата в Рязани в апреле 1941 г. Организация этой работы была возложена на военного инженера Н.Г. Балакирева, работавшего в то время механиком треста «Рязлеспром». В его задачу входило определение технического состояния автомобилей, находящихся в автохозяйствах города и области, подлежащих мобилизации и поставке в армию в случае войны, выявление потребности в запчастях, резине, проектирование опорных ремонтных баз, выяснение возможности изготовления запчастей на предприятиях и другие вопросы. В течение апреля – первой половины июня 1941 г. в условиях глубокой скрытности была проведена большой подготовительная работа по подготовке мобилизации и поставке автомобилей в армию.

Уже 22 июня 1941 г. начал работу городской пункт по формированию авточастей Красной Армии. Предварительная комиссия, возглавляемая председателем рязанского автомотоклуба тов. Бантле, размещалась в зоне драматического театра. Окончательная комиссия по поставке машин в армию под председательством военинженера Н.Г. Балакирева размещалась на территории мотороремонтного завода. Начальником автопункта был старший лейтенант горвоенкомата С.А. Малин.

В районе автопункта были развернуты полевые средства ремонта. Город Рязань мобилизационный план поставки автомашин выполнил досрочно и продолжал наращивать темпы за счет использования внутригородских резервов. Каждые два-три дня работу по мобилизации автомашин заслушивал суженный президиум облисполкома.

Острая потребность в автомашинах, которую ощущала Красная Армия в первый год войны, заставила пересмотреть мобилизационные планы поставки машин и почти удвоить их. Это было так же следствием больших потерь в автомашинах, которые мы понесли в первые месяцы войны.

Для организации ремонта автомобилей, предназначенных для поставки в Красную Армию, как забракованных при мобилизации в Рязани, так и посту-

пающих из других областей, в г. Рязани и по области была создана сеть ремонтных баз. Работа по ремонту и восстановлению автомашин велась на территориях эвакуированных заводов: «Рязсельмаш», завод № 168, завод кассовых аппаратов, в механических цехах действовавших предприятий, в судоремонтных мастерских, в железнодорожных мастерских станций Рыбное и Сасово, а также в Касимове и Шацке. За время работы было внесено много конструктивных упрощений, например, до сего времени можно встретить автомашины ГАЗ-ММ и ЗИС-5 имеющие передние крылья плоского под углом профиля, самодельные боковые ветровые стекла кабин и др. Техническое руководство ремонтными базами по области возглавил военный инженер Н. Г. Балакирев. Оперативное руководство осуществлял облвоенком полковник Л. А. Мурат через своего представителя начальника части М. М. Королева.

Эти мероприятия позволили обеспечить поставку в армию дополнительно около 800 машин. Следует учесть, что для получения даже одной машины требовалась санкция ставки.

При приближении фашистских войск к Москве, через г. Рязань усилился поток автомашин с эвакуированными: частными лицами, военнослужащими с семьями и сотрудниками различных организаций. Известны были случаи панически настроенных элементов, которые, не видя прямой для себя опасности, забывали свой гражданский и служебный долг, используя служебное положение, грузили свое имущество, вплоть до «фикусов», надстраивали фанерные фургоны, и в полном смысле бежали, сея панику.

Учитывая эти факты, облисполком наделил военинженера Н. Г. Балакирева полномочиями по изъятию автомашин, следовавших через г. Рязань, с организацией дальнейшего следования эвакуированных по железной дороге. Изымаемый автотранспорт предназначался для передачи в Красную Армию. Эта работа, проводившаяся с большим тактом и внимательностью, позволила доставить дополнительно армии около 200 автомашин.

Приближение фашистских войск к г. Рязани и угроза оккупации, создавшаяся в связи с отсутствием наших войск в городе, вызвали нервозность некоторых руководителей областных организаций и толкали их на поспешные необдуманные действия, как, например, бессмысленный слив горючего из нефтеемкостей или скрывание и маскировку автомашин, с целью внезапного бегства и др. Это потребовало кадровых перестановок, в частности, в областном управлении автотранспорта. 6 ноября 1941 г. на суженном президиуме облисполкома начальником областного управления был утвержден беспартийный инженер Н. Г. Балакирев, совместивший обязанности председателя мобилизационно комиссии по поставке автомашин в армию и начальника спецавтоколонны ГКО. Бесшменным «секретарем», составлявшим акты на сдачу автомашин в воинские части, что нередко выполнялось им при разрывах бомб во время воздушных налетов

противника на места сосредоточения автомашин, был В.В. Гавердовский – в мирное время работник рязанской конторы «Главкондитер».

В период переброски в район Рязани 10-й армии и подготовки контрнаступления под Москвой зимой 1941–1942 гг. областное управление автотранспорта обеспечивало условия скрытности мест дислокации прибывавших войск. К началу наступления 10-й армии в районе Михайлов – Грязное – Горлово была организована поставка в войска нескольких тысяч автомашин, обеспечено сохранение запасов горючего, организован ряд заправочных пунктов ГСМ в районе продвижения наших войск, бесперебойный подвоз боеприпасов в район боевых действий (г. Михайлов) и вывоз раненых с передовых позиций автотранспортом в г. Рязань. Сотрудники управления участвовали в организации противовоздушной обороны, осуществляли доставку раненых при воздушных налетах на город в больницы и госпитали.

Все это требовало организационных специальных знаний, и с этими задачами автоуправление справилось. Смелость, стойкость и решительность проявили начальник эксплуатации автобазы № 1 Ф.Ф. Андрианов, главный инженер автоуправления, бывший инженер «Свиноводтреста» Г.В. Паршуков, инженер автоколонны ГКО В.П. Прокофьев.

Последним крупным мероприятием работников автоуправления была организация подвоза бутылок с горючей жидкостью для борьбы с танками в район боевых действий на Воронежском направлении, после чего деятельность автоуправления вернулась к удовлетворению нужд своей области. В частности, автоуправление организовало использование трофейных автомашин для нужд города, так как Рязань почти полностью была оголена автотранспортом, который передала в армию.

15 декабря 1968 г.

*ГАРО. Ф. Р-5624. Оп. 1. Д. 57. Л. 1–6.
Машинопись, 2-й экземпляр.*

Из истории Рязанского добровольческого полка

...18 ноября 1941 г., когда фашистские войска вели бои за Москву и угрожали г. Рязани и районам Рязанской области, по приказу Рязанского комитета обороны, председателем которого являлся первый секретарь Рязанского горкома и обкома КПСС С.Н. Тарасов, Рязанский рабочий добровольческий полк был выдвинут в Захаровский район, имея задачу занять оборону на рубеже с. Алексеевка и Вороньи Веселки, закрыть в первую очередь шоссейную дорогу Михайлов – Захарово и не допустить проникновения фашистских войск к г. Рязани до подхода 10-й армии под командованием генерала Ф.И. Голикова, которую ждали со дня на день.

Рязанский рабочий добровольческий полк был вооружен плохо. На вооружении полка было 15 противотанковых ружей, 1000 винтовок образца 1891 г., четыре 45 мм пушки, ручные гранаты кустарного производства, которые изготовлялись на заводе «Рязсельмаш», около 800 бутылок с горючей смесью, которые изготовлялись на ликероводочном заводе и в фельдшерско-акушерской школе. Для полка этого вооружения было маловато. Вот с таким вооружением мы должны были противостоять танковому корпусу танковой армии немецкого хваленного генерала Гудериана. Но мы были сильны своими морально-волевыми качествами, мы защищали свою Родину, мы вели войну справедливую, а не захватническо-агрессивную.

24 ноября части танкового корпуса ворвались в Рязанскую область и оккупировали Чернавский, Чапаевский, Горловский, Милославский районы, г. Скопин и г. Михайлов. Жизнь в г. Михайлове была парализована, не было света и воды, жители города прятались в подвалах, боялись показаться на глаза фашистам, укрытие красноармейцев каралось расстрелом.

В слободе Щетиновке (недалеко от г. Михайлова) на щеке сержанта Красной Армии вырезали звезду, последний был еще жив. Фашистские грабители забирали у населения городов и сел птицу, скот, продукты питания. За 13 дней оккупации фашистами захваченным районам и городам Скопину и Михайлову был нанесен материальный ущерб до 250 миллионов рублей.

24 ноября я был вызван в Рязанский горком партии, где секретарь горкома К. А. Афанасьев вручил мне партийный билет. Недолго пришлось носить партийный билет в гимнастерке, так как 25 ноября по приказу командира полка тов. Ромадина, я должен был произвести разведку. В 17 часов я возглавил разведроту в количестве 40 человек и направился в сторону совхоза «Стенькино». По сведениям двух мальчиков из совхоза было известно, что в «Стенькино» (25 км от г. Рязани) находится фашистская разведка в количестве 10–13 человек. Мне было приказано захватить разведку.

Перед уходом в разведку я сдал партийный билет комиссару полка тов. Родимову. Такой порядок: когда идешь в разведку, документы отбираются и в первую очередь партбилет. Когда стемнело, это было в седьмом часу вечера, мы тронулись в путь по тому маршруту, который указали мальчики Володя и Коля. Они шли впереди нас. Когда добрались до той хаты в юго-западной части деревни, окружили домик, убрали без шума часового и ворвались в хату. Немцы не успели взяться за автоматы. Мы с криком «Хенд хох» с гранатами заставили их поднять руки вверх, по очереди выпускали на улицу, предварительно обрезав пуговицы на штанах, чтобы далеко от нас не убежали. 13 человек фашистской разведки были доставлены в штаб полка, они дали ценные сведения о вооружении и численности противника в г. Михайлове. Приказ был выполнен.

В этой разведгруппе немцев были два брата-близнеца. Мы решили половину разведгруппы во главе с командиром разведки по фамилии Григер оставить у себя как заложников. Остальных шесть человек, в том числе и одного брата-близнеца отпустили, чтобы они доложили командованию Михайловской группировки войск, что в Захаровском районе обороняются несколько дивизий кадровых войск Красной Армии с большим количеством вооружения: танков, артиллерии, минометов. На самом деле такого вооружения не было.

Эта уловка нам удалась. Немцы в течение двух суток не двигались в сторону Захарова. Это нам и было нужно, чтобы выиграть время до подхода регулярных частей 10-й армии, которые уже выгружались на станции Шилово и следовали в сторону г. Рязани.

Я забыл упомянуть, что если отпущенные нами шесть человек разведгруппы не доложат, что мы им сказали, то заложники во главе с ефрейтором братом-близнецом будут расстреляны.

30 ноября я был вызван в Рязанский обком партии к председателю комитета обороны С. Н. Тарасову. У него в кабинете уже сидел командующий 10-й армии генерал Ф. И. Голиков. Я получил от генерала Голикова новое задание: провести разведку боем в направлении г. Михайлова силами усиленной стрелковой роты Владимирского пехотного училища, четырьмя танками, при поддержке артиллерии.

К исходу дня 30 ноября наша разведка достигла юго-восточной окраины д. Поярково (11 км от г. Михайлова) и была остановлена боевым охранением немцев, сильным артиллерийским, минометным, ружейно-пулеметным огнем.

Больше часа продолжался огневой бой-перестрелка, немцы двинулись на нас. Мы их подпустили на дистанцию ружейно-пулеметного огня, и когда они подошли на 400 м, мы обрушили на них артиллерийский, минометный огонь, с помощью четырех танков, при поддержке артиллерии, перешли в контратаку и захватили позиции занимаемые немцами юго-западнее д. Поярково.

На рассвете 1 декабря был получен приказ отойти на исходный рубеж. При поддержке артиллерийского и минометного огня мы заняли исходные позиции до контратаки. В этом бою двое из нашей разведроты Николай Нырков и Владимир Федоров пали смертью храбрых, восемь человек получили легкие и тяжелые ранения. В том числе был ранен и контужен я. Это была первая кровь, пролитая мною на Рязанской земле. Данные, полученные разведкой боем, были доложены командующему 10-й армии. После этого боя немцы топтались на месте и в течение четырех суток не наступали в сторону Рязани.

В ночь с 6 на 7 декабря части 10 армии сходу атаковали г. Михайлов и районы области, и к рассвету 8 декабря вся территория Рязанской области была освобождена от оккупантов. Город Михайлов был одним из первых городов, освобожденных во время контрнаступления на Московском направлении. У немцев были взяты 300 человек пленных, большое количество боеприпасов, оружие, два эшелона авиабомб, около 28 грузовых и 10 легковых машин. Большую помощь разведывательными данными нашим войскам оказывало местное население. Так, директор Пушкинской школы тов. Захаров систематически снабжал разведывательными данными о численности имеющегося вооружения, огневых средств и местах расположения огневых точек. За это приказом Рязанского обкома ему была объявлена благодарность.

15 декабря 1941 г. в Рязани и районах области было снято осадное положение и светомаскировка. Трудящиеся Рязани и области начали нормальную жизнь, стали восстанавливать разрушенное народное хозяйство пострадавших районов от оккупации. Стали готовиться к весенне-полевым работам и налаживать работу промышленных предприятий.

18 декабря 1941 г. в Рязани в п. Дашки, где раньше дислоцировалось (и дислоцируется сейчас) автомобильное училище, по решению Ставки Верховного главнокомандования начала формироваться 149-я стрелковая дивизия, основой которой стал Рязанский добровольческий рабочий полк и жители районов и городов области; 85% личного состава дивизии были рязанцы. В составе дивизии были также представители Москвы, Тулы и других городов. После прохождения учебы по боевой и политической подготовке дивизия 15 февраля была готова вступить в бой...

28 февраля 1984 г.

*ГАРО. Ф. Р-5624. Оп. 1. Д. 115. Л. 1–6.
Авторизованная машинопись, 1-й экземпляр.*

Скопинский истребительный батальон

Вскоре после начала войны в 1941 г. в Скопине из коммунистов и комсомольцев был создан истребительный батальон. В нем было 700 человек. Но потом его состав стал быстро убывать в связи с мобилизацией части бойцов на фронт.

Когда в город в этот же год, в ноябре, входила немецкая группировка, истребительный батальон вступил с ней в бой в пригородной деревне Новиково. У нас был ранен тов. Бодягин. Были ранены и у немцев. Истребительному батальону пришлось отступить перед превосходящими силами противника. Во время захвата немцами города Скопина часть бойцов истребительного батальона ушла в лес «Троицкая роща». О месте сосредоточения будущих партизан каждому из них было заранее сообщено лично секретарем райкома партии Старостиным Николаем Федоровичем, в том числе и мне.

Кстати, с самого начала скажу, почему я без кисти правой руки, которую потерял в 12-летнем возрасте, стал бойцом истребительного батальона и затем партизанского отряда. Дело в том, что мой отец и старший брат отличные стрелки. Я тоже унаследовал это мастерство, и уже безруким участвовал в окружных стрелковых соревнованиях в Рязани, был капитаном этой команды от Шацкого района. Наша команда заняла первое место. Вот почему меня приняли в истребительный батальон, а после изгнания немцев из Скопина назначили политруком взвода снайперов-допризывников при Скопинском райвоенкомате.

При комплектовании партизанского отряда еще до оккупации города Скопина мне было поручено организовать походную типографию для выпуска газет и листовок во время оккупации. Редактором будущих подпольных изданий был назначен редактор Скопинской районной газеты тов. Ганьших. Когда я в последние минуты перед оккупацией уезжал из города, то вез с собой одну полужакетку текстового и другую полужакетку заголовочного шрифта, мелкий инвентарь, необходимый при ручном наборе, ручной винтовой пресс, который должен был заменить печатную машину, краски и бумагу.

Наборное дело к тому времени я хорошо изучил, работая с 1938 г. директором Скопинской типографии, а до этого в 1930–1938 гг. – секретарем редакции Шацкой районной газеты.

Впустить печатных материалов нам не пришлось. Но мне с самого начала недолгого существования партизанского отряда неожиданно выпала другая обязанность – проводника. В группе собравшихся в Скопинском лесу товарищей только я оказался хорошо знакомым с этим лесом, и мне было предложено развозить товарищей по лесным избушкам. Раньше в них жили лесники. Но им заранее было предложено освободить избушки. Нескольким партизанам, и в том числе мне, были выданы документы задним числом, якобы мы являемся лесниками.

В первую же ночь я повез трех человек в избушку на южной окраине леса, близ села Дмитриева. Это были тов. Старых, коммунист, сейчас проживает в нашем районе, Люба Крашкина, после оккупации была секретарем райкома комсомола и комсомолка Зина Аверина.

У Любы Крашкиной был заранее приготовлен «национальный» секиринский наряд, и она сразу, как только мы приехали на место, отправилась на разведку в села Секирино, Чулково и на поселок станции Коготково. Немцев там не было.

Рано утром, на заре следующего дня я готовился к возвращению в центральную избушку. Вдруг вижу, в открытом поле с юга к лесу перебежками продвигается отряд военных. Вскоре увидел буденновки со звездами на них. Наши! Впереди молоденький офицер с револьвером в руке. Пошел навстречу. Встретились. Рассказал офицеру обстановку. Он был в полном неведении: что и кто на пути отряда. Вывел их на дорогу, к деревне Ивановке, показал ложину, по которой отряд дошел незамеченным до самой Ивановки, а сам быстро на лошади направился к своему командованию, чтобы сообщить важную весть.

Командиром нашего отряда был тов. Гирёв. До оккупации Скопина он был директором горного техникума, после – вторым секретарем райкома партии, заместителем его в отряде был Яков Бойков. До оккупации он работал секретарем райкома комсомола, после оккупации – третьим секретарем райкома партии.

Когда приехал в отряд, командир тут же послал Бойкова, бойца Шуваева и еще одного бойца, фамилии не помню, но знаю, что он прошел специальные курсы подрывников в Рязани и в отряде, в свою очередь, должен был передать свое умение другим товарищам. Четвертым был я.

Прибыли в Ивановку рано утром. Встретились с командиром отряда красноармейцев и договорились с ним о совместном наступлении на город. К сожалению, партизанам выступить не пришлось. Красноармейцы выступили в тот же день и заняли город. Немцы отступили, не приняв боя. В отряде об этом не знали. Узнали только ночью от проезжавшего через лес из Рязска секретаря райкома партии тов. Старостина. Он возвращался в Скопин вдвоем с председа-

телем райисполкома тов. Вишняковым. У центральной избышки в это время я стоял часовым. Наше командование перед этим перешло в другую избышку на восточной окраине леса. Мне поручили немедленно пойти к тов. Гирёву и передать ему, чтобы тот быстрее связался с секретарем райкома.

Когда я на лыжах прибыл в штаб, новость, принесенная мной, вызвала и ликование товарищей, и сомнение, поэтому Гирёв послал в город прежних «связистов», но только трех, без подрывника. В городе мы связались не только со Старостиным, а и еще раз с отрядом красноармейцев, который к этому времени уже пополнился новыми группами.

В воинском подразделении по нашей просьбе нам дали патроны для винтовок, бутылки с горючей смесью для борьбы с танками и запалы для самодельных гранат. Они были изготовлены в техническом училище или на одном из скопинских заводов. Это отрезки металлических труб, с одного конца зачеканенные, с круглыми железным донышком, а с другого конца в них вставлены и закреплены деревянные ручки. В ручках – вдоль них, круглые отверстия сбоку внутрь. В эти отверстия вставлялся запал и бикфордов шнур. Шнур привязывали к ручке. Техника пользования такая: граната берется рукой так, чтобы из этого положения ее можно легко бросать. Несколько спичек зажимается той же рукой так, чтобы их головки оказались рядом с наружным концом бикфордова шнура. В другую руку берут спичечную коробку, которой и чиркает по спичкам, или наоборот – спичкой по коробке. После этого гранату сразу же бросают в противника. Бикфордов шнур брали такой длины, чтобы сгорел в течение пяти секунд. Звук разрыва этой гранаты в несколько раз сильнее гранаты РГД. Осколки разлетаются с визгом. На отрезках труб делали частые насечки долевые и поперечные.

У кого-то из двоих моих товарищей «связистов» оставалась семья в Скопине. Когда закончили дела в городе, Бойков и Шугаев пошли к этой семье. Я остался у здания райкома, которое в то время занимал штаб воинского соединения, на охране повозки с боеприпасами.

Бойков и Шуваев не прошли еще и одного квартала, как со стороны вокзала послышался треск мотоциклов. Они двигались треугольником, впереди один посреди улицы и еще два на порядочном расстоянии от первого. Первый успел проскочить мимо нас. У каждого мотоцикла была люлька с легким пулеметом. На каждой машине по трое человек в белых халатах и белых шляпах с широкими полями. Я и боец – часовой у здания райкома думали, что это наши. Но убежавший из здания райкома офицер закричал: «Пулеметы – к бою!», лег за ручной пулемет, стоявший на рассошках на тротуаре у здания райкома и направленный как раз в сторону вокзала.

Бойков и Шуваев, как только услышали треск мотоциклов, тоже побежали к перекрестку у здания райкома партии. Надо сказать, что оба они незадолго

перед Отечественной войной отслужили в Красной Армии. Поэтому-то тов. Гирёв больше всего и полагался на них.

По диагонали перекрестка против ручного пулемета, у угла аптеки стоял на высокой тревоге пулемет «Максим» дулом вверх. Он был приспособлен для стрельбы по самолетам. Бойков и Шуваев слышали возглас офицера, и очень быстро сняли пулемет на землю и одновременно с офицером стали стрелять по приближавшимся двум мотоциклам. Фашисты посыпались с мотоциклов, как горох. Не знаю, что с ними случилось, были ли они убиты и ранены, или им удалось бежать.

Во время этой перестрелки слышались выстрелы с противоположной стороны – от типографии и стадиона. Часовой мне сказал, что он слышит визг пуль.

Вот что произошло в это время во дворе типографии. Оказывается, на чердаке здания типографии после отступления врага из Скопина оставалось несколько немцев. Во время стрельбы из наших пулеметов у здания райкома немцы тоже открыли стрельбу из слухового окна чердака, потом спустились вниз и перебежали на соседний двор. Все это видела моя жена Милова Вера Ивановна из домика во дворе типографии, который занимала наша семья. Она и рассказала прибежавшим на звуки автоматных выстрелов нашим солдатам, куда побежали немцы. Через короткое время один из них был убит, другие сдались в плен.

После я узнал, что немецкие мотоциклисты, двигавшиеся со стороны вокзала, были из группы немцев на 10 мотоциклах и двух автомашинах, всего 60 человек, возвращавшихся из разведки со стороны Кораблино.

Автомашины на подходе к Скопину были обстреляны советским самолетом. Одной удалось скрыться на окраине Скопина, другая взорвалась, подожженная с самолета. Немцы еще до взрыва покинули ее и рассеялись по полю. Убежали немцы и с другой машины и с остальных мотоциклов.

Немцы в Скопине были не многим более суток. Что успели за это время сделать партизаны?

Партизаны встретили отряд советских воинов и помогли ему быстрее беспрепятственно дойти до Ивановки и занять удобную исходную позицию в пригородном лесу для своей атаки, благодаря чему в тот же день Скопин был освобожден от немцев.

Партизаны участвовали в стычке с немцами-мотоциклистами на Ленинской улице.

После освобождения Скопина по просьбе командира летной части, расположенной в Рязске, из нашего отряда были посланы ночью двое бойцов на запад от города в расположение немцев с целью разведать вражеский склад боеприпасов. Вот что я слышал от своих товарищей об этой разведке.

В районе за деревней Кочугурки наши разведчики ночью встретились в одном из оврагов с пожилым колхозником. Оказалось, что он сам ходил в разведку по личной инициативе. Его заинтересовало, почему никого из населения не подпускали близко к карьру, где раньше добывался камень. Пробравшись к нему ночью, он увидел, что карьер сверху затянут маскировочной сетью, к нему подходят порожние автомашины и возвращаются груженные. Колхозник догадался, что это был склад боеприпасов.

Наши разведчики, определив это место, быстро вернулись в Скопин, и весть о складе была тут же передана в летную часть в Рязск. Днем склад бомбили, и он взлетел на воздух.

Еще одно поручение выполнял я. Во время оккупации города немцами скопинские шахты были затоплены. Часть оборудования погрузили в вагоны и отправили на восток. Вместе с оборудованием выехали и горняки.

Но на 48-й шахте дезертировали двое шахтеров – Т-н и Г-в. Т-н был член партии и первый среди скопинских горняков был награжден правительственной медалью. Видимо, в нем вспыхнула отрывка прежней бродяжнической жизни, когда был беспризорником. Скрывшись во время эвакуации шахты, Т-н и Г-в прихватили с собой и рысистую лошадь начальника шахты.

С приходом немцев оба дезертира стали мародерами, особенно Т-н. Он первым стал грабить зерно и картофель из колхозных складов сельхозартели «Красный горняк». Не погнушался он забрать картофель и мебель из квартиры тов. Лукахина Прокофия – секретаря парторганизации шахты № 48, проживавшего на поселке шахты. В то время он с женой и детьми был эвакуирован. Но в квартире оставалась его мать.

В Корневом не было немцев, и когда жителей села спросили: как дальше они хотят жить – единоличниками или в колхозе, они ответили единодушно: «В колхозе». Тогда им предложили вернуть в общественные склады зерно и картофель. И колхозники все вернули. Но в райком поступило письмо, в котором подробно описывались «деяния» Т-на и Г-ва. Г-в тоже «раздобыл» где-то лошадь и пошел по стопам Т-на.

Товарищ Старостин предложил мне поехать на поселок шахты № 48, арестовать обоих мародеров и привезти на украденных ими лошадях. Я попросил дать мне в помощь бойца истребительного батальона, который был создан сразу после освобождения Скопина на базе партизанского отряда. В помощь мне дали тов. Скворцова. До оккупации города он работал заведующим механической мастерской по ремонту домашних бытовых предметов. Приехали вечером в Корневое. В это село только что прибыло подразделение красноармейцев. Командира успели предупредить о нашем приезде. Но пропустить меня на поселок шахты № 48 он наотрез отказался. Не помогла и просьба политрука, ставшего на мою сторону. Доводы командира были такие, что пароля он мне

дать не имеет права, и часовые при возвращении ночью могут меня застрелить. И все-таки выход из положения оказался легким и даже выгодным для меня. Я предложил дать мне в помощь из воинского подразделения бойца, которому можно сообщить пароль. Командир согласился, и мы отправились дальше уже втроем. К нашему счастью немцев на поселке не оказалось. Жители поселка рассказали, что днем немцы приезжают, а на ночь уезжают.

Т-на я выманил в город хитростью, сказал, что его вызывает Старостин, чтобы поручить ему руководство восстановлением шахты, как только немцы будут изгнаны из нашего района. А чтобы он приехал на «своей» лошади, я сказал, что он до свету должен вернуться обратно, чтобы немцы не знали о его отъезде. Г-ва на поселке не оказалось. В эту ночь он выехал на лошади грабить колхозное сено.

Таким образом, Т-н был доставлен в город, здесь арестован, затем послан на фронт в штрафной батальон. После также поступили и с Г-вым. Г-в погиб на войне, а Т-н остался жив, искупив своей кровью вину.

Я не пишу, какие злодеяния совершили фашистские изверги в Скопине потому, что не был свидетелем этих событий. Но из сообщений скопинцев знаю, что фашистами были убиты в городе трое комсомольцев, оказавших им вооруженное сопротивление. Были расстреляны работники пекарни по подозрению, что они переодетые партизаны.

Рассказывали, что в одном из сел нашего района была убита девочка, открывшая дверь на стук фашистских солдат.

1965 г.

*ГАРО. Ф. Р-5624. Оп. 1. Д. 31. Л. 1–7.
Авторизованная машинопись, 1-й экземпляр.*

Об оккупации Захарова немецкими войсками в ноябре-декабре 1941 г.

Тревожно и горестно было на душе... Лето..., через наше Захарово прогоняли тысячи гуртов (стад) коров, табунов лошадей..., на восток..., от немцев. Июль-август особо наше село заливали молоком... столько скота... Потом грязная осень, тревожные сводки, слухи!

Мы, школьники, на полях. На борьбу за урожай, а он был богатым! Мне шел 14-й год. По натуре впечатлительный, наблюдательный, склонный к самоанализу, я старался разобраться в происходящем. Мои товарищи уважали меня, и как-то невольно я выглядел вожаком среди них. Мы все верили, что наши дадут еще немцам, что наши выстоят и победят, Москва не будет сдана. Мы делали посильную помощь, помогая колхозу, военкомату, милиции отслеживать диверсантов-парашютистов. Враг рвался к Москве... фронт пришел и к Захарову. Не верилось. Шли в октябре-ноябре наши части на восток из Михайлова... «На отдых» – был ответ... Солдаты шли за подводами, пушками. Нам было все интересно. Удаль ребячества! Многие к нам приезжали из Москвы и рассказывали не очень веселые события. Враг рядом!

24 ноября 1941 г.: еще вчера, в воскресенье 23-го, в школе мы слышали, что немцы приближаются к Михайлову, обошли Тулу. Тула не сдается..., а 24-го в Захарове появилась немецкая разведка – два броневика. Немцы по пояс выглядывали из люков. Немцы в Захарове! Не верилось, не хотелось верить! Мучительно как-то было на душе. Школа закрылась.

В этот же день наши разведчики Селиванов Алексей Васильевич и Капитонов Никандр Васильевич верхом на лошадях вооруженные винтовками встретились километрах в трех от Захарова с этими броневиками. Вступать в схватку – бессмысленно – выстрелом немцы предупредили. Их обезоружили, приказали идти на Михайлов, надеясь скоро вернуться и взять их. Как только немецкие машины скрылись в Захарове, они лощинами на Байдики, Федоровское, где в это время был штаб партизанско-истребительного отряда – сообщили о встрече с немцами.

Нашлись смельчаки! Вспомнили приказ Наркома обороны Сталина. Врагу ничего не должно доставаться. В церкви был склад райпотребсоюза, население решило его разобрать, то есть, промышленные товары, что и делали после того, как немецкая разведка ушла вновь в сторону Михайлова. Были и мы у церкви. Появился 3-й секретарь райкома партии тов. Федечкин П.Н. в черной шубе. Встал в дверях и призывал все оставить, не брать... по закону будут карать! Было не понятно: что, была уверенность, что немцы не возьмут Захарово? Хорошо, это вселило силы и надежду, а если немцам все это достанется!?

Забрезжил рассвет 25 ноября 1941 г., вторник. Улицы Захарова покрылись немного снегом, но была страшная шероховатость – грязная осень, масса телег, скота, и снег почти все это не прикрыл, морозы стояли слабые 7–10 градусов.

Я с товарищами Колей Дёминым, Юрой Фроловым, Владимиром Калининным решили идти к церкви, к центру. Что там... Светлело. Наш универмаг, что стоял к востоку, к Рязани, от церкви, раскрытый. Оказывается, это сделали немецкие разведчики еще вчера, возвращаясь. Людей еще почти не видно было. Уже рассвело, 9 часов 10 минут...

Вдруг Коля Демин крикнул: «Немцы!» Мы выбежали на обочину у церкви... по дороге ехали немцы – мотоциклы, машины, бронетранспортеры, пушки. Было любопытно и страшно.

Наше поколение было воспитано на героике Гражданской войны, много мы читали о ней, фильмы смотрели... Стояли мы... – враги..., далекие... в Захарове!

В юго-западной стороне неба послышался гул мотора самолета... наш! По звуку моторов знали. По колонне немцев! Немцы, побросав технику, побежали к домам, побежали и мы. Самолетов наших все больше стало, первые бомбы, начались пожары. Захарово было почти соломенным селом. А в этот год у каждого двора столько было соломы, скирды! Как Захарово все не сгорело в те дни! Немцы укрывали соломой свою технику. Мысли у нас были такие поджечь солому вместе с немецкими машинами, но наши, и люди, и дома... можно спалить все село. Бежали мы к своим домам. Немцы рассредотачивались по всему селу.

В те годы по Центральной улице не было скверов, все видно было как на ладони. Немцы все ехали, вдруг из переулка выскочил человек. Это был Еремин, звали его мы «Гордей», и кричал: «Сюда, сюда! Здесь милиция, коммунисты!»

Как, и у нас есть скрытые враги народа? Торговец времен НЭПа! Я временно забылся... остановился мотоцикл, немецкий офицер отдал приказ, и броневездеход повернул в сторону переулка, где раньше была милиция и МГБ. Я побежал, товарищи мои рассеялись кто куда.

К вечеру была известна трагедия, разыгравшаяся на полпути на с. Добрые Пчелы. Немцы расстреляли нашу полуторку. Начальник милиции Усачёв, его помощник Косоруков были убиты, убиты и работники райздравотдела, тов. Саморукова Н., которая была санинструктором партизанского отряда.

Мы, ребята, искали случая, чтобы как-то отомстить немцам. Хотя наша авиация здорово им поддавала. Немцы были настороже – не подпускали нас к машинам, грубо отталкивая или грозя оружием. Сейчас удивляешься, почему мы не боялись. Что это было? Чувство ли, а, все равно теперь, или желание мстить незваным пришельцам. Да, желание мстить! Коля Дёмин, 14 лет, все же сумел у большого грузовика спустить баллон. Немцы бы расправились с нами или нашими родителями, но бомбежка не давала им покоя, немцы бежали, прятались... первые убитые и раненые. Надо! По больше бы! Горели дома, на восточной окраине Захарова загорелась конюшня. Брат мой Вася, 11-ти лет, открыл ворота, лошадей спасли. Было как-то неприятно видеть и слышать раненых немцев. Так они визжали! Вояки! Война в Захарово... Рвались бомбы, строчили пулеметы с самолетов наших, немцы строчили по пулеметам. Население бежало в укрытия..., свистели осколки..., только ребячья удалость покоя не давала, мы не укрывались... обо всем писать – очень много.

К вечеру авиация наша не стала летать. Немцы пошли дальше, оставив в Захарове транспортные машины. В основном пошли на Плахино. Там также нашлись ребята, которым не сиделось, а хотелось как-то навредить немцам. Домрин Коля, Лаврёнов Лёша, 1927 г. рождения, хотели поджечь замаскированную соломой немецкую бронемашину, но рядом был дом, в котором жила большая семья Заливухиных. Сгорел бы и дом, куда такой семье... Тогда они подкрались поздно вечером к бронемашине и спустили баллоны. Немцы спохватились только когда надо было немедленно отступать на Захарово – Михайлов. Они тащили ее на буксире и бросили.

А. Лаврёнов погиб на войне.

К вечеру 26-го немцы спешно отступали. Вновь мотоциклы, бронетранспортеры и проч. мчались по Захарову, но теперь в сторону Михайлова. Я побежал к Коле Дёмину, – смелый был, – его мы дразнили «Смелым». Жаль, умер случайно, потом в 1943 г. при падении с лошади... Через два дома от нас стояла большая машина, груженная ящиками, брезентом накрытая. Решили ее оставить. Ведь немцы что-то шибко бегут, значит, наши идут из Рязани.

– Коля, ты видишь, как немцы спешат? Пойдем, дело есть.

К машине подбежал немец, соскочив с мотоцикла, что-то сказал, шофер стал быстро разжигать мотор...

– Черт, подожжет еще, ведь солома!

Как подойти к машине? Немец бегал, спешил, все же нам удалось отвернуть золотники, но совсем не стали – сильное шипенье выдаст нас, да подложили дощечки с гвоздем. Мотор взревел, машина пошла, при въезде на дорогу остановилась. Немец выскочил, ругался, бросил гранату к нашим дворам, но цели она не достигла.

Машину эту немцы все же бросили в 5 км от Захарова у Жокинского поворота. Немцы ее подожгли – сгорела. В 1943 г. раму от этой машины мы взяли,

Калинин Володя (сосед), его отец и я на погреб. Она и сегодня служит на погреб-бе как перекладина.

Немцы бегут! Нашей радости не было границ. Поползли слухи, что завтра будет бой. Население покидало село. Еще к вечеру 25-го многие уходили, можно было видеть только людей, идущих по дорогам в соседние села. Кто к родным, кто просто... ведь будет завтра хуже, чем сегодня. Пусто стало, ни души, жутко. Ушли и мы... <...> Но на второй день я уже уехал с дядей Сергеем Фроловым и больше не покидал Захарово.

Слышались выстрелы в западной стороне – Серебряные Пруды, Кашира. Слышались глухие шумы, удары. Фашисты рвались к Москве.

28-го со стороны Добрых Пчел (2,5 км к северо-западу от Захарова) выскочили две немецкие бронемашины, дали залп и помчались в сторону Михайлова. «Немецкие разведки», – шепнул мне дядя Сергей. Этот переулочек почти против наших домов.

Чувствовалось, что что-то у немцев не выходит, лихорадит их, уже здорово верилось, что вот-вот придут наши. Скоро пошла и наша разведка.

Как-то так получилось, и мне пришлось принять маленькое участие в разведке нашей армии. Конечно, мои товарищи могли бы каждый это сделать. Так уж воспитаны мы были в советской школе на революционной, военной героике советского народа, руководимого ленинской партией. Мы знали хорошо, что делали фашисты с пионерами, комсомольцами. Не страшно, мы с волнением и большим желанием вступали в ряды ленинского комсомола, и поколение наше в трудные годы войны очень много делало для победы и верило в нее. Мы, школьники, женщины, старики выращивали урожай, по 150–200 трудодней вырабатывали за 3–4 месяца. Учиться начинали с 1 октября, а то и позже. Трудно было, старались пахать зябь до «белых мух», в мороз, зная, что весной лошади плохие, падали в борозде и многие из них не вставали, скирдовали в ночь, молотили. Нужен был хлеб. Никто не считался ни с чем. А разве легко быть молотобойцем в 14–15 лет в колхозной кузнице! Надо было. Где трудно, туда шли! Два лета я стучал молотом, ремонтировал плуги, телеги, сеялки. Бригадир снимал в поле – уборка, пахота. И все же было хорошо!

В 15–16 лет (сопровождали. – Ред.) обозы хлеба в Михайлов. Дождь, не принимают, сыро, влажность зерна большая – сушили на железнодорожной станции, голодные, подчас, мешки по стремянке таскали прямо в вагоны. Много нас, ребят, было. Об этом особо надо писать. Но и мы в годы войны приближали нашу победу. Что делать, если война выпала на нашу молодость.

30 ноября 1941 г. – первые наши разведчики. Дядя Сергей, сосед, был у колдунца, за водой ходил, его окликнули, скоро подросел и я. Помню, спрашивали они, когда были немцы, сколько, какая техника и проч. Пошли они на с. Добрые пчелы. Наши! Как-то хорошо было на сердце. Не прошли! Рязань наша!

А этот случай памятен мне, как будто это было несколько лет назад. 2–3-го декабря 1941 г. морозно было, холодно – 22–24°. Прошли первые метели, прибавилось снега. Я рубил сучья в саду, который в 1940 г. вымерз, стояли тогда лютые холода.

– Ага, вот и дровосек-лесоруб!

Я вздрогнул – кто это, послышалось? Осмотрелся... Вижу у погребки (амбара), что стояла у нас в саду, наши! – звездочки на шапках. Испуг прошел. Стояли двое в белых халатах. Они подозревали меня. Подошел. Смотрю, и третий разведчик, стоял сбоку за стеной.

– Думаем, где-то топор дровосека рядом раздается... Где у вас жители?

– По деревьям ушли, говорили, будет бой.

– Как тебя зовут?

– Витей.

– Пионер?

– Да.

– Давно немцы были?

– 24, 25, 26-го.

Спрашивали, много ли, как вели себя. «Вещи теплые брали, – отвечал я, – прятались от нашей авиации». На душе было так легко: «Наши!» Совсем недавно немецкая речь, зеленые шинели, и вот наши... Я сказал, что были уже наши, спрашивали дядю Сергея – соседа. Старший, видно, вдруг спрашивает: «Был ли ты в Пояркове, Михайлове?»

– А как же. С отцом ходили даже пешком до Пояркова, на лошадях ездили купаться в Жраке. По лощинам пасли лошадей в ночном.

– Хорошо. Нам надо показать путь, незаметно, минуя дорогу, на Поярково дальше к Михайлову.

– Это можно, только я схожу к дяде Сереже, спрошу, где и как лучше.

Они отпустили меня. Я сбегал к дяде Сереже, он сказал, где лучше идти, безопаснее, побежал к Коле Дёмину – шесть домов от нас он жил. Коля хороший, смелый мальчик. Дом был закрыт, никто не шелохнулся. Медлить нельзя, ждут.

Лыж у меня не было. Большого снега еще не было. Я пошел с нашими разведчиками. Вышли мы на северный вал Захарова, где кончаются огороды, идут валы с деревьями, мимо кладбища, МТС. Вот и лощина, которая почти до Пояркова ведет, эта низина разделяет Захарово и село Катагоща. Шли и молча, и говорили, смеркалось. Лощина – «Подлипово» мы ее зовем. Хорошо мы ее знали, на лошадях... все овражки знали. Они спрашивали – отвечал. Сегодня уже трудно вспомнить содержание разговора.

– Ну, Витя, не боишься, а? Вечереет. Пора тебе вернуться. Расскажи сельчанам, скоро фрицев разобьем. К Рязани уже подходит наша армия, сибиряки.

Скоро выйдем фашистов из Михайлова. Разведку сделаем, где они, как закрепилась, и ударим.

Я дошел с ними до деревни Остаповки, это рядом с Катагощей, к западу от нее. Меня остановили: «Хватит. Спасибо. Молодец! Дойдешь один?»

Я сказал: «Вот, будет поворот и Жокино, там спросите, да этим оврагом идите». Помню, тепло расстались, даже грустно стало. Страх не было, хотя уже здорово вечерело, но от снега было светло. Пожелали мне учебы хорошей. Скоро они скрылись за поворотом... Я еще стоял, смотрел им в след... Что их ждет? Догнать их, с ними... А вдруг они рассердятся... И я почему-то не пошел, а побежал в сторону Захарова.

Как сложились судьбы их, не знаю, и звания их забыл, но одного звали Василием. Прошли ли они всю войну или погибли, сражаясь зимой 1941–1942 гг. Так и ушел этот морозный тихий вечер начала декабря 1941 г.

Зашел я к сестре. Они живут на улице, что ближе к Михайлову, «Вызовкой» зовут у нас. Она только что пришла из села Липки. Я ничего не рассказал, а пришел спросить, живы, здоровы? Шел улицей, – тихо, никто не крикнет, не смеется, как это было всегда вечерами. Рассказал дяде Сергею.

Потом через Захарово шли наши войска. Скрипели телеги, сани, колеса пушек. Холодно было. Ночью 6-го гремела пальба где-то у Михайлова. Помню дядя Сергей разбудил нас: «Не бойтесь. Слышите бой? раненых везут на Рязань».

На другой день 7-го – Ура! Михайлов наш!

Появились и мои друзья – Коля Дёмин, Фролов Юра (ныне майор милиции в г. Москве), Володя Калинин (нач. цеха керамикового завода в Москве) и другие. Потом готовили школу, стекла были перебиты – два немецких юнкера рядом две бомбы сбросили, в сарай угодили. Трудно было, холодно, но учиться приступили...

12 апреля 1975 г.

*ГАРО. Ф. Р-5624. Оп. 1. Д. 81. Л. 2–6 об.
Рукопись, автограф.*

Сасовский район в годы войны: помощь тыла фронту

Начало войны

...Как только получили сообщение о начавшейся войне, секретарь Сасовского райкома КПСС тов. Атурин Иван Иванович и я, как председатель РИКа, направились в Сасовский райвоенкомат к райвоенкому Скурлатову, где наметили нужные мероприятия и приступили к мобилизационной работе. В первые дни войны происходила мобилизация и отправка военнообязанных, конского состава и транспорта, военных повозок и упряжи, грузовых автомашин, тракторов.

С работой по мобилизации по заданию облвоенкомата и облисполкома район справился полностью в установленные сроки. Отправлены были мобилизованные, лучшие автомашины, трактора, лошади, повозки и упряжь колхозов и организаций.

Никаких недоразумений при проведении мобилизации не происходило. военнообязанные вели себя хорошо и трезво, настроены были патриотически, с верой в победу. Среди мобилизованных вели большую агитационно-политическую, разъяснительную работу выделенные райкомом агитаторы. Мобилизованные хорошо обслуживались на мобилизационном пункте торговыми организациями г. Сасово.

Выполнив эту большую и серьезную задачу мобилизации район получил задание по организации в городе Сасово госпиталя для лечения раненых с фронта на 2000 коек. По решению райисполкома были взяты под госпиталь здания: райисполкома, артели «Дорогу женщине», первая школа-десятилетка, два здания школьные железнодорожной организации, здание железнодорожной больницы, городской больницы г. Сасово, Дом крестьянина, кооперативная школа.

Работой по организации и приспособлению зданий под госпиталь под руководством райисполкома и с помощью райкома КПСС руководил зав. райздравоотделом тов. Хомич.

В августе все выделенные здания полностью были оборудованы и подготовлены к приему раненых. Кроме выделенных городских зданий под госпиталь была взята Сотницинская средняя школа – двухэтажное новое здание.

Все госпитали были приняты комиссией Облздравотдела во главе с заведующим тов. Демидовым на отлично, за организацию госпиталей тов. Демидов был правительством награжден орденом «Красной звезды», от него район получил благодарность.

Госпитали были обеспечены медперсоналом, койками, вещевыми и постельными принадлежностями, питанием и медикаментами. Большую работу в этом проводил врач Сасовской больницы Сергей Иванович Весновский. Он подбирал медперсонал для госпиталей и был главврачом при штабе госпиталей.

При оказании помощи госпиталям проводилась большая работа среди городского и сельского населения, среди колхозов и организаций. Население, колхозы и организации хорошо шли навстречу: давали постельные принадлежности, стулья, мебель, продукты, молоко, мясо.

Госпитали работали почти весь период военного времени. Город и городские организации оказывали им необходимую помощь в подвозке и заготовке топлива, колхозы помогали продуктами в улучшении питания мясом, молоком и другими продуктами.

Помощь авиагородку

В первые дни войны потребовалась большая помощь бывшему авиагородку в подведении дорог, строительстве мостов, аэродромов.

От авиагородка до Берестянского разъезда железной дороги в течение пяти дней было проложено профилированное шоссе, сделаны мосты через канавы и большой деревянный мост через овраг у села Берестянки около железной дороги. Работало городское население и специалисты-плотники из колхозов. Мобилизованное население обслуживалось горторгом и кооперацией. Работой руководил зав. доротделом тов. Кленин и инженер тов. Иван Кочетков. Они хорошо справились с работой. Эта работа обеспечивала подвоз со станции разъезда горючего для заправки самолетов и боевого снаряжения для полетов самолетов.

Прибывшая в Сасовский район военно-воздушная часть в помощь авиагородку потребовала строительства новых аэродромов. Всего было построено вновь, кроме расширенного Бастановского аэродрома, три аэродрома: первый на лугах под г. Сасово, второй на лугах вод селом Алешино и третий на лугах между селами Устье и Огарево Почково.

С задачей строительства новых аэродромов в период уборки хлеба и с задачей хлебопоставок район справился успешно.

На строительстве с помощью соседних районов работало около 3 тыс. человек и 1000 лошадей с повозками, работали трактора и дорожные катки, уравнивая площадь.

Прибывшие авиачасти нуждались в дальнейшей помощи: в размещении летного состава, в строительстве подъездных и ремонтных путей и мостов, в таре для хранения горючего для заправки самолетов.

Тара на 300 тонн была мобилизована у организаций города и МТС, которые были переданы и доставлены к аэродромам. Транспорт, топливо, автомашины, предоставлены были райисполкомом. Для размещения штабов и летного состава в селах Берестянки, Бастаново, Алешино, Устье и Огарёво Почково были заняты школы, клубы и помещения населения. Различную помощь оказывали городские организации, население и рабочие города, колхозники – в районе.

В г. Сасово летному составу дальней авиации полка им. Сталина для размещения было передано помещение детского сада, двухэтажный дом недалеко от городской бани. Летная боевая часть имела бомбардировочную авиацию – двухмоторные самолеты ИЛ, а также истребители. На боевые задания они из Сасовского района вылетали каждую ночь. Участвовали в разгроме вражеских танков генерала Гудериана под городом Михайловом, на территории Рязанской области. Благодаря находящейся авиации и патрулированию в воздухе истребителей во время боевых тревог, Сасовский район и г. Сасово во время войны не подвергались бомбардировкам с воздуха, хотя вражеская авиация и пролетала через территорию района в направлении города Горького.

Однажды днем по проходящему воинскому эшелону на ст. Сотницыно с вражеского самолета были сброшены четыре бомбы в сторону дороги метров на 50, и больше таких случаев не было.

Строительство оборонительного рубежа на территории Сасовского района

В связи с появлением неприятеля вблизи Рязани и Рыбновского района, после занятия г. Михайлова, и подходом немцев к Москве назрела необходимость в строительстве оборонительного рубежа по реке Цне от селения Арги через Вялсы по направлению Берестяни – Бастаново – Темгенево – Мыс Доброй Надежды через Елатьму. На эту работу было мобилизовано трудоспособное население города и района. Задание это было очень ответственное на случай отступления наших войск.

Рубеж строился под руководством военных специалистов. Возводились дзоты, надолбы против танков, рылись окопы. Мобилизованному населению надо было создать условия для питания, ночлега, обеспечить горячей пищей и питьевой водой. Так как уже начались холода, земля замерзла, приходилось ее отогревать. Работа была трудная, требовались большие усилия, чтобы удерживать людей на работе.

По окончании работ на территории Сасовского района, мобилизованные жители района были направлены на помощь в строительстве рубежей в Елатомский район. Задача военного оборонительного значения районом была успешно выполнена.

Заготовка и подвозка дров, лесоматериала для транспорта г. Москвы

Сасовский район еще до войны в мирное время получал и выполнял задания рязанского облисполкома по заготовке и вывозке дров к железнодорожным станциям. На территории района задания всегда были большие, а в военное время они увеличились еще больше. Для контроля за ходом выполнения планов заготовки и вывозки дров и лесных материалов к станциям по Рязанской области от Государственного комитета обороны был прислан специальный уполномоченный тов. Кофтов. Он совместно с Рязанским облисполкомом руководил и контролировал выполнение планов, даваемых Сасовскому району по заготовке и вывозке дров и лесных материалов. Району на осенне-зимний сезон 1941–1942 гг. был дан Облисполкомом план нарезать 52 000 куб. метров дров и подвезти к станциям на разъезд около Золотой Поляны, ст. Таировка, Кустарёвка, Свеженькое – 36 000 куб. метров. Выполнение плана резки и вывозки дров имело очень большое оборонное значение для железнодорожного транспорта и г. Москвы, так как за недостатком угля паровозы стали топить дровами, а также в г. Москве уголь заменяли дровами.

На резку и вывозку дров было мобилизовано и направлено на места заготовок и подвозки дров 860 человек трудоспособного населения. Для вывозки были направлены транспорт и лошади.

Трудности были большие в размещении людей, в обеспечении их питанием и всем необходимым, в обеспечении конского состава фуражом, так как в колхозах кормов было недостаточно в связи с прохождением через Сасовский район скота, эвакуированного из занятой немцами местности. Скот, проходящий через район большими гуртами, по пути, прямо на глазах, уничтожал колхозные стога сена и скирды хлеба. Часть его, истощенного, оставалась на прокорм в наших колхозах, поэтому с кормами в колхозах дело обстояло плохо.

Несмотря на все эти трудности, мобилизованные колхозники и колхозы соревновались между собой, и все трудности преодолевали. План был выполнен. Мне, как председателю райисполкома, в приказе уполномоченного Государственного комитета обороны за № 5 была объявлена благодарность за энергичную работу по мобилизации населения на дроволесозаготовки, вывозку и за досрочное выполнение плана.

На дроволесозаготовках и вывозке дров на места уполномоченным от райисполкома работал мой заместитель тов. Петухов Павел Михайлович, который умело на месте руководил работой, за что получил впоследствии медаль за работу в тылу.

Секретарю райкома тов. Атуруину была вручена медаль «За трудовую доблесть» за дроволесозаготовку и вывозку, мне – медаль «За трудовое отличие» по указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 ноября 1942 г. Этим указом были награждены медалями ряд колхозников, занявшие первенство по резке и вывозке дров. Указ о награждении за подписью М.И. Калинина был опубликован в газете «Правда» 16 и 17 ноября 1942 г. с наименованием награжденных.

Задания по заготовке дров давались району Облиисполкомом во все годы войны, но самым большим было упомянутое задание 1941–1942 гг.

Сбор средств в Фонд обороны и теплых вещей для фронтовиков

Работа по сбору средств в Фонд обороны и теплых вещей для Красной Армии была организована райкомом КПСС и райисполкомом. Проводилась большая массово-разъяснительная работа: митинги, обсуждались доклады о положении на фронтах на собраниях рабочих, служащих, колхозников и городского населения. Работа эта была проведена очень успешно. Было собрано очень много теплых вещей. Население сдавало в помощь фронту шубы, тулупы, валенки, теплые чулки, варежки, шубные рукавицы и подарки для фронтовиков с продуктами от отдельных лиц, колхозов и организаций.

Денег на танковую колонну было собрано 1 200 000 рублей. Все это было сдано в Фонд обороны и письменно доложено тов. Сталину.

Колхозники, колхозы, рабочие, служащие, городское население относились к помощи фронту с большим патриотическим чувством. Некоторые колхозники вносили большие суммы, так, например, колхозник-бригадир из Алешинского колхоза (ныне «Прогресс») Николай Васильевич Кирин (в настоящее время работает сторожем в правлении колхоза) сдал в Фонд обороны на танковую колонну 40 000 рублей. Большие суммы вносили председатели колхозов и другие колхозники, рабочие, служащие и организации. Большую помощь оказывала фронту бывшая Сасовская швейная артель «Дорогу женщине», где председателем была тов. Екатерина Константиновна Железняк. Артель выполняла и перевыполняла планы пошива белья для фронта.

Сасовский промкомбинат, директор его тов. Сенякин, выполнял план валки валяных сапог для фронта по три тысячи и более пар.

Райком КПСС за работу по сбору средств в Фонд обороны, на танковую колонну и сбор теплых вещей от тов. Сталина получил благодарственную телеграмму на имя секретаря райкома тов. Атурина. Телеграмма была опубликована в районной газете «Колхозник».

О выпускаемой продукции и заданиях для фронта в военное время

Район получал задания для фронта от рязанского облисполкома облвоенкомата по производству летнего и зимнего конского транспорта – повозок и саней.

Летние красноармейские повозки и сани, пароконные и одноконные, делали в Рожковской промартели. Оковку их и окончательное приспособление производила сасовская артель «Молот». Председатель этой артели тов. Романов Леонид, хорошо справлялся с заданиями по оковке повозок и саней. Повозки и сани приезжали принимать представители прямо с фронта. Задания были очень ответственные. За период Отечественной войны артелью «Молот» было сдано несколько сотен повозок и саней. Кроме саней и повозок артель «Молот» делала железные с сетками кровати для госпиталей. Кроме того, артель делала для колхозов гвозди, так как гвозди в районе отсутствовали, но требовались для строительства в колхозах и организациях.

Оказание помощи эвакуированным из занятых врагом местностей в размещении и обслуживании резервов, проходящих через Сасовский район и город Сасово

Через Сасовский район к г. Сасово проходил пеший путь отхода населения из занятой немцами местности и опасных близких мест от неприятеля до линии железной дороги на Куйбышев. Через территорию района перегоняли гуртами колхозный скот с провожатыми, племенных лошадей с госконюшен и племян колхозов. Изнемогая в пути, отдельные животные сдавались на хранение и кормление колхозам района, дорогой скот поедал находящиеся в поле корма колхозов нашего района. В этой связи положение в колхозах Сасовского района с кормами для скота было очень напряженное. В отдельных колхозах зимой 1941–1942 гг. снимали с крыш, надворных построек и полевых сараев старую солому для прокорма скота.

Отступавшее население следовало в повозках, на тележках, автомашинах и пешком. Люди шли из Москвы, Тулы и других городов, изнемогали, требовали питания и отправки по железной дороге, просили разместить в районе, в городе Сасово. Многих из них райисполкому приходилось размещать в колхозах района и в городе и оказывать их семьям всякую помощь.

Из Москвы железнодорожным транспортом прибыл лагерь детей Союза советских архитекторов со своими матерями в количества 400 человек. Дети были нами встречены и размещены в школе-десятилетке в селе Каргашино, в Каргашинском совхозе, Липовском детдоме. Райисполкомом была проявлена большая забота по размещению и обслуживанию этих детей, оказанию помощи в питании, организации столовых, обслуживании медперсоналом. Мне как председателю райисполкома Союз архитекторов выразил глубокую благодарность за подписью депутата Верховного Совета СССР тов. Алабяна.

Через Сасово отходили и останавливались здесь на отдых резервные воинские части. Шли заключенные из мест заключения. Улицы города в первые дни войны были полны отступающим населением, скотом и резервами. Все нуждались в помощи. Резервные части во время отдыха нуждались в санитарной обработке. Ее проводили в Сасовской городской бане и в колхозах, совхозах района. В отдельные дни накапливалось отступающих до 50 тысяч человек.

Райпотребсоюзом в селпо для выпечки хлеба были открыты пекарни. Всей этой работой приходилось заниматься райисполкому, больше всего мне, как председателю райисполкома. Позднее после отступления немцев от Москвы отступление прекратилось.

Выполнение государственных обязательств, уборка хлеба, картофеля, сахарной свеклы и овощей, посев озимых, сбор средств в городе и районе

Великая Отечественная война началась в период созревания хлебов. Военнообязанные колхозники, городское население, рабочие, служащие ушли на фронт защищать Отечество. На фронт было отправлено лучшее конское поголовье, лучшие автомашины, конский транспорт, трактора. Работа в сельском хозяйстве стала еще значительнее и нужнее, а средства для работы – люди, техника, лошади – ушли на фронт. Остались женщины, старики и дети. Остались неисправные и изношенные тракторы, автомашины, старое конское поголовье. Поэтому надо было перестраивать работу, лучше использовать те средства, какие остались. Надо было поднять чувство патриотизма у оставшихся людей в городе и деревне, и это чувство патриотизма путем массово-разъяснительной работы было поднято.

Работали оставшиеся женщины, старики, дети от 10 до 12 лет. В колхозах в период уборки хлеба работали от восхода до захода солнца. Хлеб в поле скирдовали по ночам, к скирдам подносили снопы на шестах руками. Молотили посменно по ночам. Хлеб убирали быстрее, чем в мирное время. Обмолот хлебов закончили без потерь, хлебозаготовку выполнили досрочно. Вовремя посе-

али озимые, хорошо управились с уборкой картофеля, сахарной свеклы и овощей. Выполнили план сдачи картофеля, овощей. Вывезли сахарную свеклу на завод. Обеспечили план засыпки семян на весенний сев 1942 г. Выдали хлеб на трудодни колхозникам. Выполнили сбор средств с населения в общий финансовый план 1941 г. По всем показателям район был в числе передовых районов области. Так обстояло дело с завершением 1941 г.

В весенне-посевную кампанию 1942 г. район вступил досрочно за зиму подготовленным. С севом справились неплохо. Колхозники работали очень хорошо, хорошо работала молодежь, дети школьного возраста на лошадях бороновали, ходили за плугом, впервые начали обучать пахать и бороновать коров, бычков, стали на них ездить в поле, возить сено. В 1942 г. со всеми сельскохозяйственными работами было лучше, чем в 1941 г. Этому способствовал опыт 1941 г.

Каждый оставшийся колхозник, рабочий, служащий в тылу знал, что он своим трудом помогает фронту, тем, кто ушел защищать Родину из близких, родных – отцу, сыну, брату...

Соревнование было основным методом поднятия производительности труда среди колхозов, колхозников и рабочих, служащих. Для каждого был лозунг: «Все для фронта, все для победы!»

Обязательства по сдаче хлебозаготовок и других сельхозпродуктов в 1942 г. районом были выполнены досрочно. Финансовый план 1942 г. по обязательствам и добровольным платежам также был выполнен.

В 1943, 1944 и 1945 гг. район также справился со всеми заданиями по сельскому хозяйству, с выполнением финансового плана, плана дроволесозаготовок.

В 1944 г. за выполнение и перевыполнение плана хлебозаготовок Указом Президиума Верховного Совета СССР орденом Отечественной войны I степени были награждены секретарь Сасовского райкома партии тов. Мишин Михаил Иванович, председатель Сасовского райисполкома депутатов трудящихся Бабаев Николай Михайлович, уполномоченный комитета заготовок по Сасовскому району тов. Косарев Николай Николаевич.

Районом было сдано хлеба: совхозами – около 15 тыс. тонн, при этом 2000 тонн было сдано сверх плана...

30 января 1959 г.

*ГАРО. Ф. Р-5624. Оп. 1. Д. 63. Л. 1–12.
Машинопись, 2-й экземпляр.*

Работа Рязанского железнодорожного узла в годы войны

Самым трудным в нашей работе был период с июля по декабрь 1941 г., из них до предела напряженный и самый опасный – ноябрь–декабрь 1941 г.

Фронт был под Москвой. В Рязанской области город Михайлов был взят немцами; все железнодорожные магистрали, ведущие с Украины, Кавказа, Белоруссии, Ленинграда и другие были уже заняты врагом. С юга и востока магистрали к Москве оставались: с юга Мичуринск – Рязск – Рязань – Москва, с востока Ковылкино – Сасово – Рязань – Москва. Чтобы лишить подвоза воинского груза и людских подкреплений на фронт, вражеские стервятники систематически делали налеты на железнодорожные узлы, станции, перегоны и поезда, идущие по перегону.

Так, например, в октябре–ноябре вражеская авиация произвела налет на станцию Дивово, где находилось три поезда: два их них со снарядами и один людской эшелон. При повторном заходе стервятник попал в один из вагонов со снарядами. Снаряды начали взрываться, взрывами было уничтожено все помещение станции и другие сооружения, разрушены железнодорожные пути. На восстановление потребовалась большая рабочая сила. Несмотря на непрерывные налеты во время работ, были в первую очередь восстановлены два главных пути, чтобы открыть движение поездов. Пути были отремонтированы, и уже через три часа движение поездов открыто. Во время восстановления путей было ранено около 40 человек, а заместитель начальника Московской дороги тов. Пищевский убит. Руководить восстановительными работами было поручено мне и начальнику станции тов. Маркину.

В ноябре 1941 г. на перегоне Половское – Ясаково во время налета был смертельно ранен машинист Смирнов Виктор Васильевич. Управление локомотивом взял на себя помощник машиниста Епифанов Николай Васильевич и довел поезд до станции Шилово по графику.

На перегоне Зеленево – Листвянка подвергся налету наливной поезд, следовавший из Шилова в Москву, который вел машинист Лаврентьев Александр Иванович. От попадания бомбы одна из цистерн с нефтью загорелась, угрожая взрывом всего состава и перерывом в движении поездов на долгое время. Однако машинист Лаврентьев этого не допустил. Он, пренебрегая жизнью, сумел отцепить хвостовую часть цистерн от горящей цистерны, оставив ее выгорать, через час цистерна выгорела, и движение поездов было открыто. Машинисту Лаврентьеву активно помогал главный кондуктор Ковыляев Николай Степанович.

На перегоне Рыбное – Дивово поезд сопровождал главный кондуктор Мордасов Александр Иванович. Вражеский самолет напал на поезд и сбросил две небольшие, по 50–60 кг бомбы. Позже выяснилось, что бомбы эти были замедленного действия. Не зная об этом, главный кондуктор, увидев, что бомбы упали в полувагон, через тормозную площадку забрался в полувагон и на ходу поезда выбросил их под откос, тем самым спас от уничтожения груз поезда.

В декабре 1941 г. вражеская авиация обстреливала и бомбила станцию Рязань-I и депо. Бомбой была разбита горловина выходящих путей станции в сторону Шилова, и выход поездов со станции был перекрыт. Создалась полная закупорка в движении поездов. Но, несмотря на продолжение налета, заместитель начальника станции Рязань-I тов. Полосаткин Виктор Иванович мобилизовал весь коллектив на восстановление путей и через два с половиной часа движение поездов на Шилов было открыто. Во время этого налета были ранены диспетчер Перфильев Василий Дмитриевич, вызывальщик Фёдоров Петр Фёдорович, ныне Герой социалистического труда, дежурный по отделению Рязанского отделения дороги, тяжело был ранен заместитель начальника дистанции пути по политической части тов. Комаров Павел Иванович впоследствии он долго работал инструктором горкома г. Рязани.

Это только часть эпизодов налетов вражеской авиации на Рязанское отделение, а их вражеская авиация совершила около 250.

Несмотря на систематические налеты вражеской авиации, работа на станциях с поездами и отправление поездов не прекращались. Фронт под Москвой бесперебойно получал военные грузы и людское пополнение. А в Рязанской области была организована ночная выгрузка армии генерала Голикова, участвовавшей в освобождении г. Михайлова. Причем, проходила она не на станциях, а на перегонах. Помню, за одну ночь смогли выгрузить половину армии на рязском и шиловском участках, а во вторую ночь – другую часть армии. Войска сходу пошли на г. Михайлов.

При этом коллектив работал в сутки столько, сколько требовала военная обстановка. Машинисты, кондукторы и другие работники часто находились на работе непрерывно двое-трое суток, повседневно проявляли находчивость

и смекалку в работе, тем самым, ускоряя продвижение поездов для фронта и продвижение поездов с эвакуированным грузом на восток.

Шиловский участок от Рязани до Шилова мог по графику пропускать только 20 пар поездов: 10 четных и 10 нечетных, а требовалось пропускать 40 пар, а в отдельные дни и более. Чтобы выполнить эту задачу, коллектив организовал на участке живую связь по продвижению поездов, то есть на отдельных перегонах установили дополнительно к существующей связи телефоны и посадили около телефонов диспетчеров свободных от работы в помощь дежурному диспетчеру. В их задачу входило докладывать о проходе поезда через перегон, для того, чтобы следом отправляли другой поезд. Таким образом, вместо одного поезда на перегоне непрерывно находились два поезда. Диспетчеры Цирков Алексей Матвеевич и Иванов Иван Иванович были главными инициаторами живой связи. А по инициативе диспетчеров Степанова Ивана Михайловича, Крымова Константина Ивановича было организовано вождение поездов экспрессами, то есть без набора воды на станции Ясаково.

Диспетчер заключал устный договор по селектору с машинистом поезда, что обязуется пропустить поезд без задержки от станции Рязань-I до станции Шилово, а машинист локомотива обязывался провести поезд на этом же участке без набора воды. Вместо нахождения поезда на участке от Рязани до Шилова или обратно четыре часа, рейс выполнялся за три часа. В это соцсоревнование вклинились и другие диспетчеры.

По инициативе дежурных маневровых диспетчеров, дежурных по станции и составителей поездов станции Рыбное Филина Константина Григорьевича, Исаева Александра Григорьевича и других. По станции Рязань Антонов Иван Александрович, дежурный по станции Коротыхин Михаил Павлович, составитель поездов и другие организовали скоростную обработку поездов. Вместо 40–45 минут по графику они обрабатывали поезд в среднем за 30–35 минут. Это позволяло доставлять груз раньше намеченного срока с опережением графика.

Коллектив железнодорожников рязанского узла проявлял небывалый героизм, за что неоднократно отмечался правительственными наградами. Всего по Рязанскому отделению железной дороги орденами и медалями было награждено более 1500 человек.

Также в это трудное время войны мы находили резервы подвоза горючего для сельскохозяйственных работ Рязанской области, сформировали «вертушку» из 50 четырехосных цистерн, назначили коменданта «вертушки» из опытных главных кондукторов тов. Иванушкина Дмитрия Алексеевича, и он бесперебойно доставлял горючее из Астрахани для всех районов области.

Коллектив участвовал в сборе средств на оборону, так, на строительство танковой колонны в 1944 г. рязанские железнодорожники собрали 529 275 руб.

и просили назвать эту колонну «Железнодорожник». За что получили телеграмму от тов. Сталина, в которой всему коллективу объявлялась благодарность Красной Армии и передавался братский привет. За труд в годы войны рязанские железнодорожники неоднократно награждались почетными грамотами: от Моссовета за своевременную перевозку картофеля и за участие в строительстве газопровода «Саратов-Москве», от Рязанского обкома и облисполкома.

12 мая 1977 г.

ГАРО. Ф. Р-5624. Оп. 1. Д. 85. Л. 1–10.

Рукопись, автограф.

Депо Рыбное в годы войны

Здание депо Рыбное как ступенчатое депо построено в 1936 г. Расположение на Ленинской железной дороге, как в то время называлась часть Московская дороги, депо объединяло два направления: южное, по которому шел поток поездов из Донбасса со стороны Мичуринска, Ряжска, и восточное – поезда из Рузаевки. Все это объединялось, перерабатывалось на ст. Рыбное и отправлялось на Москву.

В 1939 г. война с Финляндией требовала большого напряжения в работе железнодорожного транспорта. Поездная нагрузка на депо Рыбное росла, как говорят, не по дням, а по часам. Локомотивные бригады депо Рыбное тогда водили грузовые поезда до ст. Воскресенск в сторону Москвы и до Ряжска. Не хватало кадров локомотивных бригад, да и в ремонтных цехах. Увеличивался паровозный парк – увеличивалась и программа ремонта паровозов.

В 1939 г. приказом НКПС я был назначен начальником депо Рыбное. В это время в депо было направлено очень много локомотивных бригад из разных депо страны, с дорог Донбасса, Центра. Бригадам негде было жить. Построили два двухэтажных общежития, заняли часть комнат конторы депо. Люди жили в вагонах, в том числе продолжительное время, в вагоне жил я с семьей. В 1939 г. построили десятки домов, на всем протяжении ст. Рыбное от входного до выходного сигнала, три района рабочего поселка.

Это было трудно, но решающие мероприятия по закреплению кадров выполняли. Сплачивался коллектив депо, и резко улучшилась работа депо. Одновременно перестраивались и некоторые цеха в депо. Устранялись строительные недостатки, например, там, где сейчас в депо находится красный уголок, были душевые и раздевалки. Второй этаж – для душа расположение неподходящее: здание разрушалось от сырости. Пришлось заново построить душевые, а на старом месте сделать замечательный красный уголок – клуб.

В ветхом помещении старого веерного депо размещалось смазочное хозяйство – антинакипное. На складе топлива служебные помещения размещались в вагонах. Построили новую смазочную и новую экипировку паровозов.

Очень трудно было работать в суровую зиму 1939–1940 гг. Но коллектив депо Рыбное выстоял. Выполнял задания и значительно лучше подготовился

к работе в зиму 1940–1941 гг. О депо стали говорить как о передовом предприятии на Ленинской дороге.

Настал 1941 г., и новые испытания обрушились на нашу страну, на железнодорожный транспорт и, в частности, на коллектив депо Рыбное. Фашистская Германия напала на Советский Союз. Объявив, что война будет молниеносной, фашизм рвался к Москве. С первых дней в войну вступили железнодорожники Рязанского отделения. Резко повысились объемы движения поездов. Фронт требовал боеприпасов, техники, армейские соединения.

Большой поток грузов направлялся в Сибирь, через Рязань шли поезда с эвакуированными предприятиями, эвакуировались люди.

Еще больше усложнялась работа Рязанских железнодорожников в условиях непрерывных ночных, а затем и дневных бомбежек.

Рязанское отделение стало прифронтовым. Очень трудно было с топливом. Донбасс уголь не давал. Паровозы работали главным образом на подмосковном буром угле, низкокалорийном, а на участке Рязань – Шилово рязанские паровозные бригады работали на дровах.

В сутки один склад топлива Рыбное через эстакаду на паровозы ФД выдавал свыше 1000 тонн угля. Депо Рыбное обеспечивало перевозки своими паровозами на двух участках от Рыбного до Рязанска и от Рыбного до Воскресенска.

Трудные условия были в работе паровозных бригад депо Рыбное и Рязань. Тощий уголь или дрова на тендере, а в котле нужно держать 15 атмосфер давление пара, иначе не выдержишь расписание воинского графика, а то можно и остановку допустить на перегоне по недостатку пара в котле или, как у нас говорят, по нагону пара.

Лучшие машинисты рязанцы и рыбновцы даже в этих тяжелых условиях проявили замечательную инициативу – воинские поезда водили экспрессами: грузовые поезда от Рязанска до Рыбного следовали сходу без остановки на станции Старожилово. На этой станции графиком движения предусматривались остановка грузовых поездов для набора воды и чистки топки паровоза. Следуя без остановки на станции Старожилово, каждый поезд на участке Рыбное – Рязанск и Рязанск – Рыбное прибывал на 30–50 минут раньше графикавого времени.

Движение экспрессами проводилось и на участке Рязань – Шилово. Грузовые поезда следовали на этом участке без остановки на станции Ясаково для набора воды и чистки топки.

Инициаторами экспрессного движения были машинисты депо Рыбное Д.М. Дормидонтов, В. Пятырев, Е. Ильин, И. Ильин, Фокин, Овчинников, братья Лялины; в Рязани братья П. и С. Петровы, В. Позднышев, Спиридонов, Григорьев и др.

Помню особенно важный экспресс 8 ноября 1941 г. Требовалось из Шилово до Рязани доставить особо важный поезд, как потом ясно стало, этот поезд

и несколько других, следом идущие, необходимы были для организации обороны Рязани и подступов к Москве.

В Шилово я выехал с машинистом П. Петровым на паровозе СО. Нам предложили поезд пропустить с Сасовскими паровозами – насколько важен был поезд – его до Шилово везли двумя паровозами. Мы были хорошо подготовлены, за семь минут сменили паровозы по Шилово. До Рязани следовали с нагоном по перегонам, сходу проследовали станцию Ясаково. Этим мы еще больше ускорили продвижение этого поезда.

К станции Лесок мы подъезжали около 22 часов вечера. Над Рязанью рвались зенитные снаряды. Что делать? Ехать – так мы решили с Петровым Петром. Известно, какая большая скорость от Леска до Рязани.

Конечно, переживали, как бы не удалось стервятникам разрушить путь. Ехали мы этот перегон около 10 минут, но казалось, очень долго ехали в сплошной темноте. Мы не бросали уголь в топку, иначе демаскировали бы себя. Не горел прожектор, только слабые огоньки из щелей затемнительных фонарей. Принимают нас на первый путь к перрону Рязань-I. Встречает нас начальник локомотивной службы П. В. Кошкарев: «Давай! Давай, не останавливайтесь, в Рязани опасно!» Рязанский узел и город под бомбежкой, а ведь в тендере воды на донышке – в Ясаково не брали. Нечего думать, и Петр Петров открывает регулятор; поезд быстро набирает скорость, уходит от бомбежки. Когда поезд прибыл в Рыбное, отказали инжекторы, не всасывали воду из тендера – ее там уже не было, еле добрались до гидроколонки, и паровоз ожил.

Значительно осложнилась работа рязанских и рыбновских паровозников, когда пришлось эвакуировать все станочное и другое механическое оборудование из депо Рыбное и Рязани. Со слезами на глазах мы снимали станки со своих предприятий. Снимали с фундаментов станки, бережно грузили их в вагоны, мы берегли фундаменты. У нас была полная уверенность, что это временное мероприятие, что нам вскоре придется вновь монтировать наши мастерские. Два состава, каждый с двумя паровозами, отправлялись в Сибирь с оборудованием наших депо, а также паровозные бригады, которые нигде не отцеплялись от состава. Бригады менялись, отдыхая в вагонах теплушек.

В декабре 1941 г. фашистские армии были не только остановлены под Москвой, но и начался их разгром, сразу же вернулись наши поезда. В депо Рязань, Рыбное были восстановлены мастерские. Организовали ремонт паровозов, так необходимых для вождения воинских поездов.

Паровозные бригады в чрезвычайно тяжелых условиях содержали в исправном состоянии паровозы. Сами их ремонтировали, следили особенно внимательно за котлами паровозов. Увеличив передув котлов, применяя антинакипины, не допускали выхода из строя котлов паровоза.

Помню разговор со мной тов. А.И. Микояна в 1941 г., который, находясь в управлении тогда Ленинской дороги, интересовался работой локомотивных бригад Рязанского отделения: «В чем Вам помочь в Вашей ответственной, серьезной работе? Держитесь!» Я попросил разрешения растопить новые паровозы серии ФД, которые эвакуировались с Луганского завода, прошли они Рязань и 10 паровозов стояли в Турлатово, и 10 в Перевлесе.

Мне дали разрешение. Анастас Иванович спросил, сколько требуется времени, чтобы ввести в строй эти новые паровозы. Я просил трое суток. Нужно быстрее, по военному, выполнить эту задачу. Тут же была дана команда вести сплотки паровозов из Турлатово. Мобилизованы люди, и в первые же сутки в работу начали вливаться новые паровозы и, конечно, значительно оживились перевозки. В день, когда мы поехали за паровозами в Перевлес, в фашисты бомбили мост у станции Перевлес – там и поныне три громадные воронки от тонных бомб – к счастью, мост остался цел и наши паровозы. Новые паровозы в течение суток начали затапливать и вводить в работу.

После потери Донбасса очень ухудшились условия работы на паровозах. Не было необходимого топлива, особенно газовых, жирных углей. Ухудшилось парообразование в котлах паровозов. Много труда и умения паровозники проявили для сжигания в топках паровозов тощих углей, дров, дровяных чурков.

Теплотехники братья М. и А. Тютюниковы предложили использовать для сжигания в топках отходы Рязанского шпалопропиточного завода. Креозот горел хорошо в топке на слое угля, но потом проваливался в поддувало, и должного парообразования не удавалось допустить. Недостаток качественного топлива особенно влиял на парообразование котлов мощных паровозов ФД с углеподатчиками – стокерами. На этих паровозах работали рыбновские бригады, и им особенно было тяжело. А поезда рыбновцы ввели до Воскресенска в сторону Москвы и до Рязьска.

Были случаи очень изнурительных тяжелых поездок. Машинист Овчинников на паровозе ФД еле доехал до ст. Рязань-II. На тендере одни тощие угли. Топка зашлаковалась. После чистки топки нечем развести огонь. Из котла уходила вода. Воды накачает в котел – пар садится. Пар поднимешь – вода уходит. Когда я пришел на паровоз, бригада доходила до слез, но не могла оживить паровоз. Мой заместитель Н.В. Епифанов со склада топлива Рязань-II собрал на платформу углеподъемного крана две банки жирного угля, краном приехал на станционные главные пути ст. Рязань-II. Подали уголь на тендер паровоза, и моментально ожил паровоз, подняли полное давление пара в котле. Я поехал с бригадой до Рязьска. Паровозная бригада находилась на работе почти сутки. Доехали до ст. Биркино, остановили нас на перегоне Биркино – Чемодановка, остановился нечетный поезд, машинист Элин не может вывести состав и освоить перегон. Прервано движение нечетных поездов.

Нужно машинисту этому оказывать помощь: выталкивать состав с перегона. Бригада нашего паровоза измучена тяжелым трудом без сна и питания. Принимаем решение: из одной бригады сделать две. Машинист Овчинников с кочегаром ложится на полу у дежурного по станции отдыхать – хоть немного поспать, а я с помощником машиниста поехал на перегон оказывать помощь нечетному поезду. Вытолкнули поезд. С 275 км вернулись на ст. Биркино, и мне сообщают, что машинист Элин снова остановился на входных стрелках ст. Чемодановка. Пришлось вторично выезжать на перегон и оказывать помощь нечетному поезду. Задача была выполнена. По прибытии на ст. Биркино, машинист Овчинников, немного отдохнув, принял от меня паровоз, и мы поехали далее до ст. Рязск. Я не доехал до Рязска, на ст. Подвислово перешел на паровоз нечетного поезда, который следовал с особым поездом, и с ним прибыл в Рязань.

Были у нас и «трусы». Вспоминается случай: машинист Б...в на головном паровозе, а на втором паровозе маш. Смирнов вели поезд до ст. Шилово. Почти у входного сигнала ст. Ясаково фашистский стервятник налетел на поезд. Брошенная бомба разорвалась под первым вагоном, паровоз отделились от состава, вагон попал в воронку. Поезд остановился, а два паровоза продолжали двигаться! Самолет еще раз развернулся, открыл пулеметный огонь, был убит машинист второго паровоза Смирнов.

Бригада первого паровоза с машинистом Б...вым покинула паровоз, не закрыв полностью регулятор. Неуправляемые паровозы продолжали следовать на ст. Ясаково. Со второго паровоза сошел кочегар и доложил дежурному по станции, что убит машинист, а паровозы прошли ст. Ясаково, вышли на перегон Ясаково – Перевлес. Я был у селектора поездного диспетчера ст. Рязань. На ст. Перевлес стоял трудовой поезд с машинистом П. И. Деминым. Я пригласил его к селектору, приказал ему принять меры к остановке неуправляемых паровозов. И Пётр Иванович паровозы остановил и сделал все, чтобы их сохранить и привести в действующее состояние, не допустил их порчи от недостатка воды.

Б...ва осудил коллектив депо Рязань, он был исключен за трусость из партии.

Кроме больших трудностей со снабжением топливом паровозов, особенно трудно стало со снабжением отоплением технических нужд, отоплением предприятий, столовых, учреждений и трудящихся.

На Рязанском отделении были организованы «вертушки» – дровяные поезда. Мы сами заготавливали и возили дрова с Сасовского отделения со станций Назаровка, Ушинский, Шелухово, с 278–270 разъездов и многих других станций. Своими силами мы заготавливали торф на станциях Шевцово и Ушинский. Так, самозаготовками, мы обеспечивали топливные нужды.

Много топливных складов было на Рязанском отделении: в Рыбном, на станциях Рязань-I и Рязань-II, в Шилово, в Голутвине и дополнительно были организованы дровяные склады на станциях 278, 270, Шелухово, Вышгород,

Ясаково. На многих складах вагонетки с углем подвозили к эстакадам лошаадьми, которых нам давали колхозники сел Ходынино и Полтево. Лошади менялись через 8 часов, а люди вахту держали без смены по 12 и более часов, часто на складах и спали. В последующие годы войны на складах топлива Рыбного и Рязани работали военнопленные немцы.

Депо Рыбное и Рязань, выполняя непосредственную работу по ремонту паровозов, получили задание оборудовать два паровоза серии ОВ под бронепоезда. Задание было выполнено. Паровозы были отправлены в Голутвин на Коломенский завод для дальнейшего формирования бронепоездов.

Для перевозки сверхтяжелых военных грузов депо Рыбное получило особое задание: сформировать платформы на шестиосных тележках из-под мощных паровозов серии ФД. С шести паровозных тендеров мы сняли водяные баки, а затем платформы соединяли попарно и получали площадки на 12 колесах, на четырех тендерных тележках, которые использовали в перевозках сверхтяжелых спецгрузов.

Немцы знали, какое важное значение в военных перевозках имел Рязано-Рыбновский узел. Поэтому систематически бомбили наши узлы. Противовоздушная оборона узлов не давала возможности прицельной бомбежки. Рядом с депо Рязань располагалось наше нефтесмазочное хозяйство. Очень опасное соседство баков с легкогорючими веществами. На наше счастье не было ни одного прямого попадания в баки и в здание депо, хотя бомбы разорвались в котловане поворотного круга на складе топлива Рязань у эстакады. Несколько раз повреждались пути и водопроводные линии на ст. Рязань-I. Были повреждены жилые дома у вокзала, контора дистанции пути рядом с вокзалом были убиты и ранены.

Установленные защитные батареи около депо Рыбное устраивали сильный заградительный огонь над зданием депо Рыбное, и бомбы рвались с перелетом от здания депо в сторону деревни Ходынино.

Помню, при одном налете повреждено было зенитное орудие около здания общежития. Орудие ремонтировали успешно слесаря депо Рыбное. Под руководством зам. начальника депо Рыбное Н. Родимова и мастера Пирожкова.

На территории депо Рыбное, пескоподачи, склада топлива много сбрасывали зажигательных бомб, но с ними расправлялись железнодорожники, и ни одна бомба не вызвала пожара.

Огромную работу выполняли энергетики Рязанского паровозного отделения. Этим участком руководил Михаил Андреевич Пронякин, его заместитель М.В. Чуйков.

Мы обеспечивали все железнодорожные предприятия Рязанского отделения электроэнергией. Были перебои получения электроэнергии от Мосэнерго. Были случаи повреждения высоковольтной линии передачи от Рязани до ст. Рыбное.

Жизнь замерла при разрушении линии передачи и неподачи электроэнергии от Мосэнерго. Однако это было недолго. На ст. Рыбное у нас была своя электростанция с двигателем внутреннего сгорания «Бенц». Мы получали свою электроэнергию 100 киловатт. Не много, но этого хватало, чтобы работал поворотный круг, эстакада на складе топлива, некоторые станки, необходимые для ремонта паровозов. Когда нужно, включали и компрессоры, снимая напряжение с других участков. Тяжело было со снабжением электроэнергией рязанского узла и в первую очередь депо. И здесь мы установили небольшую свою электростанцию с газогенераторным двигателем. Топливо для двигателя сами заготавливали из дерева – чурки. На чурках дровяных работали у нас автомашины. Очень трудную работу опытную мы делали, чтобы перевести на чурки работать и электростанцию ст. Рыбное. Здесь работала бригада научных работников.

Работу на древесных чурках особенно успешно освоил шофер И. Кулешов. Он сам готовил их, его машина бесперебойно работала и, когда требовалось, Кулешов передавал свой опыт работы на других участках, где применялись газогенераторы. Мы сами изготавливали газогенераторные установки.

Особо важное значение, при паровой тяге вождения поездов маневровыми паровозами серии ФД имеет водоснабжение. В то время водокачки были оборудованы паровыми котлами и двигателями внутреннего сгорания – опять трудности с топливом.

На ст. Шевцово находились подталкивающие паровозы. Даже мощные паровозы ФД не вывозили поезда на перегоне Шевцово-Денежниково. Вот для подталкивания поездов и держали паровозы на ст. Шевцово. А они требовали воды и топлива. Напряженно работала водокачка ст. Шевцово. Мы ее называли Михайловской. Машинисты Михайловы от деда до внука передавали из рук в руки эту водокачку, оборудованную паровым котлом. Топливо для этой водокачки добывали рядом на торфоболоте, обеспечивали себя и даже давали частично на паровозы и отправляли в Рязань.

Водокачки в Рыбном, Дивове, Сторожилове не раз были объектами бомбежки. Однажды бомба попала в водоемное здание на ст. Старожилово, был разбит бак. Но мы не допустили перебоя с водоснабжением ни одной минуты. Отключили разбитое водоемное здание, работали на запасном резервуаре. Большое хозяйство водоснабжения Рязанского отделения всегда в готовности содержалось под руководством инженера А.А. Баранова. Он и сейчас на Рязанском отделении возглавляет этот участок работы.

Много было внедрено рационализаторских мероприятий. Особенно отличался рационализатор Бороненков, в шутку его прозвали «Эдисоном». На катках – колесах поворотного круга для паровозов в депо Рыбное – образовался большой прокат. Нужно катки обтачивать. Это значит, останавливать круг, и катки ставить на станок для обточки. Этого во время войны нельзя было до-

пускать, и Бороненков придумал и осуществил лично обточку колес поворотного круга без разборки и остановки его. Обточку сделали на ходу при работе круга.

Плохо было с досками, тесом для строительных работ, никто их не присылал. Бороненков изготовил пилораму, необходимые детали из чугуна и меди отлили в депо Рязань. Раму изготовили из рельс. И дело пошло. Лес пилили не только для своих нужд, но и другим организациям.

На подсобном хозяйстве нужно было молотить пшеницу, просо, гречиху. Изобретатели отделения придумали «комбайн» собственной марки с электроприводом от газогенераторной установки, и урожай убран без потерь и без машин своим «комбайном».

«Все для фронта, все для победы!» – под таким девизом работали все железнодорожники Рязанского отделения. Например, служащие конторы паровозного отделения бухгалтера Зина Забродина, Галя Соколова (тогда девушки, а сейчас бабушки) и другие под руководством Николая Николаевича Холопова, помимо выполнения своей бухгалтерской работы, они выгружали дрова из барж в Рязанском затоне, выгружали из вагонов уголь на складах топлива, подавали дрова на паровозы, работали в подсобном хозяйстве. Они выращивали гречиху, просо, овощи и другие сельскохозяйственные культуры.

С питанием было плохо. За счет подсобного хозяйства в столовой рабочие и служащие паровозного отделения получали дополнительное питание без карточек, даже с мясом и жирами.

Высокими правительственными наградами был оценен труд рязанских железнодорожников и, в частности, локомотивщиков депо Рыбное и Рязань.

10 ноября 1974 г.

*ГАРО. Ф. Р-5624. Оп. 1. Д. 66. Л. 5–17.
Авторизованная машинопись, 1-й экземпляр.*

Комсомольцы сороковых годов: молодежь в тылу

В средних школах до 1940 г. секретари комитетов комсомола первичных комсомольских организаций были освобожденными сотрудниками. С 1940 г. эта практика была отменена, и секретарь комитета комсомола в школах избирался, выполняя уже свои обязанности на общественных началах без отрыва от своих должностей. Мне довелось быть первым не освобожденным секретарем комсомольской организации средней школы № 17. Эту честь, избрав меня секретарем, мне оказали мои товарищи где-то в середине 1940 г.

Главной задачей того времени для нас, комсомольцев-школьников, была задача: отлично учиться, готовить себя для защиты Родины, вести военно-патриотическую работу среди молодежи в школе, быть надежным помощником нашим отцам, матерям и старшим товарищам в труде.

Мы участвовали в субботниках на железной дороге, занимались в оборонных кружках «Осоавиахима». Как правило, у каждого комсомольца были значки: ПВХО (Готов к противовоздушной и химической обороне), ГСО (Готов к санитарной обороне), значок «Ворошиловский стрелок» и БГТО (Будь готов к труду и обороне). Для того, чтобы получить эти значки необходимо было пройти курс обучения в соответствующих кружках и сдать зачеты. Организовывали такие кружки в школах для молодежи организации «Осоавиахим» совместно с партийными и комсомольскими организациями. Старшие товарищи – комсомольцы были запевалами этого дела. Так, наши комсомольцы – учащиеся выпускных классов Костюченко и Коломинцев, пройдя инструкторские курсы в ОСОАВИАХИМЕ, вели в школе кружок Ворошиловских стрелков и кружок ПВХО.

В летние каникулы комсомольская жизнь в школе не замирала: ездили в колхозы помогать колхозникам в полевых работах, проводили военные игры. Руководил играми, как правило, военрук школы. Так мы жили накануне Великой Отечественной войны.

Война пришла неожиданно и была нами, молодыми комсомольцами, встречена с уверенностью и надеждой на скорый разгром врага. Патриотический порыв был настолько велик, что каждый из нас был немедленно готов ехать на

фронт и с оружием в руках защищать свою Родину. В первый день ко мне в помещение комитета комсомола пришли почти все ребята и девчата нашей организации. Всех интересовал один вопрос, когда и при каких обстоятельствах можно будет поехать на фронт. Такие мысли были и у меня. Мне шел семнадцатый год. К тому времени меня избрали кандидатом в члены Пленума горкома комсомола, и я имел возможность общаться с городским руководством.

Руководил работой нашей комсомольской организации заместитель начальника политотдела Рязанского железнодорожного узла по комсомолу тов. Полетаев (имя и отчество забыл). Это был настоящий вожак, энергичный, общительный, пользующийся большим авторитетом у комсомольцев. Через некоторое время его избрали секретарем Рязанского горкома комсомола. Я поехал к нему с кучей вопросов, касающихся нашей активной деятельности в рядах Красной Армии. Выслушав меня, он очень рассердился. Прочитал мне целую лекцию о наших задачах: как всегда, главной задачей была отличная учеба. Кроме того, было обращено наше внимание на помощь народному хозяйству и семьям, которые отправили своих близких на фронт. Я ушел от Полетаева разочарованным. Мне казалось, что нам (мне и моим товарищам) не удастся на фронте внести свой вклад в дело разгрома врага, ибо война скоро закончится окончательной нашей победой. Мы ожидали, что с началом войны наша жизнь должна резко измениться, а на деле вроде бы все то же. Как я и все мы ошибались... Для того, чтобы убедиться в этом не пришлось долго ждать.

Первым практическим делом в помощь фронту была отправка комсомольцев и молодежи в основном рождения 1922–1923 гг. и старше на строительство оборонительных сооружений (кажется, в район Смоленска). Уже в августе 1941 г. над Рязанью начали появляться вражеские бомбардировщики. Комсомольцы школы, молодежь, ребята и девчата, разбитые на группы, круглосуточно, вместе с учителями несли дежурства в школе с целью охраны помещения от пожара, могущего возникнуть при применении противником зажигательных бомб. Учились одновременно бороться с зажигательными бомбами.

Проводили первых товарищей и учителей в действующую армию. Ушли и наши наставники по оборонной работе: Костюченко, Коломинцев преподаватели Яркин, Павлов, Дюков и другие.

Надвигалась осень 1941 г. Известия с фронтов были печальные. Немцы рвались к Москве. Вернулись многие посланцы со строительства оборонительных сооружений. Их рассказы о пережитом и виденном заставляли пересматривать свои представления о войне.

Однажды утром мне позвонил Полетаев и попросил подготовить описок комсомольцев 1923 г. рождения и старше. Когда я выполнил его указание, то последовало новое – из общего списка выбрать ребят, умеющих ходить на лыжах, физически здоровых. Поговорить с ними о возможности их участия в боях с фа-

шистами в составе лыжного батальона, который формируется из рязанских комсомольцев. Это было уже настоящее дело, и мы гордились тем, что нам доверяют. Для начала в списках оказалось большинство комсомольцев-парней независимо от возраста. Мотивировка была такая: комсомольцев 1923 г. рождения призвал комсомол, а остальные добровольцы. Однако этот вариант не прошел. Так, первые наши товарищи ушли с оружием в руках защищать Родину, не закончив школы. Среди ушедших были: Д. Соломатин, В. Болонин, Алабин, Емельянов и другие. (Мне сейчас известно, что Виктор Болонин погиб, а Дмитрий Соломатин прошел вою войну и погиб от несчастного случая. О других товарищах, ушедших в комсомольский лыжный батальон, мне ничего не известно).

В скором времени наша комсомольская организация рекомендовала на особое задание комсомолку Зину Барабанову. Мне было известно, что она направлялась в распоряжение ЦК комсомола, а затем в Москве училась в специальной школе для выполнения заданий в тылу у немцев. В том же коллективе в свое время жила Герой Советского Союза Зоя Космодемьянская. Зина была старше нас на два-три года. Очень бы хотелось знать ее судьбу. Дорога, по которой пошла Зина была героической.

В свободное от учебы время комсомольцы работали: помогали железнодорожникам готовить теплушки для отправки на фронт мобилизованных новобранцев.

Положение на фронтах все время усложнялось. Немцы начали очередное наступление на Москву. Наступление велось с охватом Москвы как с севера, так и с юга. В полосу наступления попала и Рязань.

Московско-Рязанская железная дорога была очень важной артерией, связывающей столицу нашей Родины с восточным и юго-восточным районами страны, ибо к тому времени бои уже шли в районе Тулы, Каширы и других. Железные дороги, связывающие Москву с югом страны, не функционировали. На повестку дня встал вопрос о защите нашего родного города Рязани.

В конце сентября – начале октября 1941 г. меня вызвали в горком комсомола. Принял меня один из секретарей горкома. В основном он интересовался составом комсомольской организации школы и моральным духом комсомольцев. Были и задачи, которые он поставил перед нами, касающиеся некоторых работ на заводах Рязани по разгрузке и погрузке различного рода оборудования. Будучи у него, я случайно узнал о формировании в Рязани истребительного батальона. Мне удалось убедить его, что комсомольцы – школьники выпускных классов могли бы быть полезны в составе батальона, ибо мы, согласно закону о воинской обязанности, должны летом 1942 г. идти служить действительную службу в Вооруженных Силах СССР, так что в трудный момент для судьбы родного города мы просто обязаны быть в составе батальона. Этот аргумент оказался для него убедительным, и он отдал распоряжение, посоветовавшись

с руководством, чтобы комсомольские организации некоторых средних школ направили в батальон по три–четыре человека добровольцев.

Возвращаясь в школу, я знал, что отбор будет провести очень тяжело, потому что желающих будет больше. Комитет первичной организации утвердил трех человек. Среди них была утверждена и моя кандидатура вместе с моим товарищем А. С. Капрановым.

Помещение, где размещался формируемый батальон, находилось около здания Рязанского государственного банка. Вероятнее всего это было помещение школы или какого-либо учреждения. Нас по комсомольским направлениям принял командир истребительного батальона. Им был начальник милиции Печнин. Он объявил нам, что в этот момент мы являемся бойцами истребительного батальона. Все бойцы находились на казарменном положении. Кроватей хватало не всем. Нам молодым, а возраст личного состава батальона был очень различен, дали наволочки для матрацев и подушек, которые мы набили специально привезенным для этих целей сеном, и устроились в одной из комнат прямо на полу.

Вскоре мы познакомились и со своими командирами отделений, взводов и рот. Первую ночь, проведенную в этих условиях, мало кто спал спокойно. Особенно это касается моих товарищей. Начинали понимать, что служба это не романтическое приключение, а тяжелый труд. Хуже всего в батальоне к тому времени было с вооружением. Винтовок не хватало. Я получил винтовку, у которой было заклеенное отверстие в казенной части ствола, говорящее о том, что она совсем недавно еще была учебной. Получил и несколько обойм патронов. У каждого из нас имелся хорошо подержанный противогаз. Началась боевая подготовка. Нас обучали, помимо стрельбы из боевой винтовки, обращению с гранатами, с бутылками, наполненными горючей смесью. Нам устраивали учебные тревоги в любое время суток. Нас готовили в любую минуту вступить в настоящий бой. Если память не изменяет мне, то комиссаром батальона был первый секретарь Рязанского горкома комсомола тов. Сироткин. Может быть, я и ошибаюсь, потому, что он мог выполнять эти обязанности на стадии формирования батальона, по своей непосредственной должности.

Появились сведения о поимке немецких лазутчиков в Рязани. Наши формирования включились в патрулирование улиц города. Рязань уже к этому времени испытала первые ужасы бомбардировки. Появились первые жертвы среди мирного населения, разрушенные здания на улице Красной Армии и др.

Однако перед авиацией противника стояла более важная задача, а именно блокировать Московско-Рязанскую железную дорогу, и тем самым не допустить снабжение Москвы боезапасом, продовольствием, боевой техникой, горючим и пополнением сражавшихся под Москвой частей живой силой. Каждый день на участках Рязск – Рязань – Москва, Сасово – Рязань – Москва разрушалось полотно железной дороги, линии связи. Железнодорожные эшелоны несли потери. В Ря-

зани круглосуточно слышались гулкие взрывы бомб. Вокруг Рязани велись работы по созданию оборонительных сооружений. Однако главное все же было, как мы понимали, это обеспечение бесперебойного функционирования железной дороги. Задачи защитников Рязани и железнодорожников были едиными.

Если фашистам удалось бы захватить Рязань, то и не стала бы функционировать железная дорога. Обеспечивая эффективную работу железной дороги, железнодорожники помогали Красной Армии остановить врага на подступах к Москве и нашему родному городу. Вот почему я не удивился, когда в один из дней в батальоне появился тов. Полетаев. Он пригласил меня в комнату командования и в присутствии тов. Сироткина рассказал о тяжелом положении, которое создалось на Рязанском железнодорожном узле в результате действия немецкой авиации на железных дорогах. Он рассказывал о мужестве железнодорожников: машинистов, кочегаров, помощников машинистов, поездных бригад, путейцев. Одновременно сообщил, что принято решение о создании при Рязанском железнодорожном узле военно-восстановительной колонны связи. Задачей этой колонны была быстрая ликвидация последствий бомбардировок, связанных с повреждением линий связи и сигнализации.

«Формирование этой колонны, – сказал тов. Полетаев, – должно закончиться в течение двух суток. Мы посоветовались и решили откомандировать комсомольцев железнодорожных школ в эту колонну». «Передай своим товарищам, – продолжал он, – чтобы они быстро получили все необходимые документы в строевой части батальона, сдали оружие и к вечеру явились в распоряжение начальника ШЧ-5 Рязанского железнодорожного узла. Дело, которое мы вам доверяем, почетное и ответственное. Вы уже завтра будете на передовой».

Выполнив все формальности в батальоне и получив пакет с предписанием, я и мои товарищи направились к новому месту службы. Принял нас заместитель начальника политотдела железнодорожного узла по комсомолу тов. Оборотов. Он к тому времени заменил тов. Полетаева.

Оборотов просил меня рекомендовать еще нескольких человек для службы в этой колонне. К вечеру мы были в казарме, где расположился личный состав «летучки» – так мы называли колонну связи. Со мной были товарищи комсомольцы А. С. Капралов, В. П. Дмитриев, Н. Макаров, Дейкин, Н. М. Кононов.

Паровоз, две теплушки и платформа с имуществом связи находились на путях недалеко от казармы. Нас хорошо обмундировали, объяснили наши обязанности. В основном они сводились к обязанностям разнорабочих, т.е. мы помогали в работе специалистам, которых в колонне было шесть или семь человек. Начальником «летучки» был старый опытный связист – Пётр Степанович Дмитриев, мастером Михаил Иванович Кононов.

Октябрь и ноябрь месяцы 1941 г. были самими напряженными для нашего родного города. Известно, что 16 октября 1941 г. немцы начали второе наступление на

Москву. Они имели задачу захватить города Тулу, Каширу, Рязань, Коломну и путем охвата Москвы с тыла окружить столицу и захватить ее. Немцам с первых дней их наступления было заманчиво парализовать железную дорогу, проходившую через Рязань на Москву. Авиация противника почти непрерывно воздействовала на железную дорогу и движущиеся по ней эшелоны. Вот почему наша военно-восстановительная колонна связи сразу вступила в активную деятельность.

Вероятно, нет необходимости описывать все то, что удалось сделать нашему боевому отряду восстановителей. Однако некоторые выезды запомнились особенно. К ним относится и выезд на восстановление линии связи на участке Алпатьево – Дивово. Это было в конце октября 1941 г. По тревоге мы выехали устранять разрушенную воздушную линию связи на перегон Алпатьево – Дивово. Прибыв на место, мы приступили к восстановительным работам. Когда работы подходили к концу, вдруг услышали взрывы бомб и, не успев рассредоточиться, подверглись пулеметному обстрелу. Над нами низко пролетел самолет Ю-88. Высота такова, что были видны не только опознавательные знаки, но, казалось, и лица летчиков. Мы находились в районе станции Алпатьево, а где-то недалеко в сторону Рязани, поднялся черный столб дыма, и слышались тревожные гудки паровоза. Сомнений не было – он звал на помощь. Быстро собрав все свои материалы и закончив работы, мы поехали в сторону пожара.

Уже через несколько минут езды мы увидели разбитый эшелон с горящим, охваченный огнем. Остановившись на расстоянии, мы покинули теплушку и побежали к центру пожара. Весь состав состоял из цистерн разной емкости. Бомбы попали в центр эшелона, разбили несколько цистерн, в которых находился бензин. Бензин воспламенился и огненной рекой тек по кювету вдоль железнодорожного полотна. К моменту нашего прибытия усилиями поездной бригады была отцеплена передняя часть состава от поврежденных горящих цистерн, и паровоз оттащивал эту часть вагонов вперед. Горящий бензин и ветер гнали огонь на заднюю часть эшелона. Думалось, что положение безвыходное, и вот-вот должны загореться и примыкающие к пожару цистерны. Одна из цистерн угрожающе свистела.

Вероятно от пожара, находящийся в ней бензин интенсивно испарялся, и через, казалось бы, герметично закрытую горловину люка вырывались с силой пары бензина. Цистерна могла взорваться в любую минуту. Необходимо было немедленно отцепить заднюю часть состава от горящих цистерн и оттащить ее. Но как это сделать? С правой стороны, по ходу поезда можно было на короткое время подойти к месту сцепки вагонов, т.к. ветер частично сносил пламя влево. Но хватит ли этого времени, чтобы отцепить состав? Жара была такая, что у некоторых дымились шапки, когда они подходили близко к составу. Некоторое время в наших рядах было замешательство. К нам подбежал железнодорожник из состава поездной бригады и попросил оказать ему помощь. Все согласились. Но как? Проще всего это можно было бы выполнить, отцепив заднюю часть

эшелона паровозом, и оттащить от огня, но для этого необходимо было вызвать паровоз из депо Рыбное. Наш паровоз находился в голове эшелона и не мог быть использован для маневра, так как соседний путь был поврежден в нескольких местах в результате бомбардировки эшелона. Оставалось одно – растаскивать состав по частям, используя людей. Начали с хвоста. Отцепляли по несколько вагонов и откатывали их на расстояние. Возглавил эту работу неизвестный нам тогда железнодорожник.

Уклон в сторону Рязани способствовал успеху нашей работы. И вот, наконец, самая тяжелая часть работы – отцепка цистерн, примыкающих непосредственно к пожару. С большим трудом после нескольких попыток, железнодорожнику поездной бригады удалось, наконец, отцепить самый близкий вагон к пожару, и мы покатали его от очага. Как я уже описывал выше, вагон свистел и вот-вот готов был взорваться. Молча катили его от пожара. В голове было одно, только бы успеть, только бы не взорвался. Вот пройдены первые метры, огонь пожара уже не лижет вагон. Смотрю на товарищей: Валентин Дмитриев, Александр Капралов, упершись, стараясь не смотреть, что делается наверху, изо всех сил толкали вагон. Остальные впереди вагона, подбадриваемые М.И. Кононовым, делали то же самое. Оттащив вагон от пожара, не теряя времени, предприняли попытку предотвратить взрыв. По распоряжению М.И. Коконова из теплушки был доставлен брезент, лопаты, ведра. По горячему трапу к люку цистерны поднялся наш опытный связист, фамилия была у которого, кажется, Щенников. Это был сильный молодой парень лет 30–35. Он накрыл люк брезентом, а мы снизу стали подавать ему песок в ведрах, которым он засыпал накрытый брезентом люк. Песок в этом случае был бы прессом. Через некоторое время свист стал стихать, и, наконец, цистерна затихла. Теперь ее можно было докатить до остальной части отцепленного состава, не боясь, что она может взорваться.

Начали тушить горевшие тамбуры некоторых вагонов. Получив ранение, сгорел один из проводников этого поезда. Мы тяжело переживали случившееся.

Сейчас, когда прошло уже много лет после этих событий, вспоминаешь и думаешь, как же удалось нам это сделать? Думаю, что нашей удаче способствовали два обстоятельства: первое – это наличие двух буферных цистерн между местом сцепки и основным очагом пожара. Их можно назвать буферными потому, что они горели не так интенсивно, ибо были пробиты осколками. Бензин вытекал из них, как из фонтана, воспламеняясь в воздухе. Второе – это благоприятный ветер, который позволил с одной стороны, хотя и на короткое время, подходить к месту стыковок вагонов.

Усталость брала свое. Хотелось только одного – спать. Но М.И. Кононов послал нас, молодых, пешком в Рыбное доложить о случившемся, ибо связи с Рыбным не было, где-то вновь была повреждена линия связи, и просить срочно прислать восстановителей-путейцев и пожарников.

В Рыбном, выслушав наше сообщение, приняли срочные меры. Мы остались поджидать свою «летучку». Некоторые ребята, получив разрешение, уехали в Рязань с рабочим поездом.

После этого были и другие выезды. Напряжение на железной дороге возрастало. Шла вторая половина ноября. Фронт приближался к Рязани. Еще на стойчивее бомбили с воздуха эшелоны в пути и на станциях. Появилась реальная возможность выхода немецких войск к железной дороге, соединяющей Рязань и Рязань. Были заняты г. Скопин, г. Михайлов.

Работая на железной дороге, приходилось теперь ежеминутно ждать врага не только с воздуха, но и со стороны приближающегося фронта. Предполагалось, что враг может предпринять диверсии, глубокую разведку и т.д. Чтобы оценить то напряжение, мне хотелось бы рассказать еще об одном выезде на восстановление линий связи в район станции Биркино, теперь уже прифронтовой железной дороги.

Перед поездкой начальника колонны П. С. Дмитриева информировали о том, что с одного из разъездов в районе станции Биркино поступило сообщение о появлении немецких мотоциклистов. Из доклада явствовало, что якобы немцы проследовали небольшой группой по проселочной дороге, которая находилась в поле зрения разъезда. Дмитриев поставил в известность всех нас и предупредил, чтобы были внимательными и осторожными в пути следования.

Была вторая половина дня, когда наша «летучка» тронулась в путь. Без особых приключений прибыли на место, когда уже начали спускаться сумерки. Только начали работы, как последовала команда: «Воздух!» Все верхолазы – связисты, работающие на столбах, – быстро спустились вниз и вместе с остальными рассредоточились вдоль зеленых насаждений, идущих вдоль железной дороги. Наш поезд стал медленно двигаться, меняя направление движения. Над нами пролетело два немецких бомбардировщика на очень малой высоте. Послышался треск пулеметов. Они сделали круг и удалились в сторону Старожилова. Все вновь заняли свои рабочие места. Нужно было как можно раньше дать связь, чтобы начать движение поездов, ибо полотно дороги не пострадало от налета.

В подобных условиях мы часто соединяли провода на земле по временной схеме, давая возможность начать движение, а затем уже, поставив новые столбы, натягивали постоянную линию. Когда временная линия была соединена, то оказалось, что с Рязанью у нас связь имелась, а в другую сторону связи не было. Вероятно, линия была повреждена еще где-то впереди. Была уже ночь, когда мы закончили свои работы. Запросили указание у Рязани. Неожиданно получили информацию, что нет связи с разъездом, который днем докладывал о немцах. Этот разъезд был теперь на пути нашего возвращения и Рязань. Начали по телефону советоваться, как быть. Линия связи в сторону Мичуринска еще восстанавливалась, и мы не могли связаться с Мичуринском, а в Рязань

ехать мимо разъезда, с которым нет связи опасно. Вдруг, действительно, немцы вышли на железную дорогу. Решили, что возвращаемся в Рязань, заодно выясним, что же произошло на разъезде, ибо движения поездов все равно нельзя начинать, не выяснив причину потери связи с разъездом. Была дана команда: «Не курить, не зажигать спичек и печурку в теплушке. Во время движения соблюдать тишину и внимательно вести наблюдение». Были приняты и соответствующие меры и на паровозе. Начальник колонны переместился на паровоз. Началось медленное движение в сторону Рязани. Все думали об одном: как бы нам сейчас пригодилось оружие, но оружия не было.

Наша «летучка» крадучись подбиралась к злополучному разъезду. Наконец, состав беззвучно остановился. Выходить из теплушки не разрешалось. На разъезд направили разведку в составе трех человек во главе с начальником колонны П. С. Дмитриевым. Пошли два бывалых связиста, фамилий которых я не помню. Напряжение достигло кульминации. Время тянулось бесконечно долго. Наконец появились наши разведчики. Все бросились расспрашивать, что и как? Оказалось, что была повреждена аппаратура связи. Связь Рязани с разъездом восстановлена. Дорога на Рязань была открыта: пошли поезда. Все были рады, что все так кончилось. При других обстоятельствах наше положение было бы очень сложным. До самой Рязани обсуждали этот инцидент.

Но самая большая опасность для жизни нашего коллектива ждала нас не на перегонах и станциях, а в родном городе. Однажды утром, когда мы отдыхали в казарме после очередного выезда на дорогу, начался один из налетов авиации противника на Рязанский железнодорожный узел. Это был конец ноября. Стояло солнечное осеннее утро. Воздух был уже холодным, а небо очень голубое. И вот на фоне этого прекрасного утра начали рваться бомбы, которые сотрясали нашу казарму. Стекла вылетели из окон уже после первых взрывов. Мы выбежали из помещения в бомбоубежище, которое находилось недалеко от казармы. Высоко в небе, оставляя белый след, шли немецкие самолеты. Забегав в бомбоубежище, вновь ощутили сильные взрывы бомб. Налет продолжался 15–20 минут. Когда самолеты улетели, выяснилось, что разрушено помещение дистанции пути, поврежден вокзал станции Рязань-I, поликлиника, связь в районе этих помещений. Были какие-то повреждения и в депо. Много людей погибло или получило ранения на привокзальном рынке, куда попало несколько бомб. Несколько пролетов столбов с линиями железнодорожной связи узла в районе рынка были полностью снесены. Наша «летучка» вновь включилась в работу по восстановлению связи. Наступила уже ночь, а работы еще не были закончены. При свете звезд подавали концы проводов на столбы верхолазам. Недалеко от места работы находилась кем-то вырытая землянка – бомбоубежище.

У нас не было распорядка дня. Мы отдыхали и ели, когда нам предоставлялась возможность. Та ночь была тихой и холодной. Попеременно мы бегали греться

в землянку. Но тишина ночи была обманчива. Вскоре послышался специфический шум моторов «Юнкерсов». Вспыхнули прожектора противовоздушной обороны. Последовала команда: «Всем в бомбоубежище!» Я эту команду уже выполнить не смог, так как находился сравнительно далеко от бомбоубежища и когда побегал, то уже слышал свист приближающихся бомб. Скорее по инстинкту, чем сознательно, я укрылся в кювете в то самое время, когда раздался взрыв необычайной силы. Одно время почувствовал, что кто-то сильно надавил на все мое тело, и было невозможно вздохнуть. Желая сделать хотя бы один вздох, я вскочил, вздохнув полной грудью. Горячий воздух, смешанный с гарью и порохом, ударил мне в нос.

Пройдя потом уже по дорогам войны, четко представляю, что это было воздействие прошедшей надо мною воздушной ударной волны. Бомба весом около 500 кг упала на восстановленную нами линию связи, воронка находилась в нескольких десятках метров от землянки-бомбоубежища, где укрылись мои товарищи. Ударной волной выбило дверь в землянке и сильно ударило Дейкина. Одно время он даже терял сознание. Вся наша дневная работа была перечеркнута. Нужно было все начинать заново, но люди настолько были утомлены, что начальство дало нам время отдохнуть, ибо работы нельзя было начинать сразу, т.к. в результате взрыва катушка с проводом весом около 500 кг исчезла бесследно, хотя мы и долго ее искали. Исчезли и другие материалы и оборудование.

Пока руководство колонны добывало необходимый материал и провода для работы, мы спали непробудным сном, прямо, где кто мог устроиться. К середине следующего дня мы закончили все восстановительные работы, связанные с этим воздушным налетом.

Наша работа в «летучке» продолжалась до 1942 г., когда немецкие полчища были разгромлены под Москвой и Рязанскую область освободили от захватчиков, и налеты немецкой авиации на железную дорогу нашего участка сократились. Немцам было уже не до Москвы.

Нас, комсомольцев-школьников, вернули за школьные парты. В классы мы пришли уже опаленные войной, выдавшими своими глазами смерть. Мы готовились теперь взять в свои руки оружие и не выпускать его до конца войны. В дальнейшем мы воевали на разных фронтах и флотах. Прошли войну и остались живы Николай Макаров, Александр Капралов, Валентин Дмитриев. Сведений об остальных товарищах я не имею. Когда мы видимся друг с другом, хотя это и происходит редко, мы вспоминаем наше боевое крещение в нашей «летучке».

В 1942 г. я и большинство моих товарищей были призваны служить в вооруженные силы, это произошло в начале сентября, а до этого времени мне запомнились два момента в жизни моих товарищей-комсомольцев и моей.

Первый касается работы, которую проделали комсомольцы школы. Участвуя в мероприятиях по встрече и обслуживанию эшелонов с эвакуированными ленинградцами. От нашей школы по указанию политотдела железнодорожного

узла было выделено восемь человек комсомольцев. В основном это были девушки. Среди них Вера Кирова, Антонина Павлова, Вера Николаева и др.

Девчата помогали младшему медицинскому персоналу обслуживать эшелоны. Разносили по вагонам областные и центральные газеты, помогали чем могли старшим в организации и встрече проходящих эшелонов. В свободное время многие комсомольцы добровольно ходили встречать эвакуированных ленинградцев. Для всех нас это были люди из легенды. Нельзя было равнодушно смотреть на голодных, истощенных, больных людей. Многие погибли на этом пути, т.к. слишком были слабы, а многие и тяжело больны. Когда-то через Рязань проследовала и легендарная девочка Таня Савичева, дневник которой в настоящее время экспонируется в Музее обороны Ленинграда и который обличает преступления фашистов в дни блокады Ленинграда. 596 человек, умерших в эшелонах ленинградцев, похоронены на рязанской земле. Сотни, если не тысячи рязанцев лежат в ленинградской земле и в водах Балтийского моря, отдав свои жизни фашистам за мученья блокады.

Основную работу по обслуживанию ленинградских эшелонов выполняла жены работников железнодорожного узла. Мне это хорошо известно потому, что среди них была моя мать – Суляева Мария Михайловна, ее подруги Зубарева Наталья, Бабанина Серафима Степановна, Семёнова Евдокия Ивановна и др.

На диспетчерском пункте дежурили комсомольцы, которые, получив сообщение о подходе эшелона с ленинградцами, быстро по имевшейся схеме оповещали женщин. В любое время суток они собирались на станции и приступали к своим обязанностям. Они раздавали талоны на питание, провожали слабых в столовую, носили обеды больным по вагонам. В этом факте, как никогда, чувствовалось единство нашего народа. Всех ленинградцев встречали как родных. Переживания и горе истощенных, но не сломленных духом людей, были и нашими переживаниями, нашим горем. После каждой такой встречи мама долго плакала и не могла прийти в себя. Я впервые в жизни видел «старых» детей. Обо всем этом можно было бы написать целую книгу. Думаю, что тема достойна такого освещения.

Второй момент имел место в моей жизни и жизни моих товарищей-комсомольцев и молодежи летом 1942 г. Положение на фронтах еще было тревожным. Немцы рвались к Волге. Ожидались и активные действия под Москвой. Мы, рязанцы, еще жили воспоминаниями пережитого 1941 г., когда враг стоял у ворот нашего города, и хотя фронт откатился уже далеко, мы чувствовали себя еще жителями прифронтового города. И вот в этом городе, где, в основном, молодежь ушла защищать Родину с оружием в руках на фронты войны, а оставшиеся не жалея сил трудились, отдавая все для фронта, удалось провести футбольный матч. О чем можно было бы и не рассказывать, но он проводился для воинов-фронтовиков.

Дело было так. Шло лето 1942 г. Закончился учебный год в школах, который на этот раз был длиннее обычного. Это объяснялось тем, что многие ребята, особенно выпускных классов, отвлекались в течение года от учебы. Ребята, окончившие среднюю школу в 1942 г., призывались в ряды Красной Армии. Настала очередь пройти призывную комиссию и мне со своими товарищами-сверстниками, родившимися в 1924 г. После прохождения комиссии я был призван служить на флот. На руки нам дали справки, в которых говорилось, что мы отпущены до особого распоряжения. Паспорта у нас отобрали. Нам было известно, что это распоряжение поступит сразу, как только будут скомплектованы команды. Было собрано все необходимое в дальнюю дорогу. Осталось ждать...

Рязань в это время по своему облику сильно отличалась от довоенной. Было как-то неуютно. На улицах встречалось все меньше знакомых. Народ жил и боролся. Город как бы притих, напрягая все свои силы, для окончательной схватки с врагом. На заводах и фабриках делали все для фронта. Опустели некогда шумные стадионы. На многих из них были расположены позиции зенитных батарей, защищавших город от авиации противника.

Я, мой брат – Суляев Роман Матвеевич и многие товарищи Железнодорожного района до войны увлекались спортом. Мы играли во многие спортивные игры, по особенно любили футбол. Часто в свободное время нас можно было видеть на площадках и стадиона ДСО «Локомотив». Нас знали футболисты-железнодорожники, и старшие из нас, проявившие себя, приглашались играть в команды ДСО «Локомотив». Мы завидовали приглашенным и терпеливо ждали своего часа, совершенствуя свою игру. В то время никто из нас не предполагал, что мы сыграем свой самый замечательный футбольный матч в 1942 г.

Был август месяц. Однажды рано утром в дверь моего дома постучал мужчина в военной форме, и когда моя мама открыла дверь, он, поздоровавшись, попросил позвать меня. Мама выполнила его просьбу. Когда я вышел на крыльцо, где он меня поджидал, я сразу узнал его. Это был известный в Рязани футболист – вратарь команды «Спартак» Юрий Рытов. Я был рад этой встрече, ибо до войны нам мальчишкам было даже близко не подойти к столь популярному в Рязани футболисту. Теперь же он стоял рядом со мной и беседовал как с равным. Он сообщил мне, что почти все его товарищи призваны или ушли добровольно в ряды Красной Армии защищать свою Родину. Сам он находится в Дашках, где, как я полагаю, формировалась одна из воинских частей.

«Если бы ты посмотрел, – оказал он, – как устали товарищи. Многие были уже несколько раз ранены, многие потеряли родных и близких. Физически они отдыхают, но на душе у них очень тяжело. Вот было бы здорово организовать футбольный матч. В Дашках есть хорошее футбольное поле. Команду я соберу из служащих части. Многие играли до войны в футбол. Я уже говорил с ними.

Они с радостью и энтузиазмом встретили мое предложение. Так что одиннадцать человек наберу.

Устроить футбольный матч для служащих части меня просило и командование. Надо снять психическую нагрузку с бойцов. Я занялся организацией, но это оказалось не так просто. Футбольных команд в Рязани не оказалось, однако председатель ДСО «Локомотив» В.Н. Николаева порекомендовала мне обратиться к тебе. Она сказала, что ты можешь собрать команду и выступить в Дашках».

Мне показалось, что это действительно большое дело. Дать возможность усталым в боях воинам отключиться от войны, хотя бы на два часа, для этого стоит поработать. Я обещал Ю. Рытову дать ответ через два-три дня. Он в свою очередь обещал через три дня приехать ко мне.

Первое совещание мы провели с братом Романом, который также хорошо играл в футбол. Мы вместе на бумаге составили возможную футбольную команду, которая должна была под флагом «Локомотива» выступить в Дашках. Роман взял на себя обязанность сходить к кандидатам и переговорить с ними, а я отправился в этот же день к председателю ДСО «Локомотив» В.Н. Николаевой с целью оговорить все вопросы, связанные с проведением этого необыкновенного матча. Валентина Николаевна недавно еще была комсомолкой нашей первичной комсомольской организации 17-й железнодорожной средней школы. Мы хорошо знали друг друга и поэтому скоро обо всем договорились. Она выдала новую форму команде, хотя бутсы у некоторых были на один-два номера больше. За один день команда была сформирована и экипирована. В основном в команде были товарищи-призывники, с которыми я играл до войны. Несколько человек были моложе нас. Одним словом, получилась юношеская команда. Начали тренироваться.

Через три дня, как и договорились, приехал Рытов. Он был очень рад, что команда уже тренируется. Сообщил, что в части висят афиши. О предстоящем матче объявляют и по внутренней радиосети. Все с нетерпением ждут дня проведения. Договорились играть через три дня. Он очень просил не подвести, ибо теперь будет объявлено и о дате проведения матча. Начало матча предполагалось в 19 часов, а в 17 часов Рытов должен был приехать за нами. Всех нас охватило волнение. Удастся ли нам хорошо сыграть и действительно доставить радость фронтовикам. О себе могу сказать, что накануне игры плохо спал. В назначенное время, ровно в 17 часов к 17-й железнодорожной школе подъехал автобус с Юрием Рытовым. Вся команда была в оборе. Стоял тихий летний вечер.

Когда мы прибыли на стадион, расположенный на территории части, то были поражены. На стадионе играл военный духовой оркестр, и было очень много народа. Трудно назвать цифру, но стадион был переполнен. На мачтах реяли флаги спортивных клубов, поле было хорошо подготовлено. Думаю, что все это оформление – заслуга Юрия Рытова и его товарищей. Такая торжествен-

ность придала нам новые силы. Дали слово друг другу показать красивый интересный футбол.

Наконец, свисток судьи, приглашающий команды выйти на поле. На поле выходят мои товарищи: Анатолий Никишин, Лев Сёмин, мой брат Роман, Виктор Николаев, Анатолий Монахов, Валентин Зубарев, Сергей Суханов, Виктор Ушаков. Всех уже вспомнить не удалось. Игра была обоюдоострой и интересной. Болельщики шумно реагировали на события на поле. Незаметно прошли 90 минут. Матч закончился со счетом 1:0 в нашу пользу. Болельщики выбежали на поле и каждый по-своему благодарил нас.

После матча нас угостили солдатским ужином и на автобусе отвезли в Рязань. Возвращались все в приподнятом настроении. Обсуждали перипетии матча. Героем был Валентин Зубарев, забивший единственный мяч.

Прошло уже более 40 лет. За это время мало кого удалось увидеть из участников этого матча. Мало что и знаю о них. Но что знаю – поделюсь.

Мой брат – Суляев Роман Матвеевич стал профессором-физиком, был удостоен Ленинской премии за одну из научных работ. Сейчас проживает в п. Протвино Московской области и продолжает заниматься наукой в Институте физики высоких энергий АН СССР.

Валентин Зубарев на войне потерял ногу. Сейчас живет в Рязани. Был прокурором города. Живут и трудятся в Рязани Анатолий Никишин и Виктор Ушаков. Лев Сёмин посвятил свою жизнь военной службе. Вот, пожалуй, и все. Очень бы хотелось знать о судьбе Юрия Рытова и других моих товарищей.

Прошло много лет, однако я не забуду этого футбольного матча в тяжелом 1942 г. Я рассказал о нем и потому, что этот факт как-то характеризует характер нашего русского народа и мне невольно вспоминается футбольный матч, проведенный в Ленинграде в дни блокады. Узнав об этом немцы не находили себе места. Об этом много писала пресса. Конечно, эти два матча несравнимы, но у них есть что-то общее. И это общее, на мой взгляд, спокойствие русского народа перед лицом смертельной опасности и уверенности в окончательной победе над врагом, хотя до победы было еще очень далеко. Тогда я еще не знал, что мне предстоит защищать город Ленина и быть участником прорыва блокады Ленинграда, а позже видеть и некоторых участников футбольного матча в блокадном Ленинграде.

10 июля 1983 г.

ГАРО. Ф. Р-5624. Оп. 1. Д. 102. Л. 41–67 об.

Рукопись, автограф.

Публикации фрагментов:

Приокская правда. № 234. 21.10.1984. С. 3; № 244. 23.10.1984. С. 3.

Об участии комсомольцев и школьников в обороне Рязани

...К октябрю 1941 г. подавляющее большинство мужчин были уже призваны в армию. Обстановка стала такой, что даже руки школьников тянулись к оружию. С просьбой о досрочном призыве в армию обратился в военкомат и я, но, так как в то время мне было 16 лет и из-за плохого зрения мою просьбу не удовлетворили.

Тогда с просьбой о направлении меня по комсомольскому набору в военное училище я обратился к секретарю комсомольской организации нашей школы Суляеву Юрию. Он сказал мне, что горком комсомола дал ему задание подобрать несколько комсомольцев для выполнения заданий, связанных с обороной г. Рязани. Я согласился участвовать в выполнении этого задания.

В начале октября вместе с Суляевым Юрием и секретарем комсомольской организации школы № 16 Макаровым Николаем меня вызвали в горком комсомола. Там нас по одному вызывали к секретарю городского комитета ВЛКСМ Сироткину. У него в кабинете был также майор милиции Печнин и человек в гражданском, который не называл себя. Они просили подробно рассказать о себе, о близких родственниках, спрашивали о том, что мы можем делать, если фашисты подойдут к Рязани.

Потом нам сказали, что мы зачислены во 2-й истребительный батальон, командиром которого назначен майор милиции Печнин, а комиссаром секретарь ГК ВЛКСМ Сироткин.

Первоначально нас поздним вечером собрали в здании школы милиции на улице Красной Армии. Светомаскировка, темнота создавали впечатление, что ни на улице, ни в здании нет людей. Но когда мы вошли в здание школы, мы увидели, что там довольно много мужчин, которые в ожидании команды разместились на нарах, курили и тихо разговаривали между собой.

Ко мне подошел товарищ моего отца Анашкин Константин Петрович. Я знал, что он был одним из первых комсомольцев г. Рязани. В армию его не призывали из-за плохого состояния здоровья. Так как он меня хорошо знал и доверял, то он мне сказал, что нужно быть готовым ко всему, в том числе и к партизанским действиям в тылу.

Вскоре нас стали вызывать по списку, скомплектовали небольшой отряд, построили и строем привели в дом № 36 на Леволыбедской улице (после войны

в этом здании многие годы размещался областной институт усовершенствования учителей и облоно).

Помню состояние, которое мы испытали от резкого контраста. Абсолютная темнота и тишина на безлюдных улицах, а внутри здания, куда нас привели – яркий электрический свет, тепло. В большой комнате на втором этаже два пулемета, посреди комнаты ворох оружия, ящики с патронами. Почему-то это были бельгийские карабины с кинжальными штыками. Нам выдавали оружие, указали место в пирамиде, где оно должно было храниться, и стали учить обращению с ним. В непринужденной беседе продолжили знакомство с нами. Всего, о чем в то время шел разговор, уж не помню, в памяти осталось, что общий смысл этих бесед сводился к тому, что нужно готовиться к действиям в тылу противника. Впоследствии нас, учащихся железнодорожных школ № 16 и № 17, по указанию горкома комсомола мобилизовали в военно-восстановительную летучку связи <...>

В октябре 1941 г. фашистские полчища приближались к Москве, усилились налеты вражеской авиации, в результате чего стало часто нарушаться движение железнодорожных поездов. Для ликвидации последствий налетов вражеской авиации и обеспечения бесперебойной работы железной дороги, игравшей исключительно важную роль в снабжении войск, защищавших Москву боеприпасами, горючим, вооружением, при Рязанском отделении дороги была срочно сформирована военно-восстановительная колонна в составе военно-восстановительной летучки связи. Она была должна как можно быстрее восстанавливать разрушенную авиацией врага связь, прежде всего диспетчерскую, обеспечивающую движение железнодорожных составов. Штат летучки связи был невелик, шесть-восемь железнодорожников связистов и шесть добровольцев школьников, комсомольцев, направленных в летучку горкомом комсомола, паровоз, теплушка, платформа.

В 20-х числах октября 1941 г. после налета вражеской авиации наша летучка выехала для восстановления связи на станции Алпатьево. Быстро восстановила диспетчерскую связь, прошли первые железнодорожные составы.

К середине дня восстановление линии связи заканчивалось. В это время недалеко раздался взрыв бомб, в небо взметнулся столб огня и густого черного дыма, а из-за облаков вынырнул фашистский бомбардировщик, обстрелял из пулеметов нашу летучку. Мы двинулись в сторону Рязани, так как связь с городом вновь прекратилась. Через несколько минут наша летучка остановилась, так как путь преградил железнодорожный состав, целиком состоявший из цистерн с бензином (40–50 цистерн). В середине состава полыхал громадный костер, горели четыре цистерны с бензином, сброшенные взрывом бомб с железнодорожного полотна. В сторону Рязани был небольшой уклон, и горящий бензин разлился да кювету на 200–300 метров.

Бензин, вылившийся из исковерканных взрывом цистерн, выгорел быстро, и, хотя земля, обшивка тормозных площадок дымились, мы подошли к составу.

На тормозной площадке одной из цистерн горел человек, по-видимому, кондуктор, сопровождавший состав. Около горящего состава никого не было, только мы, 10–12 рабочих и школьников. Казалось, что сделать ничего нельзя, сгорит весь эшелон, так как языки пламя появились над загрузочными люками еще нескольких цистерн, а пожарный поезд не подходил, и всякое движение по железной дороге со стороны Москвы и со стороны Рязани вновь полностью остановилось.

В это время машинист ушел на ст. Алпатьево головную часть состава – 20–30 цистерн. Но 10–12 цистерн в хвосте состава он оттянуть в безопасное место не мог, так как перегнать паровоз в хвост состава было нельзя – оба пути были перекрыты искореженными раскалившимися докрасна железнодорожными цистернами. В сторону Рязани был небольшой уклон и мы стали откатывать цистерны по одной на руках. Откатив цистерну на руках метров на 200, мы, цепляясь за поручи трапа, к загрузочному люку передавали ведра с песком (основа железнодорожного полотна в то время была из песка) и сбивали пламя на загрузочных люках.

Мы понимали, что в любую минуту горящая цистерна может взорваться, поэтому работали не жалея сил. Таким образом, нам удалось спасти около 10 цистерн. Не заметили как стемнело, обессиленные повалились на сырую землю. По-прежнему со стороны Москвы и со стороны Рязани никакого движения не было, поэтому начальник летучки М. И. Кононов послал нас, Ю. Суляева, Н. Макарова, В. Дмитриева и меня, в Рыбное доложить о положении дел на перегоне.

Предельно уставшие в полной темноте мы двинулись по шпалам в Рыбное. Прошли километра два и натолкнулись еще на один железнодорожный состав, в котором также были разбиты прямым попаданием бомб несколько вагонов. В темноте слышались стоны раненых. Нужно было как можно быстрее доложить о положении дел руководству отделением дороги.

Поздней ночью, сильно уставшие, мы добрались до Рыбного, рассказали о положении дел на линии дежурному по станции. На перегон был направлен военно-восстановительный поезд. К утру движение на перегоне Алпатьево – Рыбное было восстановлено.

Эпизод на перегоне Алпатьево – Дивово это лишь один из примеров того, как приходилось работать рабочим в военно-восстановительной летучке связи. Можно с полным основанием утверждать, что оперативные действия небольшой по численности группы рабочих и комсомольцев-школьников обеспечивали бесперебойную работу железнодорожников Рязанского узла в период битвы под Москвой.

12 декабря 1983 г.

*ГАРО. Ф. Р-5624. Оп. 1. Д. 109. Л. 2–6.
Авторизованная машинопись, 2-й экземпляр.*

О военном времени в Рязани

...Войну я встретил четырнадцатилетним подростком, только что окончившим семь классов 17-й железнодорожной средней школы. Поначалу к чувству общей тревоги подмешивались патриотический оптимизм и ожидание быстрой победы над фашистами, но очень скоро стало ясно, какое тяжелое испытание выпало на долю нашего народа. Мои сверстники наряду со взрослыми буквально с первых дней войны были вовлечены в работу по оказанию помощи в общей борьбе с врагом. Мы участвовали в работах по расширению Рязанского аэродрома, рыли вокруг города противотанковые рвы и эскарпы, помогали колхозникам убирать урожай. Некоторые из моих одноклассников переменили свои планы и оставили школу. Так В. Соломатин начал работать на нефтебазе, Д. Голубева и Р. Куликова пошли учиться в железнодорожный техникум.

К осени некоторые семьи приняли решение об эвакуации. Когда начался первый военный учебный год, а начался он, естественно, с запозданием, состав класса сильно изменился. Многих не доставало, но появились и новые ученики – одни из параллельных классов, другие – приезжие из западных областей. Ряд учителей был призван в действующую армию. Ушли на фронт учитель физики Никитин и учитель рисования Чуков. В основном же преподавательский состав в школе сохранился. Его мужская половина состояла из сравнительно пожилых людей.

К середине октября посещаемость школы резко сократилась. Темпы эвакуации рязанцев нарастали. Многие старшеклассники-комсомольцы вступили в истребительный батальон. Мой старший брат был в то время секретарем комсомольской организации школы и одним из первых вступил в истребительный батальон.

К ноябрю месяцу перестал ходить в школу и я. Но какое-то организующее начало среди нас, школьников, существовало. Точные его формы я не помню. Однако мы дружно участвовали в создании оборонительных сооружений в городе. Строили баррикады, вкапывали крупные бревна в землю в виде надолбов. Работы были тяжелые. Земля к этому времени промерзла, и ее приходилось взрывать. Взрывали аммоналом, который мы называли «ломаналом», безобид-

ным на вид веществом, напоминающим мыло. Кое-кто приспособился использовать его для разжигания печей.

Рязань превращалась в прифронтовой город. Опустели улицы, часто обвьялись воздушные тревоги, били зенитки. В основном, немецкая авиация охотилась за воинскими эшелонами, бомбила их в пути и на промежуточных станциях. Помню, как однажды серия мощных взрывов сотрясла город. В некоторых домах вылетали даже стекла. Эти взрывы произошли на ст. Дивово, где под бомбежку попал эшелон с боеприпасами. Первый воздушный налет на Рязань был совершен в ночь на 5 ноября 1941 г. Бомбились районы советских и партийных учреждений, но больше всего жилые кварталы.

Наш отец, Матвей Иванович, с первых дней войны находился практически на казарменном положении. Он работал паровозным машинистом и водил грузовые поезда до станций Шилово, Сасово, иногда Рязьска. Работа у железнодорожников была исключительно напряженной. Дома мы его почти не видели. Изредка он забегал повидать нас и чуть-чуть отдохнуть. Ему редко удавалось как следует вымыться и выспаться. Ходил он весь черный от угольной пыли и смазки в просаленной одежде, небритый. Он, видимо, настолько уставал, что, забежав домой, порой, не раздеваясь и не умываясь, ложился на пол и засыпал. Но спать ему приходилось не подолгу. Снова стук в окно – это рассыльный: «Матвей Иванович, на выезд». Отец у нас был немногословным, редко рассказывал о своей работе. Зато мы всегда заранее знали, когда он возвращался из поездки. Он всегда делал гудок своего паровоза с особым тембром, по которому мы и распознавали, где находится его паровоз. Жили мы на улице Малое Шоссе неподалеку от железнодорожной станции Рязань-1, так что порой удавалось проследивать все маневры паровоза отца. Насколько я помню, отец ни разу не попадал со своими эшелонами под прямые бомбежки, хотя были случаи, когда немецкие самолеты гонялись за его составом.

Наша мать, Мария Михайловна, почти с первых дней войны пошла работать разнорабочей на завод сельскохозяйственных машин, где проработала вплоть до эвакуации завода.

Ноябрь 1941 г. был, пожалуй, самым тревожным месяцем для Рязани. Редко можно было встретить прохожих на улицах, участились воздушные тревоги. Чувствовалось приближение фронта. Нас тогда удивляло, что фронт близится, а регулярных частей армии в городе кроме подразделений противовоздушной обороны не видно. Нам казалось, и позже это подтвердилось, что немцы могут войти в город почти без сопротивления.

Мне запомнился эпизод, происшедший в 20-х числах ноября, когда среди ночи к дому подъехала разгоряченная пролетка. На ней прибыл наш дальний родственник С. М. Самулик вместе с одним из руководителей города Михайлова (фамилию не помню). Они были сильно возбуждены. Из их рассказа выяснилось, что Михайлов заняли немцы. Им самим удалось спастись лишь чудом.

В город уже вступили немецкие войска, когда наши ночные гости бросились на пролетку и помчались в сторону Рязани. Немцы заметили их и открыли огонь из минометов. Спас опыт С.М. Самулика, который в Первую мировую войну служил в артиллерии наводчиком. Он правильно сманивировал, и пролетка невредимой проскочила зону огня.

Вскоре после этого события мать, наша бабушка по линии матери, младшая сестра Рая и я эвакуировались из Рязани на ст. Шилово. Отец и брат остались в городе. Оба работали и были на казарменном положении. Мы рассчитывали, что если Рязань будет оставляться, то паровозы будут угоняться. Тогда брат сможет поехать с отцом, и мы объединимся все вместе по дороге для дальнейшего продвижения на восток. К счастью, этого не произошло. В Шилове мы пробыли всего две-три недели. До нас доходили сведения о крупных бомбежках Рязани, в частности железнодорожного узла. Мы очень переживали за своих близких, оставшихся в городе.

После начала нашего зимнего наступления под Москвой мы вернулись в Рязань. Возобновились занятия в школе. Вернулся в школу и мой брат. Так мы проучились до апреля 1942 г., я в 8-м классе, а брат в 10-м классе. Наверстать упущенное было тяжело, но учителя очень старались нормально привести нас к завершению учебного года. В апреле было принято решение о переводе всех учащихся старших классов 16-й и 17-й железнодорожных школ в железнодорожный техникум. Военная обстановка требовала заботы о квалифицированных кадрах путейцев и строителей для железной дороги. Подготовку решено было провести по сокращенной программе. Для десятиклассников программа рассчитывалась на два года, а для учащихся 8-х и 9-х классов – на два года и четыре месяца. Доучиться брату не удалось. В сентябре 1942 г. он был призван в армию и попал прямо со школьной скамьи в осажденный Кронштадт. В нашей семье поселилась постоянная тревога за его судьбу.

В первой половине 1943 г. были призваны в армию и наши товарищи 1925-го г. рождения. Среди них я помню Е. Лукьянова, А. Ладнева, В. Зубарева. Парней в техникуме осталось совсем немного. В нашей группе примерно из 30 человек парней было всего пятеро: Е. Антонов, А. Куликов, А. Матвеев, Б. Суконкин и я. Учебная программа была насыщена до предела. Учились мы без каникул. Много времени уделялось в техникуме военной подготовке. Вспоминается, что мы несли иногда даже круглосуточную караульную службу, вооруженные учебными винтовками с просверленной казенной частью. Мы прошли полный курс всеобщего военного обучения, научились владеть всеми видами стрелкового оружия, метать гранаты, рыть окопы, бороться с зажигательными бомбами и многому другому.

Отец по-прежнему много трудился, редко бывал дома. Работать приходилось все труднее, поскольку материальная часть техники изнашивалась, а новой не

поступало. Нарушился обычный цикл профилактических ремонтных работ. Теперь многие ремонтные и восстановительные работы легли на плечи паровозных бригад. Не хватало людей. Удивляюсь, как удавалось отцу при такой производственной нагрузке находить еще время для помощи семье. Умудрялся он и какими-то путями добывать понемногу продовольствия. Даже свой скудный поездной паек, состоящий из маленького куска хлеба и крохотного кусочка сахара, он приносил домой. Это было очень нужной поддержкой. В депо отец всегда был на хорошем счету и часто поощрялся. Можно было только позавидовать его преданности железнодорожному транспорту и поразительной добросовестности в работе.

Мать в 1942 г. включилась в активную общественную деятельность по оказанию помощи эвакуированным и, прежде всего, по оказанию помощи ленинградцам, эшелоны с которыми следовали через Рязань. Эвакуируемых ленинградцев 1942 г. я никогда не забуду. Картина была страшной. Впервые пришлось встретиться с людьми, потерявшими человеческий облик. На них лежал отпечаток тяжелейших перенесенных испытаний, но они не роптали на свою судьбу. Люди были измождены голодом и страданиями до предела, ходили буквально, как тени. Порой казалось, что они лишились общечеловеческой морали. Но вместе с тем в них ощущалась не столько покорность судьбе, сколько необыкновенная твердость. В этот период мать работала и днем, и ночью. Мы с сестрой помогали ей, как могли. В дальнейшем во время войны мать работала комендантом общежития ремесленного училища, располагавшегося на территории шпалопропиточного завода, а затем в артели, производившей вязанные шерстяные изделия.

В 1944 г. мы, призывники 1926 г. рождения, готовились вслед за своими старшими товарищами пойти в армию. Однако, к этому времени вышло постановление, предоставившее отсрочку от призыва многим категориям специалистов. Попали под это постановление и мы, учащиеся техникума, готовившиеся к выпуску. Техникум, как и школу, я вспоминаю с большой теплотой. Это были учебные заведения высокого класса, славившиеся, прежде всего, прекрасным подбором преподавателей. В школе это были: В. А. Воршев, П. А. Глушин, С. В. Капралов, К. В. Капралова, Е. Я. Малкин, П. Мезенцев, М. В. Никитина, В. С. Розанова, Т. Ф. Толоконникова, А. Г. Яркин и др. В техникуме – И. А. Богатырев, Д. М. Буркун, Иванов, Макаров, А. Н. Стаханов, Стрельников, Н. Г. Сухоруков, Усыскин, Шевлягин и др. Все они не были случайными людьми в учебном заведении. Обучение молодежи для них было жизненным призванием. О них можно было бы многое рассказать, но это выходит за рамки этих заметок.

Техникум я окончил осенью 1944 г. и был направлен на работу в Рязанскую 4-ю дистанцию пути. Работал я в дистанции сначала техником в техническом отделе, а затем инженером по техническому обучению кадров. Вовлекался и в непосредственно производственную деятельность во время авральных

работ. Приходилось участвовать в организации расчистки железнодорожных путей от снежных заносов, и довольно часто привлекался к инспекции путей перед проходом так называемых литерных эшелонов. Рабочий день, как правило, длился 11 часов, но работать приходилось значительно больше. Состояние железнодорожного пути в то время было критическим. В пути лежало не только много дефектных рельсов, но и значительное количество остродефектных, которые создавали реальную угрозу аварии и по нормам технической эксплуатации должны незамедлительно заменяться. Изворачивались изо всех сил, но справиться полностью с аварийными очагами пути нам не удавалось все военное время. Новые рельсы не поступали. Так и шли эшелоны на грани риска, а ответственные работники службы пути находились в постоянной тревоге. К счастью, крупных аварий по вине путейцев на дистанции не было <...>

14 августа 1983 г.

*ГАРО. Ф. Р-5624. Оп. 1. Д. 107. Л. 4–8.
Авторизованная машинопись, 1-й экземпляр.*

Рязанская санитарная дружина городского комитета Красного Креста в годы войны

...В 1937 г. состав сандружин Красного Креста был пересмотрен и по путевкам комсомола вновь укомплектован. Было решение горкома комсомола выделить комсомольцев и передовую молодежь в состав сандружин из комсомольской организации кожзавода, облзо, пищеторга, швейной фабрики № 1, типографии, фабрики «Победа Октября», госбанка. Секретари комсомольских организаций чувствовали большую ответственность за выполнение решений комитета комсомола и сами следили за явкой комсомольцев на занятия. Комсомольцы с большим желанием взялись за учебу, которую проводили военные врачи: хирург Рубинский, Малютин, Гудошников. Историю Красного Креста, работу Красного Креста преподавали председатель обкома Красного Креста П. М. Полуэктов и зам. обкома Зайцева.

Дисциплина в дружине была хорошая. Занятия строились так, чтобы было интересно сандружинницам. Все они приходили после работы, учитывая это, занятия строились теоретические и тут же практические. Практические занятия включали полевые тактические учения, которые проводил ОСОАВИАХИМ. Программа учебная была досрочно закончена, и весь состав был аттестован, и дружине был присвоен союзный номер президиума СОКК и КП. После было прислано полностью обмундирование и оснащение. Состав сандружины стал готовить отряд для выполнения любых заданий и поручений.

Занятия продолжались, проводились тренировочные и тактические учения совместно с ОСОАВИАХИМом. Кроме того, сандружинницы учились стрелять, и к концу 1938 г. они имели значок «Ворошиловский стрелок», многие имели звания снайпера, связиста, радиста, прошли подготовку на инструкторов ГСО, БГСО, значок ГТО, ПВХО. Члены сандружины активно участвовали в красно-крестьянской работе: проводили заседания комитетов Красного Креста, помогали по сбору членских взносов, организовывали на объектах лекции, беседы, кружки по ГСО и активно участвовали в оздоровительных мероприятиях в г. Рязани, прове-

ряли санитарное состояние улиц, дворов, ясли, детдома, магазины, помогали престарелым, огораживая их от обид, обеспечивая их топливом и, если болели, окружали заботой и вниманием. Активно участвовали в санитарных рейдах как в городе Рязани, так и в сельской местности, несли дежурства на пляжах, на стрельбищах, обслуживали медпомощью походы, физкультурные соревнования, массовые мероприятия, вели работу в инфекционных очагах по заданию врачей поликлиники. Для работников здравоохранения сандружинницы были хорошими помощниками в оздоровительных и профилактических мероприятиях.

По месту работы члены дружин возглавляли руководство первичными организациями Красного Креста или являлись представителями первичных комитетов Красного Креста, начальниками санитарных постов, оказывая первую помощь, обрабатывали микротравмы, вели борьбу с травматизмом на производстве, следили за санитарным состоянием объекта и организовывали рабочих и служащих для прослушивания лекций врачей.

Сандружинницы Вера Михайловна Ольховникова, Мария Михайловна Рыжкова, Сергеева, Мария Михайловна Дёмина вели подготовку на ГСО и БГСО среди школьников и взрослого населения. С 1938 по 1941 г. подготовлено школьников на ГСО – БГСО – 3275, взрослого населения – 1805 человек, обработано 3129 микротравм на производствах, в походах, на дежурствах, в строительных отрядах.

Весь состав сандружин участвовал во всех мероприятиях, проводимых по линии Красного Креста г. Рязани, за что не раз мы награждались грамотами и ценными подарками и получали много благодарностей. В 1938 г. из сандружинниц была создана агитбригада и был организован лыжный пробег в сельскую местность по выборам Верховного Совета. Личный состав сандружины всегда участвовал в областных, союзных соревнованиях и почти всегда занимал первые места.

Многие сандружинницы принимали активное участие в проведении занятий с призывным составом, что не раз освещала областная печать, готовили и резерв для кадровой сандружины. Организации Красного Креста и санитарные дружины действовали на предприятиях и в организациях. Так, образцово работала организация Красного Креста завода «Рязсельмаш» под командованием врача здравпункта завода Лапицкого, созданная в 1936 г. В 1934 г. была создана сандружина Красного Креста железнодорожной станции Рязань-І. С 1937 г. ее возглавила Борисова Надежда Африкановна. Дружина проводила санитарные рейды по железнодорожным объектам, санитарные дни. По инициативе дружинниц для машинистов-стахановцев были организованы горячие обеды по приезду и отъезде. Подшефный объект этой дружины был самым большим по количеству рабочих.

В 1939 г. по инициативе комсомолок швейной артели им. Н.К. Крупской (позже объединение «Рязанские узоры») была организована объектовая сани-

тарная дружина. Ее командиром стала председатель артели Земская Татьяна Петровна. Учебную программу преподавали медсестра здравпункта Взметнева Анна Осиповна, командир кадровой сандружины С.И. Шишкова-Солоха и работник городского штаба МПВО Лазарев. Состав этой сандружины активно принимал участие во всех мероприятиях с кадровым составом сандружины и являлся ее резервом.

Высоким патриотическим подъемом ответили рязанские сандружинницы на призыв Советского правительства встать на защиту Родины во время финской войны в 1939 г. Добровольно ушли на фронт сандружинницы из сандружин г. Сасова, Скопина, из рязанской кадровой сандружины Мария Мягкова, Екатерина Минаева, Ольга Андриянова, Анна Смирнова, из объектовой сандружины артели им. Н.К. Крупской Т. Андриянова, Анна Королева, Евдокия Зрелкина, Анна Кулешова и другие. По линии военкомата была мобилизована командир сандружины С.И. Шишкова-Солоха. Война быстро закончилась, и все они вернулись благополучно с хорошими отзывами от врачей и командования.

В 1941 г., в апреле месяце, я была вызвана в военный отдел в обком комсомола, где меня спросил зав. военным отделом, сколько будет сандружинниц к концу года, как готовы сандружинницы, если будет война? Я уверила, что с честью оправдают звание сандружинниц Красного Креста. Уходя из обкома, я подумала – какая война, кому она нужна, но потом это все рассеялось и забылось...

Нападение на нашу Родину немецких фашистов застало нас, сандружинниц, на тактических учениях вместе с объектовой дружиной им. Н.К. Крупской. Ночью проводили учения, а днем нас всех построили, и перед строем председатель обкома Красного Креста П.А. Полуэктов объявил нам о войне. После объявления о войне весь состав дружинниц сделал шаг вперед с заявлением отправить их на фронт. Я, как командир, стояла впереди строя и стояла на месте, зная, что я состою на воинском учете, и мне не миновать мобилизации. Знала и то, что санитарные дружины – это тыловая армия, и их готовили для местной противовоздушной обороны. Но если проявляется патриотизм, отказать нельзя, значит, мне, как командиру, придется убеждать сандружинниц, что они пока нужны в Рязани. Но я довольна была их желанием – мой труд и воспитание сандружинниц дали результат. Преданность своей Родине у сандружинниц была в крови.

В первые дни войны в Рязани многие добровольно ушли на фронт: девушки, молодые женщины, мужчины. Военкоматы вынуждены были открыть дополнительный призывной пункт. На один пункт я ходила по поручению военкомата. Это было в здании ремесленного училища № 1 на ул. Полевой. Многие добровольцы, получив мобилизационный лист, подходили к речке Лебедь, кто умывался, кто руки мыл, кто деньги бросал, кто носовые платки – как бы прощались с Рязанью, чему я была свидетельницей.

В июле 1941 г. начались атаки вражеской авиации на Рязань. Сандружинницам приходилось оказывать помощь во время налетов, и они работали не жалея жизни. Первый налет был на станцию Рыбное, куда сандружинницам выезжать не пришлось – обошлось без жертв. 30 июля 1941 г. был первый налет на Рязань. Я, как командир, явилась в обком Красного Креста со связным Волковой Татьяной Васильевной, поручила ей собрать по цепочке сандружинниц. Все быстро собрались, и мы поехали на санмашине к очагу – к мосту над железной дорогой по ул. 1 Мая, где граничит Железнодорожный район с Советским. Мост был основной целью немецкой авиации в Рязани. Но бомбы не попали в цель – в мост, попали в военную мастерскую, где в настоящее время художественный музей, и в дома около моста. Жертв не было, но от зажигательных бомб был сильный пожар, сгорели дома около моста. Конечно, целью было разрушение моста, но к счастью, он уцелел. Сандружинницы самоотверженно работали по ликвидации очага. Среди населения паники не было, и многие помогали сандружинницам.

Налеты часто стали повторяться, очагов стало все больше и больше: на ул. 1-го Мая, на Садовой, на ул. Ленина. Были и жертвы. Особенно много жертв было, когда вражеская авиация совершила налет на вокзал Рязань-I, где сандружинницы не только оказывали помощь, но и собирали остатки тел погибших. Запомнился страшный случай, когда вражеские самолеты сбросили бомбу в бомбоубежище, где находились дети, куда их вывели из детсада, и все они погибли. Это было на молочном рынке. В 1941 г. так же вражеский самолет сбросил бомбу в детсад, который находился около педагогического института, где без жертв не обошлось.

Самый сильный и массовый налет вражеской авиации был 5 и 6 ноября 1941 г. Авиация врага предприняла два налета в районе завода «Сельмаш» и ликероводочного завода. Видимо, целью врага была разрушить эти два объекта, но это не удалось. Бомбами были разрушены дома на соседних улицах К. Маркса, «дома Ухтомского» по ул. Красной Армии, Пожалостина, Кудрявцева. Много было пострадавших, много погибло. Тогда сандружинницы двое суток оказывали помощь раненым и отвозили пострадавших, кого в больницы, кого в морг. Работа в очаге кончилась к утру.

После ликвидации последствий бомбежки 25 сандружинниц были взяты на казарменное положение при штабах МПВО № 1 и № 2. Разместили их в клубе «Красное Знамя» по ул. Красной Армии. Находясь на казарменном положении, сандружинницы также участвовали в ликвидации последствий налетов вражеской авиации не только в Рязани, но и в области, следили за светомаскировкой.

Перед приходом 10-й армии для освобождения г. Михайлова, сандружинницам было поручено провести санитарную разведку по улицам Михайловке, Ситниковской, в Мервино и Дашках. Возглавляла это Вера Николаевна Иванова. Был проведен рейд, и сандружинницы побывали в каждом доме, семье, выявили больных и срочно эвакуировали в больницы.

Накануне наступления 10-й армии, надо было узнать численность вражеских войск в Михайлове и где находится резерв противника. Выполнение этого задания добровольно взяла на себя комсомолка фабрики «Победа Октября» сандружинница Волкова. Она была заброшена в тыл врага и через три дня принесла ценные сведения для начала наступления на Михайлов. Во время боев за Михайлов сандружинницы помогали медработникам воинских частей оказывать помощь раненым воинам, возили раненых с поля боя в рязанские эвакогоспитали. В госпиталях они помогали медработникам проводить подготовку к приему раненых, разгружали сантранспорт с прибывшими, а после обработки грузили тяжелораненых в санпоезда для отправки в глубокий тыл (к погрузке раненых сандружинниц привлекали до 1945 г.), они дежурили у тяжелораненых воинов. Все сандружинницы являлись экстренными донорами, давая кровь прямым переливанием, спасая жизнь советским воинам и находили время выступать перед ранеными бойцами с художественной самодеятельностью. Организаторами самодеятельности были командиры отделений В. М. Ольховникова, В. Дуанова, М. Рыжкова.

В период войны личному составу сандружин пришлось много работать с эвакуированным населением. Здесь были литовцы, латыши, русские, татары и др. со всех тех мест, где проходили бои. Эвакуированным производили санобработку, организовывали питание, оказывали доврачебную медицинскую помощь. Сандружина тщательно проверяла все вагоны, каждого эвакуированного. Были такие, кто по пути в Рязань умирал, и их с работниками милиции переносили в отведенные подвалы. На станции Рязань больных переносили в приемный покой, а потом отвозили в рязанские больницы.

Командир санитарной дружины при железнодорожной станции Рязань-I Н. А. Борисова была мобилизована в эвакогоспиталь № 1040, который располагался в здании гостиницы «Первомайская». Данный госпиталь предназначался для офицерского состава. С командиром в госпиталь добровольно ушел весь состав сандружины станции Рязань-I ухаживать за ранеными на общественных началах. В госпитале Н. А. Борисову очень уважали раненые воины и называли ее мамой.

В 1941 г. добровольно ушли на фронт сандружинницы Е. С. Полывянь, Т. М. Блоховец, Е. Колупаева, О. В. Трубникова, Смирнова, Елезарова, Зункова, В. Любимова, М. Г. Куминская, О. Андриянова. Остальные были предупреждены, чтобы из Рязани не отлучались. Позже ушли добровольно на фронт: А. Е. Прокофьева, Т. В. Волкова, М. М. Дёмина, Рыжкова Мария, Минаева Екатерина, Громова Зина, Леошина Екатерина, Голубина, Прокофьева и другие. Те, кто остался, привлекались к погрузке и разгрузке раненых. Ни одна сандружинница не вернулась без правительственных наград: Е. Колупаева награждена Орденом Красного Знамени – она вынесла с поля 866 раненых; тов.

Волкова – Орденом Красной Звезды, Легошина тремя орденами. Т.М. Блоховец была в партизанском отряде. Многие награждены медалями.

3 августа 1941 г. мне пришла повестка из горвоенкомата: срочно явиться. В нашей семье эта повестка была восьмая по счету. Повестку получил мой отец, и когда я пришла с работы, он мне ее вручил и сказал: «Как я раньше не подумал и разрешил тебе учиться на медсестру, ты наша надежда на старость, с фронта никто не вернется из нашей семьи».

Утром я была в горвоенкомате у старшего лейтенанта Орешникова, он меня направил в Рязанский госпиталь. И сказал: «Война, в воинской части опасно – могут убить. Я уйду на фронт. Ты оборонный работник, нужна в Рязани».

Мне, как и всем, хотелось на фронт. Я об этом просила лейтенанта, в чем мне было отказано. Я была мобилизована в эвакуогоспиталь № 2829, расположенный в Рязани. Госпиталь только развертывался, помещался он в здании по ул. Ленина, дом № 35, где в то время была редакция газеты «Сталинское знамя» (теперь – «Приокская Правда»). Сначала, я была палатной сестрой.

Раненых в Рязань прибывало все больше и больше, и госпиталь разделили на два. Меня направили в госпиталь № 2986, который размещался на ул. Свободы в доме № 57, и назначили старшей медсестрой 5-го отделения. Отделение находилось на втором этаже в задних комнатах, где я должна была развернуть отделение на 115 коек. Койки быстро расставили, для командиров, офицеров была выделена отдельная палата.

После меня вызвал начальник госпиталя и дал указания: набить матрацы и подушки соломой, все получить и доложить. Простыни, наволочки, одеяла – все было получено, но за соломой я дала указание не ходить. Сама срочно отправилась в артель имени Н.К. Крупской (ныне фабрика «Рязанские узоры») к секретарю председателю Т.И. Земской с просьбой помочь мне создать уют для раненых. Она была волевая женщина, любила общественную работу, сразу повела меня в цеха к работницам, где мне пришлось объяснить, что я должна раненых положить на соломенные подушки!

Земская собрала членов правления артели Соколову, Карназееву, Зайцеву и комсомол. Когда они собрались, заверили меня: «Мы не позволим класть раненых на солому!» Они предложили мне идти в госпиталь и ждать их представителя.

Как работницы сумели, но на другой день утром во двор госпиталя въехали три автомашины, нагруженные до верха – были привезены 230 перовых подушек... На четвертой машине были люди; наверху нагруженной машины сидели три женщины: у одной в руке баян, у другой – патефон, у третьей гитара. Я сразу узнала Земскую, она была очень заметна своим богатырским ростом и полнотой.

Из артели имени Крупской я обратилась в артель «Трикотаж», председателем которой был товарищ Пустынкин, за ватой для матрацев, которую мне привезли с избытком и так же скоро.

Быстро разгрузили машины и через два часа все палаты отделения были оборудованы. На каждой кровати было по две пуховых подушки, матрацы были набиты ватой, которую доставили в артель рабочие текстильно-трикотажной артели. На заседании было решено взять шефство над моим отделением. С этого момента над нашим отделением шефствовали три артели – артель имени Н.К. Крупской, артель имени Красной Армии и Трикотажная артель.

Привезли расшитые подзоры, накидки на подушки, спинки на кровати, салфетки на тумбочки, скатерти, дорожки, ковры, на окна бархатные шторы; особенно для офицерской палаты, которую убрали так красиво и шикарно. Нельзя было не любоваться палатами. Я была очень благодарна работникам артели, тронули они меня до слез.

Одну палату подшефно взяли работницы бывшей артели им. Красной Армии. Оборудовали ее ночью, везде бархатом, когда осталось мне оборудовать комнату отдыха, я обратилась в облисполком. Пришли три представителя, осмотрели комнату, спросили, что нужно, скоро комната была оборудована, действительно, так, что каждый раненый отдохнет и получит развлечение, в ней было все, вплоть до бильярда.

Не хватало посуды. За помощью я обратилась в детский сад «Светлячок» (находился он на улице Свободы около туберкулезного диспансера, и сейчас он работает, но называется по-другому).

Библиотеку быстро собрали: приносили книги с Электролампового завода (Завод электроприборов), сотрудники учреждений, пионеры, домохозяйки, жены офицеров.

И вот комиссия под председательством военного врача Яковлева Михаила Васильевича пришла принимать госпиталь. Когда комиссия вошла в мое отделение, и я дала по военному рапорт, Яковлев забыл мне дать команду «Вольно», до того он был удивлен тем, что увидел. Его поправил городской военный комиссар Гусев, сказав: «Дай команду старшей медсестре, она ведь стоит в стойку смирно». Ну, а потом мне посыпался ряд вопросов ужасающихся, где взяла все оборудование. Уходя, комиссия объявила благодарность. Через день стали поступать раненые, двое суток персоналу не пришлось отдохнуть.

Рязанские сандружинницы привозили советских воинов, их надо было перемотать, перевязать, парикмахер их стриг. Некоторых после обработки перевозили в другие города. За всем нужно было смотреть, все проверять. Ухаживать за ранеными нам помогало все население Рязани.

В помощь медицинскому персоналу для ухода за ранеными приходили девушки и женщины для дежурства (без приглашения); у некоторых из них были семьи, и они работали на заводах, фабриках и в учреждениях; они не считались со временем и не жалели своего здоровья, а считали за честь побыть у раненых и не только в отделении, в котором я работала.

Нашли себе дело в госпитале пионеры и школьники: читали присланные воинам письма, писали ответы под диктовку, читали газеты, художественную литературу. Они помогали в питании раненых – подавали завтрак, обед и ужин. Раненые воины очень любили пионеров, и это было взаимно.

Над каждым госпиталем были свои шефы с производства или учреждения, которые организовывали уход за слабыми больными, привозили подарки. Раненым не давали скучать, направляли художественную самодеятельность.

До сего времени я сохраняю светлую память об одном работнике милиции. Это был гуманный поступок с его стороны. В мой госпиталь № 2986 поступило много раненых с довольно большой потерей крови. Как всегда раненые сначала проходили санобработку: их стригли, брили, мыли, стригли ногти тем, кто подлежал по здоровью, некоторых только мыли и сразу в перевязочную. Все шло хорошо, после обработки, перевязки раненые быстро засыпали. Мне не пришлось спать всю ночь, так было неспокойно на душе, да ведь и жертвы войны потрясли, и я лишилась сна.

Утром очень рано мое внимание привлек один раненый, у него лицо было не жизненное, когда проверила пульс – плохого наполнения, а в семь часов утра он стал терять много крови, так как у него был открытый перелом на обеих ногах. Пока его взяли в операционную, он потерял сознание, мне сразу было ясно, нужна ему кровь. Брать у персонала – они еще были не проверены на группу крови, у меня – третья группа.

Я выбежала на улицу, видимо, вид у меня был сильно тревожным, меня окликнул работник милиции, который проходил мимо госпиталя: «Чего сестричка, что случилось?» Я от волнения могла только сказать: «Кровь нужна, умирает солдат!» Работник милиции взял меня под руку и вместе со мной пошел к раненому. Кровь переливали прямым переливанием. По окончании, работник милиции, пока переодевался, только спросил, будет ли жив воин, и обещая звонить по утрам. Ушел, не называя свое имя и фамилию, а когда его об этом спросили, он ответил: «Это не обязательно. Это мой долг».

К вечеру раненый почувствовал себя лучше, на другое утро покушал легкий завтрак. Работник милиции два раза звонил, справлялся о состоянии раненого; убедившись, что боец действительно спасен – больше не звонил этот патриот, скромный, глубоко сознательный человек, о котором так мы и ничего и не узнали.

В Рязани было много госпиталей, и везде рязанцы были в госпиталях, помогали, а это была очень большая необходимая помощь. Рязанцы приносили раненым подарки – овощи, фрукты... Все это нельзя забыть! Удивительно, когда рязанцы отдыхали, как успевали справляться с делами дома! Население города Рязани ковало победу в тылу, чем только могли: трудом, сдачей крови для раненых, жили одной целью – победить врага.

Солидарность была во всем, нигде никто не ссорился, друг с другом делились, чем только могли. Ну, а если в семью приходила похоронка, каждый старался успокоить.

Большая гуманная работа была по линии Красного Креста, материальная помощь нуждающимся. Приходили вещи, особенно из Америки через Красный Крест, которые раздавались нуждающимся, особенно, детям.

Прошло два месяца моей работы в госпитале, когда меня вызвал начальник спецчасти облздравотдела Иванников и сказал, что меня мобилизовали без согласования с ним, и что я нужна для работы по гражданской обороне в Рязани. Я плакала и кричала, убеждала, что мне неудобно, ибо многие сандружинницы в армии, а я, их командир, и в тылу. Он был неумолим. Не знаю, для лести, или так, он заявил мне, что я инициативна, организационная, способна и должна помогать фронту в тылу, и обязал идти на станцию переливания крови и развернуть работу: «Будешь кровь давать фронту. Рязанцы тебя знают; в скором времени потребуется много крови. Учить тебя излишне, сама подумай».

Семь дней я отказывалась бросать свой госпиталь, но потом решила – нужно, так нужно. Так облздравотдел отправил меня на станцию переливания крови и посадил на бронь.

На станцию переливания крови я пришла с направлением в ноябре 1941 г. Заведующим был врач В. Г. Раух. Коллектив был небольшой, кровь брал у доноров врач С. А. Карпов, потом пришла врач Т. В. Либусь, потом уже врач И. Н. Чернышова (ныне Кишкина). Раух встретил мой приход с большим удовольствием, назначил заведовать донорским отделом и дал полное право самостоятельно проводить работу на мое усмотрение.

Кровь брали через день по 50 человек, разной группы. Сначала для больных и раненых Рязани. Вскоре я была вызвана в облздравотдел к Иванникову, который обязал давать доноров по 50 человек каждый день. Это легко было. Но скоро пришел приказ снабжать кровью западный фронт, доноров надо давать 70 человек каждый день.

Был составлен план, и я пошла к рязанцам, проводить беседы. Я была на каждом производстве, в каждом цехе, смене, даже в ночных сменах, работавших с 12 часов ночи – мне был выписан ночной пропуск. Ходила в каждую смену и в каждый цех. Я побывала на предприятиях: «Сельмаш», завод САМ, кожзавод, Приборный, Электроламповый, фабрика «Победа Октября», швейные фабрики № 1, № 2, обувные артели, артель им. Н. К. Крупской, «Текстиль-трикотаж», артель им. Красной Армии, ремонтный завод и во всех областных, районных и городских учреждениях, в органах, в милиции и в школе милиции. Я проводила беседы, рассказывала, разъясняла о необходимости сдачи крови для спасения раненых, о последствиях сдачи крови для организма. Много пришлось потрудиться, но почему-то усталости не чувствовала, а была в каком-то азарте.

Врач Раух очень мною был доволен и удивлялся моей инициативе и энергии. Время было тяжелое, но, несмотря на это, где бы я ни проводила беседы, я ни разу не слышала отказа или вопросов о вреде сдачи крови для организма. Я только слышала: «Когда можно прийти? Возьмите у меня завтра. Запишите меня первой». Такой был настрой у рязанцев: ковать победу в тылу, спасать воинов своей кровью. Они шли и шли на сдачу... А при заборе крови доноры так и заявляли: «Берите сколько нужно!»

Свою кровь сдавали все, кому по состоянию здоровья можно было сдавать: работники органов внутренних дел, рабочие и служащие. Патриотизм этот нельзя позабыть. Люди работали иногда по две смены, заменяли больных, а иногда надо было выполнить работу срочно.

Помню, была телеграмма о том, что прилетит самолет за кровью. Надо было срочно готовить. Я обратилась с просьбой на фабрику «Победа Октября». Рабочие ночной смены остались на работу в утреннюю смену, заменив тех, кто пришел к нам для сдачи крови. Так и жили рязанцы под лозунгом «Все для фронта, все для победы над врагом!»

Все мы, персонал станции, также были донорами, донорами был медперсонал больницы им. Семашко, психбольницы и других медицинских учреждений. Сама станция была в здании против больницы им. Семашко, на первом этаже, а на втором располагалось хирургическое отделение.

Пришедшие на сдачу крови перед сдачей пили чай, а после получали обед из трех блюд, позже вдобавок стали давать хлебные карточки на 500 грамм и талоны на некоторые продукты, которые получали в специальном магазине. Все это я должна была контролировать и следить за порядком.

На всех работников станции переливания была наложена бронь от призыва, что меня печалило, – я же мечтала пойти на фронт.

Когда меня назначили секретарем комсомольской организации больницы им. Семашко работы у меня прибавилось. То выделять комсомольцев на заготовку дров в леса, то стали прибывать ленинградцы, полумертвые от голода... Первое время после долгого голодания их нельзя было кормить досыта, и мне приходилось находиться при них, в палатах, и следить, чтобы объем выдаваемой им пищи увеличивался постепенно, до тех пор, пока опасность не миновала.

Много ленинградцев было снято с поезда уже мертвыми... Их похоронили в общей могиле у Скорбященской церкви. У многих остались родственники, дети, они лежали в больнице им. Семашко. Приходилось скрывать, молчать о смерти их родных, а это было до глубины души тяжело. Уложено было с ленинградцами – мои комсомольцы направились по заданиям по заготовке дров, сама выехала с ними. И сколько я ни работала, усталости не чувствовала, только все сильнее и сильнее было желание идти на фронт – извещения-похоронок все приходили в нашу семью.

Я настояла на том, чтобы передать свои полномочия по руководству комсомольской организацией, работа по вовлечению населения в ряды доноров была проведена успешно, и совесть меня не мучила, я решила перейти на другую работу, чтобы снять себя бронь, но об этом догадался врач Раух. Он настоял, чтобы я немного задержалась, так как скоро он также уйдет с руководства станцией переливания крови.

Начальник спецчастью облздравотдела умер, но до того успел порекомендовать меня обкому КПСС для направления в колхоз в помощь по организации уборки урожая.

И вот я приехала в Данков. Сдала свою командировку в райком КПСС и пошла смотреть город. Вдруг ко мне подходит патруль и забирает меня в комендатуру – я показалась подозрительной. Смутила их моя одежда: шляпа, перчатки, костюм и белые волосы. В Рязани таких нет, было мне заявлено, а документов у меня никаких не было. Комендант был того же мнения, но созвонился с райкомом, и только тогда меня отпустили.

Из райкома меня направили в колхоз им. Кирова в двух километрах от города, другую комсомолку – в другой колхоз, но он был в одной деревне с моим. Деревня была очень большая. В колхозе были почти одни женщины, дети, девушек было мало, мужчин всего четыре человека. Косить рожь, скирдовать некому, а урожай был хороший. Между тем немец уже подошел к селу Чернава. Я решила искать рабочую силу в личном составе воинской части. Взяла лошадь и поехала в лес, который находился неподалеку. На въезде в лес меня остановил патруль. Я объяснила, кто я такая и что я жена офицера и просила командование помочь мне. Сигналом патруль вызвал ко мне офицера, потом вышли командиры. Мою просьбу прислать солдат они охотно приняли.

К вечеру в село пришли 200 солдат с офицерами. За пять дней скопили рожь, пшеницу и заскирдовали. Днем работали, а вечером было веселье. Женщины, к которым я разместила солдат, веселились, угощали солдат, проявляли о них заботу. Настал день, когда солдаты покидали село. Провожали их все, желали боевых успехов, и давали подарки: теплые носки, платки носовые, свитера своей вязки. Это было трогательно и еще так мучительно на душе: смотрели мы на них, и, кажется, каждая из нас думала, кто из них останется живым, а ведь у каждого есть мать, отец, может и жена, и дети, но настроение у солдат было хорошее, и каждый из них рвался на фронт. Так и говорили, скорее бы опять на фронт, уже месяц отдыхаем. Близкие они нам всем казались и дорогие.

После ухода солдат на другой день они не работали. Председатель и я, как уполномоченный, не настаивали на выходе на работу – главное было сделано и быстро. В каждой семье был кто-то на фронте, и уход солдат отразился на настроении – напомнил каждому свое горе, в том числе и мне. Было тоскливо: где мои братья, где муж, и вернуться ли они...

Скоро я уехала домой с желанием уйти на фронт.

Как-то я шла по ул. Ленина, это было в 1942 г. – ко мне подошла женщина средних лет, просто одета, и заявила мне: «Что, командир, сандружинниц отправила на фронт, а сама здесь гуляешь, какая нарядная и в ус не дуешь? Не вернется моя дочь – прокляну тебя! Как командир, зачем долбила им о каком-то долге перед Родиной? И в тылу можно свой долг выполнять, вот я работаю, первый огурчик в госпиталь отнесла, как и все, у кого растут яблоки тоже, вишни почти все снесла, вот как! А дочь есть дочь, а если погибнет, что тогда?»

Я окаменела от этого упрека, не могла даже спросить, как ее фамилия, узнать, чья это мать. Могла только сказать, что не погибнет дочка, вернется! Женщина побежала вперед, стала против меня, устремила на меня свои пронзительные глаза, помолчала и потом сказала: «Дай бог, чтобы твои слова сбылись!», и отошла. Я понимала материнское горе, но чем ей я могла помочь? В душе только подумала, не дай бог, если дочь не вернется, война есть война, но не все же гибнут. Упрек этот мне залег в душу. И я решила, надо мне идти в армию.

Да и дома все похоронки шли, к концу 1943 г. от мужа перестали приходить письма. Не зная, что такое война, что такое фронт, думала, может, с мужем встречусь, его увижу, что-нибудь узнаю о братьях.

Мне пришлось идти в райвоенкомат к Мухину просить об отправке в армию. Такого согласия он не давал, но потом было требование из Смоленского округа, он меня туда и направил. Я так обрадовалась, что не взяла расчет в детской поликлинике и уехала...

1977 г.

ГАРО. Ф. Р-5594. Оп. 1. Д. 139. Л. 3–86.

Рукопись, автограф.

Авторизованная машинопись, 2-й экземпляр.

Рязанская городская станция переливания крови в годы войны

На станцию переливания крови меня привел, можно сказать мобилизовал, облздравотдел. До этого я работала помощником эпидемиолога в горсанинспекции. Работа мне нравилась, попутно я училась в вечерней школе, мечтала поступить в вуз. Страшная война, начавшаяся в 1941 г., разрушила все мои планы. Пришлось все отложить и сосредоточить все духовные и физические силы для победы над проклятыми фашистами.

Я пришла на станцию переливания крови в августе 1941 г. В то время штат станции был небольшой. Работали мы еще для потребностей мирного времени. Руководил станцией Владимир Георгиевич Раух. Его помощницей и исполнительницей, то есть его «правой рукой», была Серафима Николаевна Шемякина, которая в совершенстве знала работу станции. Она числилась лаборантом, но вникала во все звенья работы и, если была необходимость, заменяла врача в операционной. У нее в основном я училась работе. У меня было стремление как можно больше узнать и все полученные знания вкладывать в беспредельный, самоотверженный труд.

В те годы, наверное, все так работали. Такая была обстановка в стране. Голодные, в холоде, без выходных, и дни, и ночи. В больнице им. Семашко, где размещалась наша станция, в 7-м корпусе было и хирургическое отделение. Когда после очередного налета стервятников прибывало много раненых, сотрудники станции помогали своим соседям оказывать первую помощь пострадавшим.

В конце 1941 – начале 1942 г. нам дали здание бывшего 2-го роддома. Начали его переоборудовать для нужд станции, так как к тому времени от нас требовали кровь для фронта. Развернулась большая агитационная работа по вербовке доноров. Вот где ценились ораторские данные Серафимы Ивановны Солохи. Но люди в то суровое время были очень сознательные. Они понимали, что кровь, пролитая на фронте, нуждалась в пополнении из тыла, чтобы не иссякла сила наших доблестных воинов. Люди шли к нам. Брали ежедневно до 50 литров крови и ежедневно отправляли на фронт. К тому времени штат наш

увеличился в 4–5 раз. Были свои экспедиторы, которые доставляли кровь на передовую линию фронта и в госпитали г. Рязани.

Я работала вначале операционной сестрой, затем старшей операционной сестрой, в функции которой входило обеспечить всем необходимым операционный блок – это и подготовка посуды (которая, к слову сказать, была очень низкого качества, во время стерилизации многие флаконы лопались, резина склеивалась), готовила растворы, следила за обработкой операционных, их было четыре, (мыли мылом, карболкой). Расстановка персонала тоже входила в мои обязанности. Все это для меня было ново, сложно. Училась по ходу дела, но видимо, все получалось как надо. Выговоров не было. Болела за все душой. Работала не по-казенному. Да и весь персонал, насколько я помню, работал слаженно, дружно. Нытиков не было. Все знали, что кровь необходима нашим ребятам – раненым для их скорейшего выздоровления.

К нам на станцию приходило много писем с благодарностью донорам за спасенные жизни. Почти все наши сотрудники тоже были донорами. Все чувствовали себя мобилизованными и не прекращали работы даже при воздушной тревоге, когда фашисты сбрасывали бомбы на город.

Трудностей в работе было очень много. Мы еще не знали тогда о резус-факторе и многое другое, что известно теперь.

Руководителем нашего дружного коллектива в это время был Лев Павлович Бухин – очень тактичный и умный человек.

В операционных работали хирурги Карпов Сергей Артемович, Николаева-Кишкина Ирина Николаевна, Либусь Татьяна Владимировна и еще одна – фамилию забыла – украиночка. Операционные сестры Соболева Зоя, Дронова Женья, Губина Валя, Тусова Мотя и многие другие.

Лаборантки, санитарки, регистраторы, фамилии которых, к сожалению, я забыла.

Остались в памяти наши вечера, когда мы собирались отметить очередную победу на фронте. На стол выкладывали, у кого что было, не часто, конечно, но от чистого сердца. И песни пели, и мечтали о белом хлебе и жаждали скорой победы над врагом...

4 ноября 1980 г.

*ГАРО. Ф. Р-5594. Оп. 1. Д. 256. Л. 1–4.
Рукопись, автограф.*

Работа хирургического отделения городской больницы им. Семашко в годы войны

Первый месяц войны я находился в больнице им. Семашко на врачебной практике после окончания четвертого курса 2-го Московского медицинского института им. Сталина. Практику закончил, август продолжали заниматься в Москве, а затем мужчин выпустили без экзаменов врачами и направили на призывной пункт. Там меня освободили до особого распоряжения с разрешением выезда домой.

3 сентября 1941 г. я пришел к главному врачу С.И. Виноградову. Он сказал: «Хочешь быть хирургом? Там всех врачей взяли в армию, один Раух остался». Так я стал хирургом. В последующем главными врачами были Егоров, Л.П. Бухин. В октябре на всю больницу оставалось три-четыре врача. Хирургическое отделение размещалось в корпусе напротив больницы Семашко, потом занимало второй этаж 2-го корпуса и, наконец, 7-й корпус.

Первым и самым главным моим учителем был Владимир Георгиевич Раух, заведующий хирургическим отделением, Заслуженный врач РСФСР. Относился он ко мне очень хорошо, можно сказать, по-отцовски. Его заботливое повседневное внимание и условия работы быстро сделали из меня хирурга. За два года я сделал 830 операций, а за четыре – 1474.

Владимир Георгиевич был большим хирургом, веселым доброжелательным человеком. На операциях всегда напевал «Наш уголок я убрала цветами» или «Плыви, мой челн, по воле волн». Любимым словом его было «сакроментиссимум» (говорил, что не переводится).

Коллектив хирургического отделения работал напряженно и самоотверженно, всегда был готов к приему больных и раненых. Длительное время отделение в 120 коек обслуживалось двумя врачами Владимиром Георгиевичем и мной. Вначале войны был С.А. Карпов, в 1944 г. начали работать Н.Ф. Заболотский, И.Н. Троицкий и В.И. Пономарёва. В самое трагическое время на непродолжительное время Владимир Георгиевич эвакуировался.

В течение нескольких месяцев мы с Владимиром Георгиевичем были на казарменном положении – не выходили из больницы, затем работали, не считаясь со временем и без выходных. Я по молодости дежурил по трое – четверо суток подряд, потом сутки дежурил Владимир Георгиевич, потом снова заступал я.

Во время вражеских налетов сутками стояли у операционного стола. Владимир Георгиевич не покинул своего поста даже тогда, когда у него убило во время налета племянницу. Объем работы в отделении был очень большой. И это несмотря на тяжелые условия, когда не хватало персонала, перевязочного материала, медикаментов, бумаги (истории болезни и амбулаторные карты писались на листах, вырванных из книг), питания (в больничной столовой мы с удовольствием ели супы из зеленой капусты или чечевицы). Жизнь в больнице была ключом: работал штаб МПВО, все были донорами, выпускалась стенгазета, я был редактором, проводились занятия со студентами фельдшерско-акушерской школы, в последние годы войны возобновились научные и патолого-анатомические конференции. В частности, я делал доклад о язвенной болезни желудка и двенадцатиперстной кишки на материале хирургического отделения за пять лет (1939–1943).

Были у нас и упущения: одно время скопилось много незаполненных историй болезни, все получили взыскания.

В декабре 1941 г. мы с С. А. Карповым работали в Михайловском госпитале, послали нас в помощь местным врачам. В разное время я помогал в госпиталях города, размещенных в 1-й школе и пединституте, работал в военных комиссиях.

В 25-ю годовщину рождения комсомола мне была оказана честь рассказать по радио, что делает молодежь отделения для победы над врагом. В связи с этим вспоминается такой казус. Жена включила репродуктор и приготовилась слушать, так как в комнате было прохладно, легла, под одеялом утрелась и уснула...

Мы постоянно испытывали внимание партийных и советских органов. Я, например, получил от обкома партии ордера на покупку костюма, калош...

18 сентября 1976 г.

ГАРО. Ф. Р-5594. Д. 129. Л. 1–3.

Рукопись, автограф.

Воспоминания о работе в рязанских госпиталях

...Шло начало лета 1941 г. Я работала в это время в Рязанском областном краеведческом музее вторым сотрудником в отделе природы. Заведующей была Бозина Елизавета Дмитриевна. Мы проводили с ней проверку собраний этого отдела.

Близился мой отпуск, и к 20 июня у меня на руках уже была путевка в подмосковный дом отдыха. Не суждено было этому состояться.

Утром 22 июня мой сосед по квартире, тоже сотрудник музея Колесников Михаил Митрофанович встревоженно сообщил мне, что только что объявили по радио о вторжении немецких полчищ в пределы Советского Союза... Началась Великая Отечественная война Советского Союза против фашистской Германии – началась священная борьба народов России за освобождение своей Отчизны.

Это тягостное известие сразу ошеломило и придавило, как гнетом.

Ни о каком отпуске и отдыхе не приходилось и думать.

Жизнь в городе сразу изменилась. Стало больше военных, по улицам проходили закрытые военные машины, у репродукторов молча стояли группы горожан, сосредоточенно слушая сообщения Совинформбюро...

В начале июля через дирекцию музея нам объявили, что наш профсоюз политпросветработников совместно с профсоюзом средних школ организует краткосрочные курсы медицинских сестер военного времени. Причем, прием на эти курсы возрастом не ограничен.

От краеведческого музея на эти курсы пошло двое Газова Галя (массовик) и я. Занятия начались в 20-х числах июля 1941 г. Занятия шли по вечерам после работы: часов с 6 вечера, заканчивались поздно – в 10–11 часов вечера. Вначале проходили они главным образом в школе № 5 по ул. Ленина.

Записались на эти курсы и посещали их до 40–50 человеку вначале, потом большинство отсеклось.

Через свой профсоюз мы получили учебник для медицинских сестер в двух томах, составленный М.С. Ихтейман.

Главным руководителем и начальником курсов была тов. Рыбакова. Преподавателями были врачи города Рязани и, возможно, из вновь организованных госпиталей.

Это были люди сведущие, опытные которые давали нам, хотя и в очень сжатой форме, хорошие знания. К сожалению, в памяти не сохранились фамилии этих врачей, помню только доктора Троицкого (работник Облздрави) и молодого врача Скворцова.

Мы проходили внутренние и инфекционные болезни, хирургию, анатомию, организацию медсанслужбы, ПВО и ряд других предметов, необходимых по лечению и уходу за больными и ранеными.

С конца ноября мы начали ходить на практику в больницу им. Семашко. Были в хирургическом отделении у доктора Рауха и в терапевтическом у доктора Кистерской.

На время теоретические занятия были прекращены, так как организаторы курсов со своими предприятиями и учреждениями эвакуировались из города, а большинство наших педагогов-врачей были мобилизованы и выехали к фронту.

Мы, курсантки, хотя и значительно отсеившиеся по количеству, продолжали ходить на практику. Многое дала нам практика в перевязочной хирургического отделения в нижнем этаже больницы, руководила нами и допускала к перевязкам опытная пожилая фельдшерица по имени, кажется, Мария Александровна.

В этот период немцы рвались к Москве, приближались к Рязани. Утром идешь в больницу к Рюминской роще и слышно приглушенные раскаты орудейных выстрелов – это гитлеровцы бомбили город Михайлов.

Начались бомбежки под Рязанью и в самой Рязани. В больницу прибывали с тяжелыми ранениями люди из разбитых железнодорожных эшелонов с эвакуированными, взрослые и дети, женщины с грудными детьми.

Вспоминается одна мать с раздробленным бедром, которая своим телом прикрыла грудного ребенка и тем спасла его от смерти. Вспоминается и женщина, которая умирая от тяжелого ранения, бессознательно твердила одно слово: «Пить, пить!», но когда ей подносили питье, она не обращала на него внимания и только смотрела куда-то вдаль и монотонно твердила: «Пить, пить!» И многие, многие другие вспоминаются с тяжелыми ранениями и невероятными мучениями...

В нашем городе были сброшены бомбы на Пролетарской улице, на Молочном рынке, на углу улицы Горького и других местах. И опять везли в больницу искалеченных людей.

В декабре немцы стали откатываться от Рязани и от Москвы. Организаторы курсов вернулись в Рязань, и у нас вновь начались теоретические занятия, но состав преподавателей изменился, так как первые наши врачи выехали из Рязани.

Занятия проходили иногда в Театре юного зрителя, который помещался тогда на ул. Ленина в одном здании с библиотекой им. Горького (угол ул. Ленина и Свободы). Занимались в нетопленном зале на сцене среди кулис. Желание скорее стать в ряды медицинских работников и непосредственно приносить пользу воинам воодушевляло и помогало переносить трудности времени.

В феврале 1942 г. мы сдали экзамены. Среди экзаменующих была и врач Кистерская. Наша группа окончивших составляла уже не более 10–12 человек. Помимо меня окончили Михайлова Лидия Гавриловна (преподавательница математики в средней школе), Шевлягина и др., фамилий которых не помню. Всем окончившим курсы были выданы свидетельства на звание медсестер запаса.

По окончании курсов я стала на учет в Рязанском горвоенкомате и вскоре была направлена на работу в эвакогоспиталь № 2400, в котором (по повестке Рязгорвоенкомата от 9 марта 1942 г.) с 10 марта 1942 г. была назначена на должность медицинской сестры I-го отделения.

Госпиталь размещался по ул. Свободы, в том здании, где в настоящее время помещается Облсельхозуправление. До революции здесь был пансион I-й мужской гимназии. К зданию примыкает городской парк и летний театр.

Госпиталь формировался на Украине, а затем был переведен в Рязань. Почти весь персонал состоял из украинцев. Только два врача (женщины), несколько медсестер и штат санитарок и работников кухни были местные рязанские.

Начальником эвакогоспиталя был военврач I ранга тов. Циммерман. Военкомом госпиталя – старший политрук Семитенко. Фамилий врачей, за исключением одного – Мародяна – я не помню. Одна из врачей женщина была уже в летах, была опытным терапевтом.

В штате госпиталя была одна массажистка – Голдабёноква Анна Васильевна, в канцелярии госпиталя работала Иванова Ольга Глебовна – обе жительницы Рязани.

Мы, медсестры, были военнообязанными. Нам было выдано военное обмундирование: шинель, шапка-ушанка, пилотка, защитного цвета гимнастерка и юбка, поясной ремень, бутсы; для работы в палатах – белые халаты и косынки. Получали трехразовое питание.

Медсестры, старшие медсестры и операционные, приехавшие в Рязань с госпиталем с Украины, жили при госпитале и находились на казарменном положении, в город выходили только по специальным увольнительным.

Ставился вопрос о том, чтобы медсестер, живущих в городе, тоже поставить на казарменное положение, но это мероприятие не было осуществлено. Видимо, положение на фронте не потребовало экстренных мер. Из медсестер запомнилась фамилия только одной – Власовой.

Работа палатной медсестры трудная, многосторонняя и ответственная: надо наблюдать за состоянием больного (раненого), заказывать в госпитальной ап-

теке лекарства по назначению врача, раздавать лекарства и наблюдать за правильным их приемом, делать перевязки, уколы, дежурить в палатах, следить за раздачей питания раненым, участвовать в приемке и первичной санобработке прибывающих раненых с фронта и ряд других необходимых мероприятий.

По сигналу воздушной тревоги (в 1942 г. такие тревоги летом случались неоднократно), если медсестра не находилась на дежурстве, а была дома, надо было спешить в госпиталь для перевода ходячих раненых в убежища в парке. Тяжелобольных оставляли в нижнем этаже и никуда не переводили на это время. Здание госпиталя было старинное, сводчатое и являлось более или менее надежным.

Медсестры в палатах дежурили по 12 часов подряд – одно дежурство дневное, другое ночное, чередовавшиеся регулярно. Рабочий день ежедневно был наполнен серьезной и срочной работой. Усталость была такой, что засыпала я крепко и сразу, как только голова касалась подушки. Сон был настолько крепок, что я просила соседей по квартире будить меня в случае объявления воздушной тревоги, так как иначе я могла бы опоздать в госпиталь.

Вскоре были установлены для нас занятия строем. Для этого приходилось приходить в госпиталь до начала дневного дежурства, ранее 8 часов утра. Трудно это было для нас. Занимался с нами старшина – молодой, тихий паренек, также, кажется, прибывший в Рязань с госпиталем. Усталые и не выспавшиеся мы занимались неаккуратно, часто отдыхали. Командование госпиталя узнало об этом, и бедного нашего старшину посадили под арест, не помню, на сколько суток. Но все-таки, в результате, эти строевые занятия были отменены.

Все мы были донорами и в установленные сроки ходили в больницу им. Семашко на станцию переливания крови для сдачи крови. Нас, медработников госпиталей, принимали вне очереди.

Много беспокойства доставлял нам соседний парк. По вечерам там бывало гулянье, играла музыка. Некоторые из более крепких по здоровью раненых стремились отправиться на гулянье, что, конечно, не полагалось. Посылались в парк санитарки и еще кто-то, чтобы вернуть их по местам.

Питание для раненых было разнообразным и качественным. Наиболее тяжелым и обессиленным стол готовился по их желанию и заказу. Много раненых прошло через наши руки, и каждому хотелось помочь лучше.

Трудно иногда бывало в ночное дежурство: вдруг один-другой из раненых начинает волноваться – давит повязка или гипс, надо сменить бинтовку или подрезать гипс и ослабить давление, третий не может заснуть и т.п. И вот начинается волнение по всей палате, каждого что-то беспокоит.

Тут нельзя терять самообладания. Если можно и действительно нужно, надо промокшую повязку подбинтовать, давящий гипс подрезать, тем, кто не может заснуть, дать что-нибудь успокоительное, хотя бы и несколько капель, или,

вообще, успокоить словами. И постепенно спокойствие воцаряется во всей палате. Бывали случаи, подойдешь с каплями к только что волновавшемуся раненому, смотришь, а он сладко спит. Даже одно обещание принять какие-то меры для облегчения боли успокаивает лучше всяких снадобий.

Здесь, в госпитале, можно увидеть и ясно представить, какое непоправимое зло приносит война, как калечит, уродует человека, отнимая у него всякую возможность полноценно жить и работать.

Припоминаю, в одной из палат солдата казах Мамедова. Он сильно обморозил себе и руки и ноги. В конце концов, ему пришлось ампутировать обе ноги до колен, иначе могла быть гангрена, и отнять по несколько пальцев рук!

Когда привозили его на специальной тележке в перевязочную или при обходе врача-женщины, делавшей ему операцию, как он цеплялся за нас медсестер и со страхом отмахивался от врача, которая отходила дальше, чтобы не волновать его.

Бедный Мамедов! Что случилось с ним? Вскоре его эвакуировали дальше в тыл. Жив ли он? Если остался живым, то смог ли потом как-то устроить свою жизнь, работать? Жил спокойно, трудился, а пришла война, беспощадная, страшная, и сломала его жизнь, как и многих других...

Только очень тяжелораненные лежали в нашем госпитале дольше, но как правило, всех через несколько дней отправляли дальше в тыл. Поэтому состав раненых постоянно менялся, и проследить за улучшением или ухудшением в состоянии больного не представлялось возможным.

Практика медицинской работы военного времени показала, что во многих случаях необходимо лечение массажем, а состава массажисток не было.

Поэтому в Рязани были организованы в эвакогоспитале № 3013 практические занятия по массажу. В течение июня 1942 г. я проходила в индивидуальном порядке эти занятия. Затем, в конце месяца там же были проведены групповые занятия по массажу (теория и практика), которые я тоже прошла. Руководила этими занятиями опытная с дипломом массажистка эвакогоспиталя № 3013 Тархова Валентина Фроловна.

В эвакогоспитале № 3013 в неврологическом отделении существовал кабинет массажа, в который дополнительно нужны были массажистки. Выбор командования остановился на мне. 26 августа 1942 г. состоялся мой перевод в этот госпиталь на должность массажистки в кабинет массажа при неврологическом отделении госпиталя.

Массажисток было мало, и нас ценили, так как в госпитальной работе при комплексном лечении применение массажа было необходимо и давало хорошие результаты.

Эвакогоспиталь № 3013 помещался на углу ул. Ленина и Свердлова, где когда-то была I мужская гимназия. В настоящее время здесь находится сельскохозяйственный институт.

Здесь были кабинет командования эвакогоспиталя, канцелярия, материальная часть, зал для совещаний и художественных выступлений, кухня, палаты для раненых и больных.

Неврологическое отделение находилось на ул. Полонского в здании общежития Рязанского пединститута.

Здесь были кабинеты: физкультурный, массажа, кабинет зав. отделением, материальные склады и палаты для больных неврологического отделения. Кабинет физиотерапии был в здании на ул. Ленина.

Начальником эвакогоспиталя № 3013 был майор медицинской службы Крылов Николай Петрович. В послевоенное время он работал в г. Москве в одном из руководящих медицинских учреждений.

Начальником финчасти был тов. Демидов, зав. медицинской частью был Виноградов Порфирий Александрович, зав. неврологическим отделением – Дейч Мария Ивановна, врач. В настоящее время она главный врач больницы в Гороще. В этом же отделении врачом была Павлова Лидия.

Главной массажисткой в нашем кабинете была Тархова Валентина Фроловна, кроме нее две помощницы Верочка Аношкина (?) и я. Вскоре Вера была переведена палатной сестрой, и в дальнейшем мы работали вдвоем. Из работников госпиталя припоминаю следующих: старшая сестра неврологического отделения Посаженикова Евдокия Макаровна, медсестра Комарова Лидия Дмитриевна (теперь старшая сестра в перевязочной кожной поликлиники в Рязани), медсестры физиотерапевтического отделения Спорыхина Софья Степановна, Сторожева Александра Михайловна (в настоящее время – старший научный сотрудник и зам. директора Госархива в г. Рязани); медсестры физкультурного кабинета Антонова Нина, Смирнова Соня, Умнова Валя и ряд других.

К ноябрю 1942 г. начальником госпиталя был назначен Суслович Борис Рафаилович, который в послевоенное время работал по своей специальности зав. туберкулезным отделением больницы в г. Рязани. Н.П. Крылов был назначен начальником физиотерапевтического отделения госпиталя.

В нашем отделении лежали раненые и больные с радикулитами, ишиасами, с парезами лица, поражением двигательных нервов верхних и нижних конечностей и т.п.

Нагрузка по кабинету массажа была с превышением нормы. Работали с 9 часов утра до 5–6 часов вечера, пока не принимали весь контингент назначенных на лечение.

Периодически бывали совещания и конференции с докладами врачей и медсестер на медицинские темы, а также по международному положению.

Работали дружно, и хорошие отношения среди нас оставались и после окончания войны, остаются и до сих пор.

Из окончивших вместе со мною курсы медсестер преподавательница математики Михайлова Лидия Гавриловна, некоторое время работала палатной медсестрой неврологического отделения эвакогоспиталя № 3013.

На лечение в кабинет массажа направлялись иногда и те из военных, которые после ранения были оставлены на работе в тылу – в Рязани.

В те военные годы часто бывали перебои с электроосвещением в городе. Так, рассказывали, случилось в Пехотном училище. Комендант города или начальник училища звонит по телефону заведующему электростанцией тов. Беляеву и просит его незамедлительно дать свет Пехотному училищу, где готовится боевое пополнение командного состава для тыла и фронта. Беляев отказывает. Командование училища настаивает. Беляев категорически отказывает. Разговор окончен... Но через некоторое время к Беляеву приходят один или двое военных из комендатуры с приказом ему явиться в комендатуру для отбывания ареста за неподчинение приказу военных властей в военное время. Беляеву пришлось беспрекословно подчиниться и отбыть положенный арест. В дальнейшем в Пехотном училище никогда не было перебоев с электроосвещением!

К лежащим больным для массажа мы ходили по палатам. Обычно это делалось во второй половине дня, когда основная масса больных уже прошла по кабинету.

В одной из палат лежал молодой солдат, у которого было что-то сложное: ишиалгия, радикулит и рубцевавшееся уже ранение. Он всегда охотно говорил о родном доме, семье, о тяготах войны. Ко мне относился с доверием. Но вот однажды он с какой-то таинственностью и волнением сообщил мне, что его здесь в госпитале хотят отравить! Я старалась его разубедить в таком странном подозрении, но безуспешно. На следующий день он был еще возбужденнее и говорил еще более нелепые вещи. Мы сообщили о его состоянии врачу. В палате тоже заметили его странное поведение. Больше не пришлось делать ему массаж – он был отправлен в психиатрическую лечебницу.

Был раненый, также очень молодой человек, который говорил с большим заиканием. Вследствие контузии он на некоторое время вообще лишился дара речи, и только теперь речь стала постепенно к нему возвращаться.

Лечился у нас один солдат из крестьян Рязанского района, у которого также от контузии тряслась голова, плохо владел руками. К нему в госпиталь на свидание приезжала жена с сынишкой лет 9–10. Сынишка сначала не узнал отца и испугался. Потом привык к отцу и только часто спрашивал: «Папа, а зачем ты трясешь головой?»

Много людей прошло с перекосом лица. Обычно паралич (парез) лица наступал сразу: лягут на ночь в нормальном состоянии, а на утро – перекос лица в сторону, искажен рот, глаз. Массаж приносил видимую пользу.

Вспоминая всех, прошедших через наши руки, вновь и вновь думаешь о том, что война – жестокое, бесчеловечное деяние.

В эвакогоспитале № 3013 была хорошо поставлена художественная самодеятельность, проходившая в зале, где была устроена сцена.

Был слаженный хор из медицинского персонала и работников канцелярии и материальной части. Пелись созданные во время войны песни о грусти Васьки-Василёчка, «Прощай, любимый город» и др. Были декламаторы, танцоры, свои концерансье (например, служащий материальной части Петров и др.)

Помню такую сценку: раздвигается занавес, на сцену выходит один из концерансье и объявляет, что будет поставлено. Не успевает он договорить, как появляется второй концерансье – Петров, одетый в форму пожарника. Отстраняя первого, Петров говорит, что публика может расходиться, так как выступлений не будет...

В публике, а помимо обслуживающего персонала госпиталя присутствуют и раненые, волнение. Пытается сказать что-то первый концерансье, но «пожарник» – Петров – категорически заявляет, что выступлений не будет, и пусть все расходится, так как первый концерансье нарушил противопожарные правила – вышел с горящей папироской на сцену! Тут только все замечают злополучную горящую папиросу между пальцев первого! Общий смех и аплодисменты, и вечер самодеятельности начинается.

Очень хорошо было исполнение танца (пляски) двух «матрешек». Его исполняли медсестры Сторожева Саша и Смирнова Соня.

Вышли на сцену две русские «матрешки» в русских сарафанах, с платочками на головах, двигаясь как деревянные куклы на расслабленных шарнирах. Потом, под такт музыки завертелись, заплясали все живее, живее... Пляска была исполнена темпераментно, блестяще. Под конец темп снижается и «матрешки» постепенно вновь превращаются в деревянных кукол и, обессилев, топорно валятся на сиденье – танец окончен!

Веселый скетч ставился о том, как две девушки (одна медсестра, другая, кажется, связистка), переписываясь с фронтовиками, назначают свидание своим заочным друзьям, прибывающим на побывку в тот же город, где находятся девушки. И та и другая сталкиваются у одной и той же скамьи в городском парке, мешают друг другу, ссорятся... Затем, чтобы доказать свои права на свидание в этом месте, показывают друг другу письма своих фронтовиков, и все разъясняется! Обе девушки носят фамилии с короткими окончаниями, по которым нельзя узнать, мужского или женского пола адресат, по коротким письмам тоже нельзя было понять, кто пишет – девушка или молодой человек. Недоразумение разъясняется – девушки писали друг другу! Обе становятся друзьями.

Бывали выступления и артистов Рязанского областного драматического театра, в том числе, выступала известная в Рязани артистка Романычева, читавшая в госпитале стихи на патриотические темы.

По расписанию, по очереди мы дежурили в канцелярии госпиталя у телефона. Дежурство назначалось с вечера до утра. По телефону давались какие-ни-

будь справки по деловым вопросам госпиталя, о проверке светомаскировки, справки о больных и раненых и др.

В одно из таких дежурств, в ночь с 30 на 31 января 1943 г. поздно ночью я услышала по радио сообщение о разгроме немцев под Сталинградом и сдаче в плен генерал-фельдмаршала Паулюса с его штабом и оставшимися полками. Эта победа была новым поворотным пунктом в деле изгнания фашистских полчищ из пределов нашей Родины.

К концу 1943 г. стало известно, что наш госпиталь скоро двинется ближе к фронту – на запад. В госпитале раненых почти не оставалось, они были направлены в другие тыловые города и госпитали.

Большая часть медперсонала, по преимуществу молодежь, в конце июля выехали с госпиталем на запад. Люди старшего возраста остались в Рязани.

Массажистки В. Ф. Тархова и я перешли во вновь организованную областную больницу восстановительной хирургии инвалидов Отечественной войны, помещавшуюся на Советской площади в четырехэтажном здании, где сейчас находится школа № 4 Советского района. С 5 августа 1943 г. мы начали работать здесь в кабинете массажа.

Главным врачом больницы был врач Постников Александр Никитич – один из старейших врачей г. Рязани.

Из прежнего состава эвакогоспиталя № 3013 перешли на работу в больницу восстановительной хирургии следующие лица: старшая сестра Посаженикова Евдокия Макаровна (теперь работает на медпункте сельхозинститута в Рязани), старшая медсестра Комарова Лидия Дмитриевна (теперь работает в перевязочной кожного отделения больницы в г. Рязани), старшая медсестра Гаврилова Ольга Михайловна, медсестра Фортунатова Маруся.

Врачи в больнице были новые, а именно зав. физиотерапевтическим отделением Елизавета Михайловна (фамилию не помню) – в конце 1943 г. она уехала из Рязани, так как ее отыскал муж, с начала войны бывший на фронте (тогда они потеряли друг друга из виду); Макшинова Анастасия Петровна в настоящее время заслуженный врач РСФСР работает в больнице им. Семашко в неврологическом отделении; Яковлев Александр Степанович – врач, работает в больнице им. Семашко; Сысоева Ольга Алексеевна – врач, работает в больницах № 8, врачи Алексеева, Братчикова, врач Вера Николаевна (фамилию не помню), работает в г. Николаеве и др.

Вскоре главным врачом больницы был назначен хирург Дубовик Николай Николаевич, а А. Н. Постников перешел на работу по специальности в больницу кожных заболеваний.

Нам массажисткам приходилось работать при большой нагрузке: в кабинете массажа мы принимали не только больных больницы, но и приходящих по назначению врачей амбулатории при нашей больнице. Контингент больных

был постоянным, результаты лечения были налицо. Не было того тревожного настроения, как в первые два года войны.

В больнице так же бывали очередные дежурства в конторе у телефона с вечера до 8 часов утра. Время от времени дежурные проходили по палатам, наблюдали, все ли в порядке, проверялась светомаскировка и т.п.

В нижнем этаже больницы были перевязочная и физиотерапевтический кабинет, где проводился прием приходящих больных из числа военных – участников Великой Отечественной войны.

К весне 1944 г. меня перевели сюда на амбулаторный прием по массажу. Поскольку тут же было светолечение (кварц, соллюкс, лампа инфракрасная, аппараты УВЧ и диатермии), я практически освоила и эту специальность.

Небольшой наш коллектив амбулатории был очень дружным и спаянным, в любом деле шли друг другу на помощь.

В амбулатории работали старшая медсестра Мария Николаевна (фамилию не помню) впоследствии она работала в перевязочной хирургического отделения в поликлинике на ул. Полонского; медсестры Конколева Соня, Симакова Валя, и одна медсестра по светолечению от спецполиклиники (фамилию не помню).

По вечерам в нашем кабинете принимались больные спецполиклиники, у которой тогда не было своего помещения. Главным врачом этой поликлиники был врач Фрадкин.

Для лечения в наш физиотерапевтический кабинет направлялись больные из нашей больницы восстановительной хирургии и из спецполиклиники на дневные часы.

Перевязочная спецполиклиники работала в вечерние часы приема доктора Фрадкина и обслуживалась своим персоналом.

Световые процедуры и, если было назначено, массаж больные спецполиклиники принимали у нас в дневные часы.

Периодически устраивались конференции, на которых медсестры выступали с докладами по специальности с демонстрацией больных. Ежедневно по утрам бывали краткие медицинские совещания, так называемые пятиминутки.

Мы, служащие больницы восстановительной хирургии считались вольнонаемными. За плату, которая вычиталась из зарплаты, получали трехразовое питание, которое с весны 1944 г. было заменено получением небольшого пайка.

Из молодежи был организован хор. Еженедельно они собирались и разучивали хоровые песни. Был организован танцевальный кружок, для руководства которым была приглашена опытная энтузиастка своего дела преподавательница Дрейлинг-Лихтанская Александра Владиславовна.

Муж ее известный рязанский врач (по уху, горлу и носу) Дрейлинг Павел Павлович в определенные дни посещал нашу больницу для консультаций и назначения лечения по своей специальности.

Наступил 1945 г. Полчища фашистской Германии были отогнаны далеко на запад, бои шли уже на территории врага. Ясней и ясней становилось, что скоро конец войне, конец нечеловеческим страданиям народов...

Наконец, в ночь с 8 на 9 мая 1945 г. по радио торжественно объявили о полной капитуляции гитлеровской Германии и подписании немцами акта капитуляции.

Война окончилась!

Великое испытание народов, овеянное великими подвигами русского народа, закончилось победоносно!

9 мая в городе было ликование. По радио звучала победная музыка. На глазах многих были слезы радости о Победе и слезы горечи о невовратно погибших людях. Но радость, великая радость Победы, радость за Родину победила все другие чувства.

В мае музей отозвал меня из больницы, и с 1 июня 1945 г. я приступила к работе по фондам музе, где и проработала до января 1958 г., когда ушла на пенсию.

19 мая 1966 г.

ГАРО. Ф. Р-5624. Оп. 1. Д. 32. Л. 3–53.

Рукопись, автограф.

Путь длиной в четыре года: воспоминания о работе в госпитале № 3013

Война уже началась. Враг с четырех часов утра бомбил пограничные районы страны. Советские воины уже совершали свои первые подвиги, а мы еще ничего не знали об этом. Я, тогда студентка второго курса Рязанского государственного педагогического института, шла сдавать очередной экзамен. Материал я знала. Настроение было хорошее. Ярко светило солнце, впереди были каникулы...

Мы уже сидели в аудитории, и преподаватель был с нами, как вдруг распахнулась дверь, и кто-то громко крикнул: «Война!.. По радио выступает Молотов...». Сначала гробовое молчание, потом топот ног: все бросились слушать выступление наркома.

Экзамены отложены. Пока отложены. Мальчишки ринулись домой за вещами и в военкоматы. Ведь у них в военном билете было записано, куда надо было являться. На другой день ушла по призывному билету к месту своей приписки и моя закадычная подруга Катюша Жданкина, имевшая до поступления в институт медицинское образование. Она окончила Рязанскую фельдшерско-акушерскую школу и как фельдшер имела военный билет.

Как я ей завидовала!.. И не только я, но и многие мои однокурсницы. Перед уходом в военкомат мы с Катюшей поплакали, сходили в фотографию и сфотографировались на память.

Из здания института нас выселили. Здание заняли под госпиталь, а институт стал работать в помещении теперешнего сельскохозяйственного института (в том здании, которое находится напротив облисполкома).

У меня был брат, он ушел служить на флот на действительную военную службу. Был моряком на Балтийском флоте – в главной базе флота в Таллинне. Их база располагалась на острове Нарген, что в 18 км от Таллинна. Вполне понятно, что его судьба волновала и меня, и родителей.

Для поколения комсомольцев сороковых годов характерным было громадное чувство ответственности каждого за судьбу своей страны. И поэтому в военкоматы шли тысячи и тысячи добровольцев, желавших с оружием в руках защищать свою родину.

Я также, как и многие мои сверстницы, решила идти на фронт. Нас несколько человек отправились в военкомат. Народу там видимо-невидимо, с нами никто разговаривать не хотел. Мы ходили и в горком комсомола, и в обком комсомола – люди были заняты серьезным делом, и с нами заниматься было некому: мы всем мешали. Такое хождение продолжалось несколько дней, а результата не было.

В один из дней, мы с Галкой, все-таки прорвались к облвоенкому и стали ему чуть не плача говорить, что все от нас отмахиваются, не разговаривают с нами, не посылает нас на фронт, а мы очень хотим бить врага.

Обругав нас сначала, он сказал, что война это не танцульки, а дело серьезное, там убивают. Там надо уметь стрелять, а мы умели это делать, и это мы ему сказали. Он обещал нам, что отправит на фронт, если мы будем иметь военную специальность.

Усталый, измученный человек, все-таки нашел время поговорить с неразумными, настырными девчонками, ничего не понимавшими в военном деле, и он дал нам честное слово, что отправит нас на фронт.

Вышли мы от него и стали думать, какую бы военную специальность получить с тем, чтобы скорее ехать на фронт. И тут кто-то нам подсказал, что очень нужны медицинские сестры для госпиталей, которые развертывались в городе и области.

Мы отправились в комитет РОКК. Достали программу годичных курсов медицинских сестер. Ой, как долго! К тому времени и война кончится! А нельзя ли быстрее, ведь время-то военное. Оказалось можно, если заниматься не по четыре-пять часов, а по десять-двенадцать часов в день

И вот составлен список желающих. Записалось около 30 человек. Комитет РОКК выделил преподавателей – старейших врачей города, работавших в госпиталях. На курсах мы изучали и хирургию, и терапию, и фармакологию, и многое другое. Учились взахлеб и не уставали. А преподаватели очень строго требовали от нас усвоения программы; ведь речь шла о жизни людей, с которыми нам предстояло работать.

У меня до сих пор сохранились тетради с записями лекций врачей-преподавателей и я заглядываю в них при необходимости, особенно в тетрадь по фармакологии, когда надо вспомнить прописи некоторых уже забытых сегодня рецептов или действие лекарств. Я до сих пор могу читать рецепты, а при необходимости и выписать лекарство; до сих пор мои товарищи по работе обращаются ко мне за помощью, когда надо расшифровать какой-либо медицинский термин в делах, по которым оформляются справки.

Нас всех провели через анатомичку: с начала до конца мы были на вскрытии трупа. И картина эта сохранилась в памяти на всю жизнь. Анатомичка была в больнице им. Семашко. <...> От посещения анатомички в памяти остался одуряющий, тошнотворные запах, распластанное на столе тело и ловкие руки врача...

Наконец-то с теоретическими занятиями покончено. Нас распределили на практику в несколько госпиталей. Я попала в госпиталь, размещенный в школьном здании на Советской площади, в отделение, которым заведовал известный рязанский врач Лев Николаевич Мордвинов.

Мы в белых халатах, в косынках входим в перевязочную. На столе лежит молодой парень. У него рана на бедре, ее обрабатывают и перевязывают. И рана-то небольшая и не такая страшная, какие приходилось видеть за время работы в госпитале, а вот поди ж, – случилась со мной беда – я упала в обморок... Очнулась в коридоре на диване от едкого нашатырного спирта. Рядом стояли девчонки, Лев Николаевич держал руку на пульсе, а у меня кружилась голова, и из глаз катились слезы. Плакала я горько: «Ну, как же так, хотела быть сестрой и вдруг такая напасть!» Мордвинов увел меня в кабинет и стал говорить о том, что если я хочу быть сестрой, то я ей буду, что такое бывает, напоил меня вальерьянкой и отправил домой.

И я стала сестрой, успешно прошла и практику, а Миша Харченко, у которого была эта рана на ноге потом долго, в течение всей практики разыгрывал меня, и девчата тоже смеялись...

А потом были экзамены, и 10 сентября 1941 г. я получила удостоверение № 001248 о присвоении мне звания медицинской сестры. В удостоверении стояли одни отличные оценки по всем изучавшимся предметам: по организации санитарной службы Красной Армии, по анатомии и физиологии человека – нормальной и патологической, по основам общей и военной гигиены с методикой санпросветработы, по лекарствоведению с рецептурой и элементами латинской грамоты, по инфекционным болезням с уходом за больными, по болезням уха, горла и носа, болезням глаз, основам физиотерапии и массажа. На «отлично» были сданы и выпускные экзамены: по внутренним болезням с уходом за больными и пораженными БОВ и по рецептуре, по хирургии с основами травматологии, уходу за ранеными и военно-полевой хирургии, по санхимзащите и организации медслужбы МПВО. На удостоверении была помета: «Окончила с отличием». Подписано удостоверение председателем комитета РОКК Казаковым, заведующим отделом здравоохранения Покровским, начальником курсов медицинских сестер (подпись неразборчива), заведующим учебной частью курсов Мурановой.

Итак, есть военная специальность. Теперь можно на фронт. И снова настырные девчонки одолевают военкомат, теперь уже «на законном основании» требуя отправки на фронт. И снова никто с нами не занимается, а к начальнику

политотдела прорваться не удастся. Нас посылают от одного товарища к другому. Мы по своей инициативе идем работать в госпиталь, в котором проходили практику...

Положение в городе становилось трудным. Ежедневно враг по несколько раз в день бомбил город. Началось строительство оборонительных сооружений, эвакуация из города населения, промышленных предприятий. В конце ноября были эвакуированы из города все военные госпитали, город опустел...

В городе был введен комендантский час. Враг находился в 30 км от областного центра. 1 ноября 1941 г. был создан добровольческий рабочий полк. Его расквартировали в здании Рязанского пехотного училища (теперь Музей воздушно-десантных войск). Нас с Галей Митрофановой направили в этот полк. Мы пробыли с ней нам недолго: там не было раненых, а лечить мозоли нам не хотелось, да и фронтом там не пахло. Мы с ней стали работать на медицинском пункте в Дягилево, а вскоре мы получили настоящее предписание идти работать во вновь организуемый военный эвакогоспиталь № 3013.

Госпиталь был развернут в здании педагогического института. Стены аудиторий терли мочалками, собирали и расставляли кровати, и застилали их как требуется матрацами, простынями, одеялами, проверяли подушки, наличие прикроватных тумбочек. Оборудовали перевязочные и операционные. Многого не хватало, потому что эвакуированные из Рязани госпитали увезли с собой не только все оборудование и медицинское оснащение, но и медицинский персонал, и все необходимое для нормальной работы госпиталя.

11 декабря 1941 г. в Рязани начал работать военный госпиталь № 3013 на 600 коек, и первых раненых нам привезли из частей 10-й армии прямо с поля боя.

Я стала работать в отделении, начальником которого была врач Шиханова Ксения Васильевна. Отделение это размещалось на первом этаже, на левой стороне от входа в институт.

Сначала работала палатной сестрой. Я хорошо помню своих первых раненых: у меня было две палаты. В меньшей лежал Воронин, у него было тяжелое ранение бедра, и он был закован в кокситную гипсовую повязку. Его я запомнила потому, что он был очень привередливым и постоянно ноющим человеком. Он, например, говорил: «Сестра, не топайте по полу. Пол трясется, кости трутся и в ноге страшная боль...». Я буквально выскакивала от возмущения из палаты, потому что пол-то в палате был цементный, и он не трясся даже при самых сильных бомбежках! Раненые в палате над ним постоянно подтрунивали: «Чего ты выдумываешь! От чего тут пол трясется!...» или: «Ой, пол затрясся, это Сашенька идет!» и дальше в таком же духе.

Другой больной – Круглов – имел очень тяжелое ранение: пуля прошла рядом с сердцем. Он был человеком необыкновенно терпеливым. И если Круглов сто-

нет, значит, он без сознания... Он плохо ел, мало спал, он требовал особого ухода и присмотра. Это с ним и для него приключился такой случай. Однажды он мне сказал, что ему очень хочется селедки, хоть маленький кусочек. А селедки не было ни дома, ни в магазинах – пропала, когда была так нужна!..

Мои мысли были заняты одним: где достать кусок селедки. И вдруг в столовой я вижу: идет мне навстречу главный хирург госпиталя Михаил Васильевич Яковлев и у него на тарелке вожделенный кусок селедки с картофелем. Я подсакиваю к нему со словами: «Михаил Васильевич! Отдайте мне селедку. Круглов просит, а я нигде не достану!» Он настолько растерялся, что, не сопротивляясь, отдал мне тарелку, с которой я помчалась к своему подопечному. Кусочек селедки врач разрешил Круглову съесть. Он считал, что это поможет восстановить аппетит. Круглов съел небольшой кусочек и очень благодарил. А Михаил Васильевич на утренней планерке следующего дня «прославил» меня на весь госпиталь, рассказав, как я вырвала у него из рук злосчастный кусок селедки. Но в конце, все-таки, сказал, что так и надо заботиться о раненых, тогда они скорее поправятся.

В другой палате – большой, лежали тоже тяжелораненые и обмороженные. В центре палаты лежали два уже пожилых красноармейца: Иванов и Овчинников. У них были сильно обморожены ноги и ранения в живот. В этой же палате лежали два друга Петр Пластун и Николай Трофимов, у них были ранения в ноги. У Коли Трофимова молодого парнишки, был обморожен кончик носа, он был намазан зеленкой. Одна нога у него была ампутирована в нижней трети голени, а другая до середины бедра. Но он был неунывающий человечик. Петя Пластун любил петь и писал очень хорошие стихи. Сам он был из Лисичанска и очень беспокоился о родных: отце и матери – стариках и младших братишках и сестренках. Лисичанск был оккупирован немцами.

Очень было трудно работать: раненых много, назначений много. С утра измерялась температура, и заполнялись температурные листки. Потом завтрак, а поскольку все раненые лежачие, многих приходилось кормить. Потом шли перевязки, уколы, выполнение других назначений врача. Обход врача. Подготовка больных к операции. Да разве можно все перечислить, что приходилось делать. В общем, весь день на ногах.

У некоторых раненых были очень плохие кровати: сетки провисали почти до пола. Приходилось говорить об этом и на пятиминутках, и специально говорить начальнику отделения, а когда и это не помогло, я отправилась к начальнику госпиталя Демидову и обо всем ему рассказала, что так к раненым относиться нельзя. Он вызвал начхоза и дал ему задание срочно отремонтировать кровати. Шиханова потом на меня шипела: «Больше всех надо!» А мне, действительно, было надо. Так меня учили дома – заботиться о людях, а тем более, о раненых.

Многие плохо ели. Я приносила из дома кисели, компоты. Покупала на базаре табак.

А кроме этого была и комсомольская работа, а я была заместителем комсорга Нины Антоновой. Надо было выпускать боевые листки, читать раненым сводки совинформбюро, писать письма тем, кто писать не в состоянии. И еще участие в самодеятельности, которая отнимала очень много времени.

Раненых привозили из-под Михайлова, где шли бои, и где было очень много раненых и обмороженных. Я за ранеными ездила только один раз. Больше меня не посылали потому, что я сама плохо переносила дорогу, и меня привезли оттуда еле живую. Ехать приходилось ночью, без сигнальных огней, чуть-чуть подсвечивали синие подфарники. Санитарные машины были маленькие, неудобные, вмещали мало раненых.

Особенно много было обмороженных. Буквально черные стопы. Они очень болели, а потом, когда между живой и мертвой тканью образовывалась так называемая «демаркационная линия», проводилась операция и пальцы, или полстопы, а это бывало чаще всего, откусывались и рана зализывалась.

Вспоминается такой факт. К нам в госпиталь привезли молоденького немца. У него было двухстороннее крупозное воспаление легких. Он лежал в палате один. Около него, вернее, около палаты, в которой он лежал, стояли два солдата с винтовками потому, что солдаты наши раненые рвались в эту палату: «Фрица лечить! Гада лечить!» А немец лежал без памяти и тихо звал свою мать: «Муттер, муттер!» Его лечили. Приходилось делать много уколов, но он все-таки умер.

В начале 1942 г. медицинские работники госпиталя в торжественной обстановке приняли военную присягу. Мы получили военные билеты. А вскоре наш госпиталь был переведен в новые помещения, их было два: одно – главный корпус – это главное здание теперешнего сельскохозяйственного института (бывшей первой мужской гимназии) и другое – общежитие пединститута на улице Полонского – большое четырехэтажное здание. Сменилось и руководство: начальником госпиталя был назначен майор медицинской службы Николай Петрович Крылов – крупный ученый, невропатолог; замполитом – Василий Романович Бурмистров.

Крылов начал создавать в нашем госпитале физиотерапевтическую службу. При госпитале были организованы краткосрочные курсы по подготовке работников для физиотерапевтических кабинетов. Незадолго до начала их работы меня вызвали к начальнику госпиталя. Когда я пришла, он стал меня расспрашивать о том, как я попала в госпиталь, какое у меня образование, и в конце разговора предложил мне кончить курсы по физиотерапии и работать в кабинете физиотерапии, а не палатной сестрой. Я кончила эти курсы на «отлично» и стала работать в кабинете физиотерапии в помещении на улице Полонского.

В этом здании было два отделения: неврологическое, занимавшее третий и четвертый этажи (начальник отделения Василий Васильевич Скакодуб) и просто хирургическое (начальник отделения Мария Ивановна Дейч), которое занимало второй этаж и часть третьего этажа. На втором этаже располагались также перевязочная, и кабинет физиотерапии. Он занимал две комнаты: маленькую – где отпусkaliсь процедуры с гальваническим током и диатермией, и где работала медсестра Софья Степановна Спорыхина, и комнату с двумя окнами – кабинет с соллюксами, кварцем и другими приборами светолечения. Здесь же стоял прибор для определения проходимости нервов. В простенке между окнами стол, на нем картотека больных, которым отпусkaliсь процедуры.

Комната была солнечная и очень уютная. В ней было много цветов. На окнах белые шторы, на кушетках, покрытых простынями, лежали сделанные из марли небольшие подушки. В этом кабинете и работала. А когда болела Спорыхина, мне приходилось работать на два кабинета. В левом крыле здания и тоже на втором этаже помещался кабинет массажа, в котором работали две опытные массажистки Соколова Елена Владимировна и В. Ф. Тархова. Здесь же рядом был и кабинет лечебной гимнастики, в котором работали первый комсорг госпиталя Нина Антонова, Соня Смирнова и другие.

Мы, сестры, находились на казарменном положении. Домой нас не отпусkali. Немецкие самолеты регулярно бомбили город. Я стала ходить домой только после того, как Н.П. Крылов привел ко мне в кабинет на лечение коменданта города. Он стал регулярно приезжать, принимал кварц и соллюкс на поясницу: у него был радикулит. И вот он и выписал мне ночной пропуск для ходьбы по городу, который берегла как зеницу ока и с которым сбегала из госпиталя, предупредив или Нину или Сою.

В начале 1943 г., в феврале, я была принята кандидатом в члены партии. К этому времени у нас был уже новый начальник Борис Рафаилович Суслович. Он бросил свой госпиталь в Калуге, там были очень тяжелые условия. В этом госпитале работала моя подруга Катюша Жданкина, поэтому я знаю об этом, и, вернувшись в Рязань, получил наш госпиталь, так как Николая Петровича Крылова с повышением взяли в МЭП-80.

А весной нас погрузили в товарные вагоны, и мы поехали под Курск, где готовилось очередное наступление советских войск. По дороге нас постоянно бомбили. Особенно запомнилась бомбежка на станции Касторной, когда впереди нас и сзади нас были разбиты несколько эшелонов, когда над нами висели фонари, станция была освещена как днем, а нас всех отогнали далеко в поле и в какие-то кусты. В конце концов, нам так надоело по ночам вылезать из вагонов, что мы оставались в вагонах и спали, как убитые, несмотря на бомбежки.

Питались мы дорогой плохо. Нам выдавали сухим пайком ржавую селедку и сухари. Дорогой мы эту селедку ухитрялись менять на картошку и на другие

продукты, хотя и с трудом. Это удавалось только более ловким, мне же нет. И если бы не девчонки, то мне пришлось бы плохо. Иногда удавалось получить молоко, но это было редко, чаще это была любимая всеми картошка. Дорогой много пели. Ругали выжигу и жилу Сусловича.

И вот, наконец-то, место нашей дислокации – Курск. Оказалось, нас в Курске не оставляют, а отправляют за 18 километров от него в местечко Сапогово.

Сапогово – это небольшой населенный пункт, расположенный на высоком холме, примерно таком же, как и наш Рязанский кремль. Вдоль него протекает река Тускарь. В этом Сапогове был расположен лечебный городок для душевнобольных, как наше Голенчино. И газеты незадолго до нашего приезда сообщали о страшной трагедии, которая произошла здесь, после прихода фашистов. Все больные и не успевший убежать медицинский персонал были отравлены.

Госпиталь был размещен во многих зданиях. Они были небольшие. В основном двух и одноэтажные. Нам достались помещения без стекол, часто и без дверей, загаженные, грязь везде была страшная. И вот эти помещения надо было превратить в госпитальные палаты для приема раненых. Началась сумасшедшая работа: выгребали грязь, навоз, очищали стены, белили их, окна закладывали кирпичом, потому что стекол не было. Воду приходилось носить и возить на эту гору из реки, потому что не работал водопровод. Света электрического не было: ночами освещались моргасами – это такие светильники, изобретенные во время войны. Делали их из гильзы снаряда. В гильзу наливали масло или еще что-то, что горело, вставляли фитиль из старой шинели или из бинта, и это светило. В нескольких корпусах ставили двухэтажные нары. Их заполняли соломой или сеном, что удавалось привезти хозяйственникам, сверху накрывали плащ-палатками, которые прибывали прямо к нарам, а потом уже накрывали простынями, но их не всегда хватало. Одну из таких палат в одном из корпусов, огромную и от этого, казавшуюся низковатой, звали у нас «Курским вокзалом», почему, понять не могу. В этой палате стояли две огромные, бочки, превращенные в печи, от них через всю палату шли трубы, выходившие в проем окна, заделанного кирпичом. Стоял около одной из печек стол, накрытый простыней, со стерильным материалом и другими инструментами и записями дежурной сестры, и бачок с кипяченой водой. Эту палату хорошо помню потому, что часто приходилось по ночам в ней дежурить. Иногда по графику, иногда заменять кого-либо из девчат, так как я жила вместе с Марией Ивановной Полтавец в этом корпусе.

Ряд корпусов был оборудован, привезенными из Рязани кроватями, но их явно не хватало для оборудования всех отведенных нам помещений и объема мест, для приема раненых с поля боя.

И здесь небезынтересно вспомнить об этих злополучных кроватях. Уж как мы не любили их разгружать!.. А это приходилось делать неоднократно. Крова-

ти были с сетками, а сетки с крючками. Эти крючки цеплялись друг за друга, и когда брали одну из кроватей, за ней тянулась другая, третья и все, погруженные в вагон. Тяжесть несусветная и распутывались они с величайшим трудом. Что мы только не делали, чтобы только не идти к вагонам разгружать эти проклятые кровати!.. Но разгружать их все-таки было необходимо. И мы трудились – разгружали...

Жили мы в угловой комнате вместе с М.И. Полтавец. Она была рентген-техником. Наша аппаратура была сложена в коридоре, около нашей комнаты и в нашей комнате. На огромном ящике, в котором лежал рентгеновский аппарат, мы спали. Окно в комнате было такое огромное, что через него мог пройти самосвал, только половины стекол не было – часть стекла, часть фанера. Но окно у нас было завешано толстой черной шторой опять же из рентгеновского кабинета. В комнате была маленькая печурка, железная, которую мы топили чем придется. Пока топим – тепло, как кончим топить так холодно. Но мы ведь почти и не были в комнате. Приходили ночевать, если не было ночного дежурства.

Началось поступление раненых. Их было очень много. Были очень запущенные с гноящимися ранами, завшивленные. Столько вшей, сколько их было в Сапогове, я потом не видела нигде, хотя вшивые попадались.

Легкораненых бойцов размещали в расположенных поблизости деревнях, прямо в избах крестьян. Я помню, например, деревню Вырки, где были размещены раненые, и где я недели две-три жила и смотрела за ними, делала перевязки, следила за тем, как питаются раненые, как живут, отправляла на лошадке в основную госпиталь, когда это требовалось, бранилась с бабами-грязнулями, договаривалась, чтобы хозяйки готовили раненым.

Помню одну такую зловредную бабу, которая никак не хотела, чтобы у нее в избе жили раненые. Но у меня был помощник – старшина, такой отчаянный парень. Мы с ним вместе размещали раненых. И вот этой тетке я заявила, что я скорее ее выгоню из избы, чем оставлю раненых на дворе. Тогда она пустила трех ребят, а вот сена для того, чтобы набить матрасники и подушек не дала, сказала, что все забрали немцы, и у нее ничего нет. Мы сена добыли в другом месте, а подушки нашли у нее на чердаке, да не одну – две, а два десятка и много одеял! Мы эти подушки и одеяла прошкварили в горячей бочке и раздали раненым.

Ходила я по избам каждый день, проверяла, заставляла женщин следить за чистотой, а раненых соблюдать чистоту, проверяла состояние повязок, качество пищи. Часов с 11 начинала прием у себя на пункте: перевязки и другую работу, иногда приезжал врач и смотрел тех раненых, у которых или плохо шло заживление, и требовалась операция, или при подготовке их к эвакуации или выписке в часть.

В один из летних дней я заболела: у меня распухли суставы на ногах, голенистые, стали красными, наступить на ноги я не могла и просто плакала от боли. У меня оказался ревматический полиартрит. Лечил меня наш начмед Порфирий Александрович Виноградов. Чем лечил, я уже не помню, только была у меня большая температура, бредила я, и бедной Марии Ивановне доставалось очень. А потом, несколько позднее у меня началась двухсторонняя фолликулярная ангина, и опять, Порфирий Александрович пичкал меня лекарствами, а Мария Ивановна доставала молоко и пичкала меня. Именно с этого периода у меня и начался ревмокардит и образовался стеноз митрального клапана.

В конце 1943 г. нас, небольшую группу медицинских сестер из Рязани: Дорогову Сашу, Чубарыкину Аню, Степанову Соню и меня, отпустили на десять дней домой. Какая это была радость!..

В этот приезд домой к маме я побывала у Катюши Жданкиной. И как хорошо – ее тоже отпустили в это время в отпуск в Рязань. Мы с ней увиделись, это было очень хорошо. Мама похудела, она плохо питалась! Отец умер раньше и она была одна, так как от Миши – братишки, тоже не было никаких известий. Мы еще не знали, что он погиб в августе 1941 г.

От курского периода осталось в памяти многое. Например, то, что я в течение нескольких месяцев не получала от мамы никаких известий. Это меня очень волновало, хотя мои письма к маме приходили более или менее регулярно. И вот однажды мне принесли сразу 52 маминых письма! У мамы не очень разборчивый почерк. Я в некоторых из них через слезы могла прочитать только «Дорогой мой дочек!», но постепенно, разложив письма по датам, начала их читать. Потом письма стали приходить более или менее регулярно. Ее письма поддерживали и вселяли надежду на скорую встречу, она никогда не жаловалась на трудности, на то, что болела, что дома холодно, что трудно с дровами.

К этому же периоду относится в мое знакомство с Борисом Гамеровым и Жоркой Куликовым. Однажды Нина Антонова познакомила меня с этими ребятами. Они жили в одном из близлежащих сел, как легкораненые. Борис высокий, худощавый парень, москвич, учился на третьем курсе Литературного института и в музыкальном училище (или консерватории). Он прекрасно играл на рояле и много писал стихов. Им была написана поэма, шутливая и острая, начинавшаяся словами: «Под Сапоговскою горою, переплетаются дороги...». Нина рассказала ему, что я тоже пишу стихи, которые появляются почти в каждом боевом листке, и он попросил ее нас познакомить. Куликов ниже ростом, коренастый сибиряк, немногословный, он больше слушал, чем говорил. У него за спиной десятилетка и школа авиамехаников. Оба они были разведчиками. Они так и ходили парой: где Борис, там и Жорка. У меня сохранился ряд стихотворений, посвященных Борисом мне. Борис погиб под Берлином. Жорка остался жив, после войны приезжал в Рязань, но вернулся в любимую Сибирь.

Еще одно мероприятие запомнилось мне из Сапоговского периода – Нина Антонова уехала на фронт, и я стала комсоргом госпиталя. Работы мне прибавилось. В этот период был проведен вечер представителей восточных народов: узбеков, таджиков, туркмен. Был сварен плов, его варили специалисты из этих республик. На вечер пригласили замполита, парторга и комсорга. Все сидели на полу, в своих позах, на ногах, а для нас были поставлены столы. Были выступления, был концерт, на котором меня поразила удивительная пластика рук узбеков при почти неподвижности ног. А потом нас стали угощать пловом. Они ели его руками, а как есть мне – тоже руками? Василий Романович Бурмистров, наш замполит, начал есть руками, но у него ничего не получалось, но он черпал ладошкой и отправлял плов в рот, а я все никак же могла приспособиться. Тогда один из узбеков вынул из своего ботинка ложку, вытер ее полый грязного халата и с улыбкой протянул мне. Что делать? Замполит шипит: «Ешь, ты их обидишь!» А я не могу! Тут опять заиграл бубен или что-то ему подобное, и узбеки начали танцевать, и это меня выручило. Я тоже отправилась танцевать подобие узбекского танца на месте. Я не знаю, что у меня получилось, но хлопали мне много. А плов я так и не ела!..

Еще одно событие, связанное с этим периодом. Нам был дан приказ эвакуировать всех раненых. На станции Курск стоял санитарный поезд, в который мы привозили своих раненых. И вот в этот период сбежали, исчезли, куда – неизвестно сестры-эвакуаторы Умнова Валентина и Смирнова Соня. Их нет, а машины загружены ранеными, поезд ждет. Пришлось ехать мне. Я привезла раненых, их осмотрели, обнаружили у них вшей и отказались от приема в поезд. Что делать? Их разместили в пересыльном пункте, а машины прибывали одна за другой. Раненые голодные, я послала записку с одной из наших начальнику госпиталя Сусловичу. В ответ молчание и новые машины со вшивыми ранеными. Тогда я позвонила прямо в управление МЭП-80 и рассказала о положении дел. Из МЭПа прибыли сразу: бойцов перемыли, накормили, погрузили в санитарный поезд. Вся эта эпопея длилась трое суток. И «любимый» начальник госпиталя даже не подумал о том, чтобы сменить сестру, покормить ее и вообще позаботиться о ней. И если бы не начальник санитарного поезда, я, наверное, умерла бы от голода. Он обеспечил меня питанием и отдыхом, а потом стал уговаривать уехать с санпоездом от такого начальника. Но я не могла этого сделать: я была комсоргом, а если бы не это, то обязательно уехала бы.

И вот последний день. Машины доставили тяжелораненых, на носилках. А в это время ко мне подбежал дежурный по вокзалу и стал на меня ругаться: «Скорее, скорее грузите. На станцию прибывает правительственный поезд с Калинин!» А я ничего не могу сделать, ведь одна не потащишь носилки, а санитары – лодыри. И вот тут я впервые заругалась матом. Это было первый и последний раз в жизни. Но это подействовало на санитаров, они забегали быстрее и всех

носилочных погрузили до прихода поезда с Калининым. А я услышала над своим ухом слова: «Ай-ай, как нехорошо, такая молоденькая девочка и так ругается!» Я обернулась, посмотрела, сзади стоял невысокий, толстый майор медицинской службы с очень добрыми глазами. Я ему на это сквозь слезы отвечала: «А что делать, если они меня не слушаются и не понимают русского языка! А вот ругнулась, и сразу заработали». На вокзале я была в синем подшлемнике, по спине болтались две рыжие косы, в телогрейке и теплых брюках.

Погрузив раненых, получив расписку, я уехала в Сапогово. А на другой день утром меня вызвали к начальнику госпиталя в штаб. Я удивилась, зачем? Я сама хотела идти ругаться к Сусловичу и к замполиту на такую безобразную эвакуацию, а тут меня вызывают. Прихожу, стучусь и вхожу в кабинет и удивленно останавливаюсь: за столом начальника госпиталя вчерашний майор со станции. Я доложила как положено. Он выслушал. А потом начал меня отчитывать: почему я нарушаю форму и хожу в каком-то колпаке, почему ругаюсь... и так далее и тому подобное!

От него я пошла к замполиту и все ему выложила, что меня три дня не кормили, что посылали вшивых раненых, что их не принимали, и никто не приехал мне помочь, что это безобразие и так далее...

И Бурмистров мне в ответ на это сказал, что за все это снят начальник госпиталя Суслович и отдан под трибунал. Новым начальником стал заслуженный врач Украины, майор медицинской службы Мармур.

И снова встреча с Мармуром. От вшивых больных и персонал завшивел. Мне с моими густыми волосами приходилось совсем туго. У меня никогда этой пакости не водилось, а тут я просто обчесывалась. И вот я решилась на то, чтобы отстричь свои косы. Пришла в парикмахерскую и сказала: «Режь!» – а у самой слезы льются – жалко. И парикмахер медлит. И тут вошел Мармур не один, а с кем-то еще. И, увидев эту картину: «Что такое?» Парикмахер ему отвечает: «Да вот не могу резать такую красоту, а она просит...» Он ко мне, что такое, почему? Я говорю: «Никогда не была вшивой, а здесь вши заели!» Он уговорил меня потерпеть два-три дня: «Нельзя, чтобы единственная в госпитале девушка с косами потеряла косы из-за вшей!»

Он вызвал к себе начальника санитарной службы Брайтерман и приказал ей изобрести смесь для уничтожения вшей и в три дня ликвидировать вшивость среди личного состава! Обеспечить регулярную работу санпропускника и систематическую проверку на вшивость и раненых, и персонала. Изобретенная смесь действительно помогла: вшивость в госпитале была ликвидирована. На помощь были вызваны из воинской части «вошебойки» – это соединенные автобусы-санпропускники: через них пропустили весь персонал и его обмундирование.

Приход на заведование госпиталем нового начальника Константина Евгеньевича Мармура вызвал хорошие перемены. Все военные получили обмунди-

рование: шинели, меховые безрукавки, шапки-ушанки, теплое белье, портянки, сапоги и другое. Для вольнонаемного состава из старых шинелей пошили бурки и тоже приодели. Нас стали лучше кормить. И вообще работа стала совсем другой.

Работы было очень много: в госпитале оставались тяжелораненые, их нельзя было эвакуировать. С поля боя из-под Прохоровки и других мест сражений знаменитой Курской битвы везли и везли раненых. Работать приходилось сутками без всякой смены: прием, перевязки, гипсование, наложение труднейших кокситных повязок, проверка на другой день качества этих повязок и вновь эвакуация приведенных в порядок раненых вглубь России, в тыловые госпитали.

И вот, в один из дней ранней осени, из госпиталя ушла комсорг Нина Антонова, куда – никто же знал. Вчера ездила на совещание комсorghов в Курск, а сегодня ее нет. Ее не было несколько дней: разные слухи шли. Я вместе с Борисом Гамеровым и Жоркой Куликовым ходила по окрестным селам и деревням искала ее. В одной из деревень нам сказали, что в одной из изб жила девушка, похожая на Нину по описаниям, но может быть и не она. А она неожиданно появилась в госпитале, принесла мне свой мешок с вещами, передала комсомольские дела и сказала, что она уезжает с воинской частью на фронт. Мои уговоры остаться успеха не имели. Она уехала и на меня свалилась работа секретаря комсомольской организации госпиталя.

Организация большая. И, хотя работа знакомая, все-таки одно дело работать вдвоем и совсем другое – одной. Ведь комсомольский комитет у нас практически не работал, не было времени заседать. А вот здесь пришлось и собрать комитет, и провести собрание комсомольцев и поговорить о работе, о комсомольской чести, о необходимости регулярной уплаты комсомольских взносов и др. А главное, говорили о необходимости овладения большим числом операций, с тем, чтобы помочь раненым скорее вернуться в строй. Молодцы девчонки, учились делать различные уколы: и подкожные, и внутримышечные, и уколы в вену, и ставить капельницы, и давать наркоз, накладывать различные гипсовые повязки и т.д. Они стирали бинты, носили воду, носилки с ранеными, делали тысячи необходимых дел эти замечательные девчонки – мои однополчане!

ГАРО. Ф. Р-6862. Оп. 1. Д. 219. Л. 1–18.

Авторизованная машинопись.

Из воспоминаний работников завода «Рязсельмаш» об эвакуации и работе завода в годы войны

Н. В. Рюмин

...Перед началом Великой Отечественной войны наш завод был передан из народного комиссариата сельхозмашиностроения в народный комиссариат боеприпасов, и заводу был присвоен № 567. Директором завода был назначен специалист по боеприпасам тов. Гуров, а бывший директор тов. Фока А. Л. переведен начальником литейного цеха. Завод начал свертывать производство ранее выпускавшихся машин и переквалифицироваться на производство боеприпасов. Незадолго до начала Великой Отечественной войны завод организовал производство боеприпасов и начал снабжать армию.

Но вот для страны наступили тяжелые военные дни. Фашисты блокировали Ленинград, пали Минск, Смоленск, Брянск, развернули наступление на Москву, стремясь к ее окружению. Все промышленные предприятия из зоны военных действий эвакуировались, и в конце сентября 1941 г. настали тяжелые дни для завода. Началась эвакуация.

В то тяжелое время я работал начальником мобилизационного отдела завода, именовавшегося вторым отделом. Еще до получения приказа об эвакуации завода было указание составить план эвакуации завода, такой план второй отдел составил, но, как помню, военное время внесло в него существенные изменения. Завод начал демонтировать оборудование и отгружать его в город Невьянск. Одновременно уезжал и коллектив завода со своими семьями. Эвакуация коллектива завода производилась железной дорогой и водным путем. Я выехал с последним составом оборудования в октябре 1941 г.

До места назначения мы ехали около двух месяцев. В городе Златоусте нас застала радостная весть – разгром фашистов под Москвой – и, естественно, у каждого, покинувшего родные места и свой завод, зародилась мысль о скором возвращении.

Приехав в Невьянск, я получил телеграмму о переводе меня в город Новосибирск на 179-й комбинат. За назначением я должен был приехать в Наркомат в г. Челябинск – в то время наркомат был эвакуирован из Москвы и находился в г. Челябинске.

Положение на фронте улучшилось, немцы от наступления перешли к обороне. Угроза захвата г. Рязани отпала, а ведь с завода было не все вывезено, да этого и невозможно было сделать. Самое ценное – это остался полностью литейный цех с оборудованием. Фронт требовал колоссального количества боеприпасов, и, чем ближе их производство к фронту, тем ближе победа.

Приехав в Наркомат я внес предложение восстановить производство на «Рязсельмаше», организовать выпуск несложных боеприпасов, требующих литья. Эта мысль Наркоматом была поддержана...

30 января 1964 г.

ГАРО. Ф. Р-6257. Оп. 1. Д. 91. Л. 5–6.

Рукопись, автограф.

В.А. Соколов

Когда стало очевидно, что войска фашистской Германии, имея большое превосходство в технике в первый период войны, быстро продвигались к Москве, встал вопрос о сохранении завода и быстрой эвакуации всего оборудования в глубокие тылы нашей Родины. Кто нужен был для завода, был оставлен и назначен к эвакуации. Кто не хотел ехать – увольнялся и поступал в распоряжение военкомата. Но таких было мало. В кратчайшие сроки было снято все имеющееся в заводе оборудование и в три партии железнодорожными эшелонами отправлялось на восток. Последний эшелон, четвертый, был отправлен водным транспортом в город Казань. Наш цех, инструментальный, был отправлен вторым поездом. Оборудование сняли в срок, не покладая рук, и погрузили в вагоны совместно с домашними вещами рабочих.

Поезд был отправлен 16 или 19 октября 1941 г. на Казань. Первое время все боялись, как бы поезд не разбомбило, но когда уехали за Сасово, то все боязни прошли, и все предались мечтаниям: куда мы едем, и что будем там делать, и до самого города Свердловска не знали места своего назначения. Ехали очень медленно. Остановят поезд на какой-нибудь станции, паровоз уйдет от состава и ждем три-четыре дня, пока нас повезут дальше.

Дорогой нам давали: картофель, мясо, огурцы и хлеб. Все время нас обгоняли поезда, груженные троллейбусами, машинами, другой техникой, разбитыми самолетами, танками, разным металлом.

С востока на Москву шли составы с войсками и техникой из Сибири. По дороге встречали не выкопанный картофель, морковь, рожь в копнах, так как некому было убирать, все ушли на фронт. А в это время уже были морозы. Наконец

мы приехали в Свердловск и получили назначение – следовать в г. Невьянск. Прибыли в Невьянск с 5 на 6 ноября. Мороз был там 18–20 градусов. Стали мы разгружаться. Временно отвели нам какие-то большие бараки. Все помещались прямо на полу семьями, и после постепенно размещали нас по городу. Кто-то комнаты для себя находил сам, так как многие очень нам сочувствовали.

Наш инструментальный цех влили в цех по изготовлению инструмента для обработки спецпродукции, которую изготовлял завод. Меня назначили старшим планировщиком цеха, где я и проработал до конца мая 1942 г. и был вызван обратно на завод в Рязань. В Невьянске был агитатором и членом редколлегии цеховой газеты. Смеем заверить, что невяянцы – хорошие искусные мастера, работали крепко, отдавая все силы для того, чтобы больше давать продукции.

В это время очень плохо было с продовольствием. Все было дорого и трудно было достать. Зима 1941–1942 гг. на Урале была лютая по сравнению с нашей. Морозы достигали 32–35 градусов и больше. Когда наметились первые успехи нашей армии под Москвой, первая партия работников выехала в Рязань для оборудования вновь завода на базе новой техники. Я приехал на завод в конце мая 1942 г. по вызову с завода...

7 января 1964 г.

ГАРО. Ф. Р-6257. Оп. 1. Д. 97. Л. 11–13.

Рукопись, автограф.

Н. Ф. Бодров

1941 год – тяжелый год всего советского народа, год переживаний. Завод готовился к эвакуации. Настроение было приподнятое, из цеха оборудование было снято за сутки и погружено в вагоны, мы отправились на Урал<...>

Мы уезжали с последним эшеломом 7 ноября 1941 г. Теплушки были поданы на территорию завода, в которых мы разместились 6-го к вечеру. В теплушках были нары и печи. Запасли дров и провизии. В нашем вагоне ехала семья Гордкова Анатолия Александровича с женой, сам он был работником заводууправления, очень славный советский человек и возглавлял на заводе организацию инженерно-технических работников. В Невьянске он умер. В вагоне ехал тов. Счислаев Александр Николаевич, мастер цеха, сейчас работает старшим мастером инструментального цеха, слесарь Орешин, который в настоящее время работает слесарем в ремонтном цехе, сварщик Зенкин и другие.

Ехали мы целый месяц, питание было организовано хорошо – хлеб, сметана, в общем, всего было достаточно. По приезду размещены в бараках Невьян-

ского механического завода. Спустя два дня решением поселкового совета все были размещены по частновладельческим домам поселка.

Мы, – я, Счисляев, Орешин и Зенкин разместились в одном доме. В общем, по тому времени сносно, и так же все были размещены. Весь коллектив влился в цеха завода, каждый по своей специальности. Нас с тов. Фока А.Л. определили в литейный цех с тем расчетом, что мы будем производить продукцию, которая была в Рязани.

Но положение на фронтах менялось, и это дело откладывалось, затем в январе определилось, что мы должны ехать обратно. Почему-то, я как будто стал, как говорят, во главе возвращенцев. Это, очевидно, потому, что и Невьянскому заводу не хотелось производить нашу продукцию, а значит, администрация завода не очень нас задерживала. Что же касается всех рабочих и ИТР, влившихся в основные цеха завода, а это было 90%, то здесь администрация Невьянского завода была настолько упряма, что надо было действовать через Министерство, и то не всегда положительно разрешалось, и это понятно. Так как завод работал и делал продукцию, а наш завод должен был восстанавливаться.

И так, как говорят, стихийно возникла группа возвращенцев, и стали появляться хлопоты, как бы уехать вместе. Были слезы женщин. Помню, тов. Лаврентьева, ей очень хотелось уехать с первым отправляющимся эшелонам, но администрация не отпускала...

...Была организована группа по погрузке оборудования с Невьянского завода в Рязань... Уже забыл, кто был в группе, помню тов. Егорова И. Ф., Счисляева А.Н., Гимильштейн М.И. Они помогали отбирать оборудование, но отобранное нам не отдавали, а отдавали лишь плохое. Брали все, грузили день и ночь, и, наконец, набрали состав, и нам дали теплушку, в которой уехали. Хорошо помню, жены столяров братьев Фёдоровых и мы с тов. Егоровым во избежание нареканий решили ехать поездами...

...Мы с Егоровым поехали через Нижний Тагил. Поездка была очень тяжелой... по дороге я заболел сыпным тифом, пролежал в больнице два месяца и, не оправившись, пришел работать в завод начальником литейного цеха, где был прорыв. В течение месяца дело было выправлено, а спустя 4–5 месяцев меня перевели в механо-сборочный цех, где обстояло дело с выполнением программы плохо...

8 января 1964 г.

*ГАРО. Ф. Р-6257. Оп. 1. Д. 20. Л. 12–16.
Рукопись, автограф.*

Л.Л. Майоров

В 1941 г. в сентябре месяце завод начал эвакуироваться в г. Невьянск. В инструментальном цехе для удобства погрузки станков сломали стену на лестничной площадке, сделали деревянный настил и грузили станки на платформы. Погрузка шла днем и ночью с такой быстротой, что через неделю в цехе не осталось ни одного станка, ни куса железа или какого-либо материала, так как весь коллектив завода решил ничего не оставлять.

Я упаковал в ящики инвентарь и оборудование центральной измерительной лаборатории (ЦИЛ): оптические приборы – оптиметры, микроскоп, миниметры и проч.

В Невьянск ехали в вагонах-теплушках, останавливаясь иногда на два-три дня. В дороге мы были обеспечены всем необходимым, с нами ехал вагон-холодильник с мясом, вагон с картофелем и вагон с хлебом, на остановках старшие по вагонам составляли списки людей и получали продукты. В дороге были выдана зарплата.

Приехали в Невьянск 6 ноября, поместили нас сначала в бараке, а через семь дней выдали ордер на комнату. В Невьянске я работал в центральной измерительной лаборатории юстировщиком, так, например, завод остро нуждался в индикаторах, и я в короткое время исправил несколько десятков индикаторов, выполнял и другие работы.

На Невьянском заводе в лаборатории лаборанты (одной из лаборанток была жена председателя местного райисполкома) ежемесячно организовывали сбор денег, белья, теплых вещей, кисетов и подарков. Благодаря помощи райисполкома, приобретали дефицитные в то время папиросы, махорку, продукты и прочее и посылали воинам на фронт с горячими патриотическими письмами...

...По прибытии в Невьянск, лучшее оборудование, эвакуированное из Рязани, было установлено в цехах Невьянского завода. Когда было разрешено для восстановления завода в г. Рязани возвратиться сначала первой, а позже и второй партии работников завода, администрация Невьянского завода, еще раз отобрав из оставшихся на дворе годные для себя и лучшие станки, разрешила остальные грузить на платформы... Лучших специалистов – токарей, слесарей и фрезеровщиков долгое время не отпускали...

Из Невьянска выехали в конце марта 1942 г., а в Рязань прибыли 19 апреля.

Территория завода, и склады были загрязнены, валявшейся повсюду гнилой картошкой, мусором. Цеха без станков выглядели мрачно, начали приводить завод в порядок, очень быстро стали давать на фронт оборонную продукцию...

18 февраля 1964 г.

ГАРО. Ф. Р-6257. Оп. 1. Д. 69. Л. 26–28.

Рукопись, автограф

К. И. Козлов

В 1941 г. завод эвакуировался на Урал в г. Невьянск. За время эвакуации, которая длилась всего 4–5 месяцев, завод сильно растерял как свои кадры, так и оборудование, кадры частично остались в г. Невьянске, а частично были отправлены на фронт или на работу в другие предприятия...

...Приехав из Невьянска в первых числах марта 1942 г., я на следующий день вместе с и.о. главного инженера тов. Фока А.Л. выехал в г. Москву по вызову Министра боеприпасов тов. Горемыкина Н.П. для согласования номенклатуры и плана производства завода после его эвакуации.

Во время войны вышестоящее начальство оперативно руководило предприятиями. Приехав в Москву, причем добирались до Москвы на автомашине два дня, так как были сильные снежные заносы, тов. Горемыкин рассказал о задачах, стоящих перед заводом, оставил нас в кабинете и заставил писать приказ, а сам занялся другими вопросами. Подготовив и оформив приказ, мы выехали в Рязань, после чего началась кропотливая и сложная работа подготовки завода, так как у завода почти не было оборудования и его приходилось собирать с различных заводов и приспособлять под изготовление нашей продукции.

В марте месяце 1942 г. завод начали восстанавливать в основном заново, так как оборудование, вывезенное с завода, обратно не отдавали, а приходилось брать и устанавливать только то оборудование, которое оказывалось лишним на других заводах или бесхозяйственно находящееся на различных станциях железной дороги.

17 апреля [1964 г.]

ГАРО. Ф. Р-6257. Оп. 1. Д. 54. Л. 11–15.

Рукопись, автограф

Д. В. Лычко

21 июня 1941 г. началась Отечественная война, и мирный труд был нарушен. Нашему заводу пришлось эвакуироваться на Урал в г. Невьянск, куда попал и я. Первая партия пробыла там пять месяцев с ноября 1941 г. по март 1942 г. и вернулась обратно на завод в марте-апреле 1942 г., остальные рабочие завода были в г. Невьянске до конца войны.

...Когда мы приехали, на заводе не было ни одного станка и никакого оборудования, завод выглядел неприглядно, на территории завода лежали вороха мороженой картошки, которую ссыпали сюда во время эвакуации, кругом грязь и захламленность. И вот перед нами была поставлена задача – восстановить завод.

Завод нуждался в топливе. По решению администрации завода была выделена бригада на заготовку дров в Криюшу, которую возглавил И. З. Прохоров. В эту бригаду попал и я. В бригаде было примерно 60–70 человек в основном престарелые рабочие завода, такие как Яковлев Гавриил Петрович, Ежиков Иван Иванович, конюх Обенякин Макар Васильевич с заводской лошадей. Там были и молодые ребята, которые, несмотря на трудности, показывали пример в работе на дровозаготовках зимой 1942–1943 гг. Это были такие люди как Алексей Холопов со своей молодой женой Зиной, Сергей Могучев, Шура Кабанова, Мария Лобова и многие другие... В этой работе нам помогали работники заводской столовой: повар Настя и официантка Нюра, которые своевременно готовили нам обеды.

Ну и немного о цехе, если до войны у нас работало большинство мужчин, то после войны их заменили женщины. У нас до войны работал столяр Бороздин Михаил, когда его взяли на фронт, рабочей на завод пришла его жена Ольга Бороздина, которая работала в цехе № 5, в настоящее время является передовой станочницей...

После возвращения из эвакуации наш деревообделочный цех представлял собой свалку. Все сушильные камеры были завалены, и только при дружной работе маленького коллектива, которым в то время руководил совместно с литейным цехом Бойко Иван Алексеевич, сумели восстановить цех, где много труда приложил наш начальник Пётр Юрьевич Полсан, который на примитивно сваренных из уголка рамах делал станины для циркулярки, сварочных и других станков...

[1964 г.]

ГАРО. Ф. Р-6257. Оп. 1. Д. 68. Л. 4–6.

Рукопись, автограф.

О.Д. Офицерова

Война, 1942 год. Завод только что вернулся из Невьянска и разворачивал свою работу. Я пришла работать на завод, на котором много лет работал мой отец Дмитрий Гаврилович Козбелевский. Он умер в 1944 г. в Невьянске, работая на заводе. Меня направили работать в литейный цех, в земельное отделение – «земледелку», как мы его называли, подсобной рабочей.

Моя работа заключалась в том, чтобы обеспечить готовой землей формовочное отделение. Я вместе со своей напарницей Садовой Валей в течение 12 часов подносила на носилках землю из нашего отделения в формовочное. Работа тяжелая, утомительная.

Мы не только носили готовую землю на формовку, но и приносили сухую землю в нашу земледелку, для изготовления массы для формовки деталей. Был такой замкнутый круг. После рабочего дня болели руки, болела спина, ноги отказывались ходить. Но комсомольская совесть, желание помочь своим отцам и братьям, заставила нас работать.

Молодежь, комсомольцы развернули в цехе социалистическое соревнование. Наша бригада состояла из пяти человек: трое из формовочного отделения и двое нас – из земледелки. Два формовщика Ребров Сергей и Васильев Михаил и подсыпщик – молодой 17-летний энергичный комсомолец Васин Павел и я с моей напарницей Валеи Садовой составляли одну из бригад нашего литейного цеха. Она была одной из лучших. Эти бригады носили название фронтовых бригад.

Примерно через год меня перевели работать бригадиром в стержневое отделение нашего литейного цеха. В бригаде было 20 человек, в основном молодежь, много работало комсомольцев.

Здесь работа также проводилась вручную, допотопным способом. Мы не только изготавливали стержни, но и сушили их в специальных печах. Готовые стержни укладывали на вагонетки, вагонетки вручную же закатывали в сушильную печь, держали их там часа полтора и вновь вытаскивали вручную, чуть ли не всей бригадой. Печь топилась дровами. О механизации можно было только мечтать. Готовые стержни подавались на формовку тоже вручную.

Наша бригада называлась комсомольско-молодежной бригадой. За руководство этой бригадой и организацию ее работы в 1943 г. ЦК ВЛКСМ наградил меня Почетной грамотой... К этому времени комсомольцы цеха, уже избрали меня комсоргом цеха. Комсомольская организация нашего цеха была небольшой – 20–25 человек, однако в общезаводском масштабе того времени она считалась одной из крупных. Молодежь была очень активной, боевой, энергичной. Активно участвовала, во всех субботниках, воскресниках, во всех мероприятиях, проводимых заводом. Активное участие принимала и в художественной самодеятельности.

Вспоминается секретарь комсомольской организации завода Ирина Косырева. Очень энергичная девушка и хороший организатор. В это время по ее инициативе на заводе проводились комсомольские «Пятницы». Это молодежные вечера отдыха. Этих вечеров молодежь ждала. Наша заводская комсомольская организация была одной из лучших в городе.

Примерно в конце 1944 г. меня вызывает к себе директор завода В.В. Новиков и говорит: «Товарищ Козбелевская, с завтрашнего дня на своем участке Вы будете работать мастером». Я стала отказываться. Плакала. Ничего не помогло. На другой день был приказ, я стала работать мастером. Работать было трудно: надо было приноравливаться, привыкнуть к каждому. Но работа у меня пошла.

В это время на заводе бывало много представителей из военного министерства. В 1944 г. правительство впервые наградило большую группу работников

оборонной промышленности. На нашем заводе было награждено 11 человек... В этой группе награжденных была и я. Меня наградили медалью «За трудовую доблесть». Медаль вручил мне сам М.И. Калинин в Кремле в октябре 1944 г.

Ехали мы в Москву ночью, в крытой машине В.В. Новикова. Кремля мы не видели. Нас провели и вывели из Кремля. М.И. Калинин вошел в зал ровно в 12 часов. Вместе с нами награждали большую группу военных. М.И. Калинин каждому из нас пожал руку.

Награда воодушевила. Хотелось работать лучше, больше, производительнее, отдав все свои силы для победы над врагом.

Новый, 1945 год все встречали с чувством уверенности в скором окончании войны. Завод уже готовился к выпуску мирной продукции для восстановления сельского хозяйства, однако и выпуск военной продукции не снижался – сказывался приобретенный опыт работы, сноровка.

Я тоже приновилась к работе мастера, узнала подход к людям смены. Работа мастера стала для меня интересной, понравилась мне, несмотря на то, что она отнимала много времени, была трудной.

И вот, наконец, наступил долгожданный день 9 мая – день Победы. Я работала в ночную смену (с 8 часов вечера до 8 утра). Примерно часа в 2 ночи в цехе появились начальник цеха, парторг завода Крутов Петр Григорьевич и два представителя обкома партии, они дали указание начальнику цеха: всем рабочим кончать работу и собираться в механический цех на митинг. Поток был остановлен, вагранки были выбиты.

Вся смена рабочих нашего цеха пошла на митинг. Когда мы пришли в механический цех, он был полон народу – весь завод прекратил работу. Митинг открыл парторг завода, который предоставил слово представителю обкома партии. Фамилии его я не помню. Он сказал о том, что война окончена. Его слова были покрыты бурей аплодисментов. Все кричали «Ура!» Было несколько выступлений рабочих, которые говорили о великом подвиге наших воинов, разгромивших ненавистного врага. Были и смех, и слезы тех, кто не дождался своих мужей и сыновей. Я вспомнила отца, погибшего в 1944 г. на трудовом фронте в Невьянске, куда он эвакуировался вместе с заводом.

Митинг окончен. Все уходят с завода и, хотя было очень рано, примерно пять часов утра, в городе было полно народа. На площади Ленина гремел духовой оркестр. Люди были какие-то ненормальные: кричали, обнимались, плакали.

Днем, вместе со своими подругами я ходила на площадь танцевать. Оркестр играл весь день до позднего вечера. Было много военных. Их приветствовали.

1 июня 1964 г.

ГАРО. Ф. Р-6257. Оп. 1. Д. 79. Л. 13–17.

Рукопись, автограф.

А. Я. Анурова

Шел 1943 год, военный год, беспокойный год, который принес много горя и слез тысячам людей. Мужчины ушли на фронт, остались женщины, старики и дети.

В заводах пустовали цеха, так как некому было работать. Меня вызвали в Горисполком и сказали: «Вы знаете, что в стране происходит напряженная обстановка, в заводе «Сельмаш» нужны рабочие руки, а их нет. Чтобы Вы ответили, если бы мы предложили Вам идти в завод и освоить профессию токаря?» Я ранее, когда в этом заводе работал мой муж, с завистью смотрела на него, и мне тоже хотелось работать вместе с другими – в цехах, у станков. Но я окончила курсы продавцов в 1938 г. и работала продавцом в Горторге, и мне как-то неловко было увольняться.

Но когда вызвали в Горисполком, я временно не работала, так как у меня родился второй ребенок, которому исполнилось 1 год 3 месяца. Я ответила, что мне и самой хочется работать, но как быть с детьми, которые не устроены в ясли и сад. Мне ответили, что помогут в этом.

Через неделю, 1943 г. 6 мая, я впервые пришла в механический цех. Первое, что мне бросилось в глаза – это станки, у которых стояли и работали молодые девушки, пришедшие со школьной скамьи, большинство из деревень.

Мастерами были два мастера тов. Гречищев Иван Павлович и Карякин Александр Николаевич. Слесарями-наладчиками были мальчишки молоденькие, пришедшие из ФЗУ, которые и сами-то почти мало что знали. Бригадиром были Малюгин Коля, Седов Виктор, Жогин Саша, Фадеев Петя – тоже молодые мальчишки.

Меня поставили ученицей токаря к молоденькой девушке Кузьминой Саше, я все удивлялась, как это у нее все получается быстро, она догадалась, о чем я думаю, и сказала: «Что, самой хочется попробовать сделать деталь?» – я сказала, да. Когда я стала обрабатывать первую деталь (а это была мина, вес ее 10 кг), подумала, быть может, моя мина уничтожит врагов хоть и не всех, но частично, а если мы, сколько нас есть, все будем выпускать хорошую продукцию, то поможем фронту в освобождении нашей территории от немецких захватчиков.

Ко мне подошла молоденькая беленькая девушка с печальным лицом – это Аня Танькина из Спасского района. Мы познакомились, она тоже работала рядом на токарном станке. После я узнала, что Аня сирота, ее воспитывает дедушка с тетей, Аня стала ко мне ходить, а также ее двоюродная сестра Дуся, которая находилась в Советской Армии, а ее полк находился в Рязани.

В обеденный перерыв девчата окружили меня – это Кузюшина Аня, Филина Саша, Горячева Настя, Долгова Маша и другие – и стали спрашивать меня о муже, о детях, а я их. Работа была очень напряженной и требовала большой точности,

но оборудование было старое, так как новое было эвакуировано на Урал вместе с квалифицированными людьми и еще не вернулось, а молоденькие девушки не имели опыта, и случалось так, что детали делали бракованные.

Буквально через неделю я увидела, как бригадир Жогин отчитывал Пенькову Галю, которая на чистовой операции сделала брак 21 шт. Мы подошли к ней и стали опрашивать, как получилось, а она, видимо, не переживает, а говорит и улыбается: «Я одну деталь померила – хорошая, а остальные не проверяла». Мы все очень возмутились ее поступком, а после окончания рабочего дня все собрались в красном уголке и строго осудили такой поступок Пеньковой. Она расплакалась, извинялась перед нами и в дальнейшем стала работать лучше.

Когда я освоила профессию токаря, к нам в цех забежала секретарь ВЛКСМ завода Ирина Косырева и сказала: «Девочки, нам надо в Вашем цехе организовать комсомольско-молодежные бригады». Мы согласились. И вот бригадыры: Тася Бельман, Клава Тарасова, Тоня Дунцова, Саша Нефёдова, Дуся Пчёлкина. Я вошла в бригаду Клавы Тарасовой, которая была моей землячкой из Рыбно-векового района, ей было 23 года. Муж у нее был взят на фронт с первых дней войны, а дочка Томочка шести месяцев умерла от дизентерии. Клава жила у матери в деревне Житово, ее же землячки – Моторина Вера и Пчёлкина Дуся. Клава была красивая, статная, с вьющимися волосами, в отмену от своих подруг, – с уравновешенным характером. Члены бригады я, Кузюшина Аня, Николаева Маша, Вера Моторина, Люба Мелешкова и Породина Аня – мы все любили и уважали своего бригадира. Бригады соревновались между собой. В нашей бригаде особенно отличались Породина с Мелешковой. Обе пришли с Ижевского района, деревня Малево, им было по 19 лет. Краснощекие, полные сил и здоровья, многие останавливались около них и говорили, что они, наверное, никогда не устают. Девчата смеялись и говорили: «На фронте тяжелее, чем здесь», – и продолжали работать.

Кузюшина работала не спеша, без лишних движений, а обрабатывала детали всегда много, с высоким качеством, мы старались равняться на передовых.

В соревновании между бригадами нашей бригаде было присвоено I место. Мы получили денежную премию и шелк на блузки, это в военное время считалось роскошью.

В октябре 1944 г. я получила письмо от командира части, что мой муж, Ануров Михаил Павлович погиб на Северном фронте и похоронен в братской могиле севернее г. Выборга «гора Каменная». Много я пролила слез, но старалась плакать так, чтобы дети не видели.

Девчата, особенно Люба Мелешкова, Аня Кузюшина, Аня Танькина меня успокаивали морально, и всегда у них находились деньги, чтобы мне одолжить выкупить паек. Я благодарна всему коллективу завода за поддержку и внимание, какое оказывали моей семье и мне.

Начальником механического цеха был в то время Бодров Николай Фёдорович, председатель цехкома – Цвеленко Надежда Алексеевна, которые очень внимательно относились к рабочим, к их нуждам и строго спрашивали с тех, кто провинится.

В начале 1945 г. у нас настроение было у всех хорошее, потому что на фронте наши войска освобождали города от немецких захватчиков, один за другим.

Вдруг заболела наша Клава – бригадир, когда мы шли с ней с работы, она мне жаловалась на горло, при этом говоря, что боится, как бы не задохнуться, уж очень больно горло. Это было в субботу, а когда мы пришли в понедельник на работу, нам сказали, что Клава умерла от ангины. Долго мы не могли забыть Клаву, да и теперь собираемся и всегда вспоминаем ее только хорошим словом.

В 1945 г. мы постепенно стали переходить на мирную продукцию, стали выпускать молотилки и картофелесажалки. К нам в завод прислали работать военнопленных немцев, они работали рядом с нами на токарных и сверлильных станках.

Бауман и Хук в перерыве нам рассказывали, что они крестьяне, работали в батраках у богатых фермеров и к войне, развязанной Гитлером, относились с явным неодобрением.

Однажды я не вышла на работу после очередной сдачи крови (я была донором три года и сдала шесть литров крови). Я почувствовала себя плохо и не могла выйти на работу. Когда на второй день пришла, ко мне подошли Хук и Бауман, спросили, не заболели ли дети, так как они меня видели, когда я вела своих детей из яслей и детского сада. Я, смотря им в лицо, ответила: «Я вчера отдала свою кровь раненым бойцам, если мой муж не вернулся с фронта, то быть может, вернется другой, которому введут мою кровь». Они посмотрели на меня и ответили: «Колосаль», – значит хорошо или молодец.

Кроме этих двоих, работали ещё два, особенно быстро освоившие русский язык, Шуберт и Вецель. У Шуберта отец имеет свой завод, а у Вецеля фабрику.

Однажды Шуберт подошел ко мне и сказал, как бы жалея, он тоже меня видел с детьми на улице: «Панинка, у тебя двое киндер (детей), а ты работаешь, да не на одном станке. У нас в Германии панинка дома, кухня, церковь», – не работают они у нас. Злость у меня на него была велика, но я как бы спокойно ответила: «Оттого мы Вас победили, Шуберт, что мужья там, а мы здесь», – он перекосился от злобы и отошел...

20 мая 1964 г.

ГАРО. Ф. Р-6257. Оп. 1. Д. 15. Л 15–23.

Рукопись, автограф.

А. Ф. Смирнова

...В июне 1941 г. началась война. Враг напал на нашу советскую родину, подошел к Москве и Рязани. Завод начал эвакуировать людей и оборудование на Урал в Свердловскую область в г. Невьянск. Я тоже эвакуировалась с заводом, с последнем эшелонам.

Помню, под 4 и 5 ноября 1941 г. враг бомбил Рязань. 5 ноября нас разместили в вагоны, где были устроены нары. На них мы спали и ели, а внизу на полу разместили свои пожитки, самые необходимые. Пищу готовили по очереди на железной печке, устроенной посреди вагона. Хотя мы и были погружены 5 ноября, но почему-то никак не могли двинуться с места. Вечером, наконец, сдвинулись, но ехали очень медленно. В Невьянск мы приехали через 25 суток. В дороге нас снабжали хорошо, при эшелоне был вагон с продуктами и на длительных остановках нам выдавали мясо, масло, сметану, крупу и другие продукты. В Невьянск мы прибыли в последних числа ноября. Там местные власти разместили нас по квартирам. Квартиры представляли заводские и жактовские, но в большинстве частные. Я была устроена в одну комнату с семьей, и мне была предоставлена койка. В Невьянске мне не пришлось работать на том заводе, куда влился наш завод. Меня включили в комиссию по ликвидации дел нашего завода, тогда он был под № 567. В этой комиссии нас было бухгалтерских работников человек шесть или семь. Нам отвели комнату в ремесленном училище, где мы и работали.

В первой половине декабря 1941 г. враг был отброшен от Москвы и Рязани, а в январе 1942 г. администрация нашего завода командировала людей в Москву для переговоров о восстановлении завода № 567. Примерно в течение двух месяцев вопрос был разрешен таким образом, что завод будет восстановлен. В марте 1942 г. людей и оборудование стали отправлять в Рязань. И я с последним эшелонам была отправлена на родной мне завод. Ехали мы ровно месяц и прибыли в Рязань 30 апреля 1942 г. Помню, как радостно было вернуться снова в родные места и в дорогой и любимый мне коллектив. Наш эшелон въехал прямо на территорию завода, где нас разгрузили, и развезли по квартирам. В первой декаде мая 1942 г. меня оформили на работу старшим бухгалтером по заработной плате с окладом 690 рублей.

Первое время мы не работали по специальности, а работали в цехах по восстановлению завода. Делали, кто что мог. Устанавливали оборудование, чистили, подметали и убирали цеха и территорию завода. После наведения порядка, стал завод работать, а мы, счетные работники, вернулись на свои места. Наша бухгалтерия, большая комната, была почти пустая. В ней сидело несколько человек, возвратившихся из эвакуации, а потом как на производство, так и в бухгалтерию стали приходить старые работники, которые не эвакуиро-

вались с заводом, и новые люди в качестве рабочих и служащих всех профессий. Бухгалтерии в цехах не было, весь учет был сосредоточен в главной бухгалтерии. С ростом количества рабочих на заводе требовались и счетные работники, квалифицированных было мало, набирались просто грамотные люди, окончившие семилетку, в большинстве – молодые девушки, пришедшие из сельской местности.

Группа по расчету заработной платы была самой большой группой, и руководить ею назначили меня. В 1943 г. в ней уже было 28 человек, из коих человек десять знали свое дело, а остальные были приняты учениками. Для меня этот период времени был очень трудным. Много пришлось работать самой и учить такое большое количество людей в процессе работы, требовать своевременную сдачу нарядов из всех цехов, следить за дисциплиной 28-ми человек и выдерживать сроки сдачи сводок на зарплату. Навести дисциплину было очень трудно. В нашей большой комнате (теперь она перегороджена на две половины) нас сидело около 50 человек счетных работников, причем не прививалось требование тридцатых годов разговаривать тихо, а просто перекликались через всю комнату, хотя и деловыми разговорами. Кроме этого к каждому работнику приходили из цехов рабочие для выяснения каких-либо вопросов, как в расчетную группу, так и в производственную, материальную и финансовую, и получался сплошной гул, и работать было тяжело.

В эти тяжелые военные годы с топливом было очень плохо, в бухгалтерии сидели все одетые и в перчатках с обрезанными пальцами. Позже посреди комнаты была установлена железная печка, которую мы сами топили чурбачками, с трудом добывая их в деревообделочном цехе. Работали много. Обязательных часов в день было 12, а выходных только два в месяц. Отпуска не предоставлялись, дома отдыха были закрыты, курорты захвачены фашистами.

С топливом в домашней жизни было еще хуже. Нам, красноармейкам, выдавался ордер на один кубометр дров на весь отопительный сезон, этого было, конечно, мало и многие из нас каждый день набирали хозяйственную сумку чурбаков в цехе и этим топили дома печку, иногда при наличии на заводе опилок, разрешалось взять несколько мешков. Света электрического дома не было, керосина тоже, а если был, то его хватало на моргасик. От систематического ношения на плечах чурбаков я заболела туберкулезом плечевого сустава. В лечении завод ничем не мог помочь, больничного не полагалось, инвалидности тоже. Все, что мог сделать для таких больных завод – выдавал карточки на дополнительный паек по справке тубдиспансера. Но с работы мы не увольнялись, я лично потому, что могла работать правой рукой. В последующие годы здоровье было восстановлено.

Снабжение было по карточкам, карточки отоваривались ОРСом при заводе. Кроме пайка по карточкам мы могли обедать в столовой при заводе. На рынке

продукты были страшно дорогие. Например, мешок картошки стоил 1000 рублей, а литр молока – 50 рублей.

Ввиду того, что большинство фабрик и заводов были переключены на военную продукцию, промтоваров выпускалось мало, и ОРС при заводе удовлетворить потребности каждого не мог. Наша одежда и обувь настолько подносились, что многие из нас, чтобы туфли не сваливались с ног, надевали уцелевшие галоши, и, придя в контору, не снимали их. Помню, главный бухгалтер Бузин А. В. обратил на это внимание и спросил: «Почему Вы и другие в сухую погоду и даже в конторе ходите в галошах?» Я ответила: «Потому, что на нас туфли разбираются по частям, и если мы снимем галоши, туфли спадут с ног». Помню, после этого разговора к 8 марта нам, нескольким женщинам, ОРС выдал ордера на пошивку обуви в мастерской, кроме этого нам предоставили легковую машину, на которой мы ездили в мастерскую и заказали туфли.

Итак, годы войны шли, мы трудились, не считаясь ни со временем, ни со здоровьем, чтобы быть достойными наших мужей, братьев и отцов, которые в это время сражались на фронтах Отечественной войны...

30 марта 1964 г.

ГАРО. Ф. Р-6257. Оп. 1. Д. 94. Л. 17–20.

Рукопись, автограф.

Будни Ижевской районной больницы в годы Великой Отечественной войны

Стояла суровая зима 1941–1942 гг. Вести с полей войны были безрадостными. В тылу люди работали не покладая рук, без скидки на возраст, недоедания, недомогания и болезни.

Ижевская районная больница жила своей жизнью, полной лишений и неудобств. Она почти не отапливалась из-за отсутствия топлива. Самое теплое место, где можно было как-то согреться, была кухня. Электростанция не работала, керосин отпускали скудно и с большими перебоями. Использовались для освещения самодельные экономные лампочки – «моргасики». Нередко ночное освещение больницы обеспечивалось светом горящих лучин. После таких ночей на всех больных и предметах их окружающих, выраженным слоем лежала копоть. Это особенно никого не тревожило и не обижало больных, наоборот, среди них были «знатоки» освещения лучиной с устройством к ней противопожарных приспособлений.

Водопровода в больнице не было, воду для нужд ее подвозили из близко расположенного озера на старой буланой лошади, почти не имевшей зубов. Возраст ее был приблизительно 20 лет или около того. Эта работяга питалась жидкими остатками от пищи больных и отваром, настоящим на сене. Кухарка тетя Дуня готовила пищу как-то так, чтобы что-то оставалось и лошади. Она строго следила, чтобы первая смывная вода, при мытье посуды, также не пропадала даром, а шла в корм лошади. В доброе довоенное время все хлебные остатки также шли в корм буланой этой лошади. Теперь это было только приятное воспоминание. Но всего этого было явно недостаточно. Сказывался и возраст лошади. Она слабела с каждым днем. С большим трудом она подвозила несколько раз в день по полбочки воды, а чаще только на дне ее. Коню требовалась замена, но ее не было. И в один печальный, день наш буланный конь пал прямо в упряжке с подвезенной почти к больнице бочкой с водой.

Положение создалось крайне тяжелое. В больнице было более 100 штатных коек. Пришлось персоналу носить воду из озера. Несмотря на безропотность и са-

моотверженный труд, обеспечивать даже минимум в потребности воды не всегда удавалось, да и основная работа персонала в больнице от этого страдала.

Безвыходность создавшегося положения привела к мысли приобрести в колхозе быков и обучить их езде в упряжке. На рязанщине не было принято ездить на быках или коровах. Так что опыта в этом у нас никакого не было. Обратились в райком партии, бывший первый секретарь Матвей Максимович Лунин при первом посещении отказался поддержать нашу просьбу: «Не справитесь вы с этим делом». Прошла неделя, снова заявление и просьба в райком партии и райисполком (председатель П.Г. Смирнов). Состоялось совещание, после которого из колхоза дали двух кастрированных симментальских красавцев быков. Провожали их колхозники, в основном женщины, в больницу с недоверием и усмешкой, привязав к саням, запряженным тощей колхозной лошастью. Я с конюхом сидела в санях, испытывала минуты радости и счастья от найденного выхода из создавшегося положения. (Какое разностороннее понятие «счастья» и как оно зависит от обстоятельств и всего окружающего!!!)

Демобилизованный житель Белоруссии со значительной потерей зрения Коля Санько сделал для быков деревянные колодки – хомуты, подобрал кое-что из упряжи. Особенно трудно было с вожжами. Веревок не было, и достать их было практически невозможно.

Началась тяжелая пора обучения быков езде в упряжи и подчинении их воле человека. Сначала многие сотрудницы-женщины и все девушки нашего коллектива изъявили желание принять участие в этом обучении – болели руки и плечи от таскания воды. Через четыре-пять дней обучение быков почти не продвинулось, и выяснилось совершенно точно предельное упрямство их. К ласке они относились сдержанно, даже повышение голоса вызывало в них приступы упрямства и зла. Положение создалось критическое, в какой-то степени оправдались прогнозы М.М. Лунина. Тогда было решено создать постоянную бригаду из девчат – Маруси <...?...>, Кати <...?...> во главе с Колей Санько и главным врачом. По два человека на каждого быка. Обучение быков проводилось вечерами по окончании рабочего дня в больнице – после 16 часов.

Обычно ездили на огороде и большом дворе больницы, чтобы не привлекать внимания населения, особенно, мальчишек. Хотя от мальчишек этот процесс нельзя было скрыть, их мы вынуждены были терпеть, и чтобы они вели себя тихо, не пугали быков, сажали по очереди в сани «прокатиться». В селе и за его пределами знали, что больница обучает быков езде. Некоторые насмешничали, другие сочувственно старались помочь.

Примерно через полторы-две недели Катя с Марусей стали регулярно возить воду, а в банные дни персонала обеспечивали водой не только больницу, но и общественную баню.

По поводу достигнутых успехов было всеобщее больничное ликование, в нем принимали участие и больные! К быкам стали относиться более уважительно, без насмешек. «Слава» об успехе быстро перешагнула за пределы больницы и села. Районное начальство приводило в пример наши достижения в этом вопросе.

Но в больнице было холодно, она почти не отапливалась. С трудом «выколачивали» топливо для приготовления пищи. У главного врача, да и у сотрудников, не местных жителей, прибывших в больницу в 1941–1942 гг. (эвакуированные, в их числе и главный врач) на столе мерзли чернила. В постель ложились, одевшись во все, что могло как-то утеплить.

Решено было просить еще о выделении больнице быков, обучить их и возить на них топливо. На сей раз просьбу нашу районное начальство поддержало.

Выделили нам еще трех кастрированных быков. В обучении их использовался приобретенный опыт и освоение характера этих упрямец. Всегда старались выпускать в упряжи первыми обученных быков, которые к этому времени уже неоднократно привозили дрова из леса, расположенного в четырех километрах от больницы. Дрова заготавливались силами нашего коллектива, который состоял из 86 человек, среди них было пять мужчин: два доктора, один фельдшер, один конюх. Каждый из них имел возраст более 65-ти лет. Один возчик 35-ти лет, который из-за плохого зрения мог ездить только на второй подводе.

Не обошлось без курьезов! Уже не один день вынашивалась мысль о выезде за дровами всем обозом – на пяти быках. Весь коллектив больницы знал о готовящемся событии, ждал его.

В один из суровых февральских дней 1942 г. утром, еще до восхода солнца, стали собираться к этому выезду. Настроение организаторов и возчиков было приподнятое, радостное, несколько тревожное.

Больные, укутавшись в халаты, одеяла, а некоторые укрыли плечи матрацами, сквозь замерзшие стекла окон, протирая в них пальцем «лунки», смотрели с любопытством на формирующийся «эскорт».

Наконец тронулись!! Первым выступал наш самый «умный» обученный бык! Что с ним случилось, сказать трудно, но только выехали с больничного двора, завернули за угол, доехали до учреждения внутренних дел (оно находилось почти напротив фасада больницы), наш «умник» лег посреди дороги. За ним, как по команде, в упряжи улеглись и остальные четыре быка. Возчики, выпрыгнув из саней, «деликатно» и ласково понуждали подняться быков. Картина привлекла всеобщее внимание. Мальчишки мигом сбежались, тихо гикали и свистели, поглаживая бока и морды быков. Присутствуя на обучении, они знали, что бить быков и кричать на них нельзя! Подоспевшие взрослые участливо старались помочь, поднять этих упрямец. Но все было напрасно!

Быки спокойно лежали на дороге, пожевывая жвачку. Пришлось давать команду выпрягать баков, и ночью на быках, а в основном народом, завозить сани обратно во двор.

Но эти неудачи, а порой и насмешки, не обезоружили, а скорее закалили, сплотили и организовали персонал. Низкий поклон и слава ему! Районное руководство поддерживало нас.

В дальнейшем наш транспорт пополнился еще одной недоной коровой (обучили ее езде быстрее, чем быков) и двумя лошадьми через военкомат. Одна из них была хромая, но добрая и сильная лошадь, у второй был слеп один глаз.

Описанный транспорт также обеспечивал обработку, посев, уборку и сенозаготовку в прибольничном хозяйстве (около 30 га земли и луга).

В результате всего выше описанного уже с первых месяцев 1942 г. в больнице и квартирах персонала стало тепло. Несколько позже загорелось электричество. На электростанцию наш транспорт завозил свою долю топлива.

Собранные в прибольничном хозяйстве продукты помогли наладить питание больных и частично сотрудников. Результатом этого с конца 1942 г. было увеличение количества штатных коек на 25 за счет организации межрайонного дистрофического отделения.

Было конечно трудно, очень трудно, но общая народная напряженность, организованность, самоотверженный бескорыстный труд персонала и молодость с ее дерзаниями сметали на своем пути, казалось бы, непреодолимые препятствия.

Так жил и работал на рязанщине тыл в годы Великой Отечественной войны.

27 октября 1978 г.

*ГАРО. Ф. Р-5594. Оп. 1. Д. 214. Л. 4–8.
Машинопись, 2-й экземпляр с подписью автора.*

О жизни в Рязани в годы войны

...Содня объявления войны 22 июня 1941 г. мои родители были мобилизованы на фронт сразу оба. Мы с братом остались одни в доме. Сидим с ним, плачем – мне было 15, брату 12 лет. На другой день мама вернулась домой, а отец уехал на фронт. Он призван был военкоматом г. Рязани – он был один в городе в должности начальника хирургического отделения полевого подвижного госпиталя № 4346 в чине военврача 2-го ранга. Когда он работал в госпитале, на колесах, он никогда не прятался от бомбежек, продолжал мужественно проводить операции. Если бы он ценил свою жизнь дороже жизни раненных, которых он оперировал, то он остался бы жив для нас, детей. Мы остались сиротами после его смерти, мы плохо жили, голодали, получая мизерную пенсию от государства. У отца было много наград, но самую главную награду – орден Красной Звезды он так и не успел получить, а был представлен к ней до гибели. О представлении к награде отец написал в последнем письме 15 апреля 1943 г. <...> Погиб он в Курской области на Курской дуге во время бомбежки поезда в тот же день...

После получения похоронки мы с братом стали плохо жить, для нашей семьи это был страшный удар, мама тяжело заболела...

Когда к Рязани подходили немцы, а было это 6 ноября 1941 г., мы с мамой, братом и двоюродной сестрой отправились из Рязани на поезде к отцу, который в это время работал в госпитале в г. Рассказово Тамбовской области. Когда отъехали от Рязани, слышна была бомбежка города. Когда отъехали на некоторое расстояние от города, нас чуть не выбросили из поезда. Случайно уцелели. Со станции ехали на подводе. В ту зиму были сильные морозы.

Отец нас встретил и устроил жить на квартиру, жили тесно. Я спала на кухне на сундуке. Училась в 9 классе. Учила уроки при керосиновом светильнике. Зиму мы прожили спокойно. С питанием было плохо. Помню, я ходила к отцу на работу, и там мне давали немного сахара, в день примерно граммов 100 кусочками. Я приходила домой и делила между всеми и хозяевами. Мне доставался один кусочек. Это было такое лакомство! Я была очень худа и слаба. Потом, весной в апреле-мае 1942 г. госпиталь отца двинулся из Рассказова на передовую фронта. Пришлось нам отца провожать. Летом этого года мы с мамой отправились обратно в Рязань домой.

Приехали к себе домой в Рязань и не узнали нашей квартиры. Все было разграблено, разбито. Стекла выбиты бомбежкой. Ветер гулял в доме. Много сил было затрачено на восстановление порядка в доме. Осенью я поступила учиться в 10 класс школы № 2 им. Крупской. Шла война. Хлеб покупали по карточкам, продуктов в городе не было. Я всегда хотела есть. В школе нам давали на перемене одну булочку. Иногда нас посылали дежурить в госпиталь, ухаживать за ранеными. Однажды мне пришлось сопровождать подводу, на которой лежали трупы умерших раненых солдат в госпитале. Они все были не одетые, застывшие в разных позах, прикрытые простыней. Их хоронили на Скорбящем кладбище. Сбрасывали в братскую могилу и закапывали. Это зрелище было ужасное. Запомнилось на всю жизнь.

Наша жизнь продолжалась в обычной трудной обстановке без отца в голодное время. Мой брат Володя в эти военные годы был подростком, учился в 7 классе.

Однажды к нам неожиданно пришли из милиции люди и потребовали, а вернее, стали делать обыск. Оказывается, мой брат, будучи без присмотра родителей, с товарищами собирал на свалке у вокзала Рязань-1 всякие отбросы войны – патроны и другое, таскал домой и хранил в подвале под квартирой. Они искали пушку, якобы хранящуюся у нас в доме. Конечно, никакой пушки у нас в подвале не обнаружили, но зато нашли много патронов и сломанных ружей. Хранение оружия в военное время каралось приговором трибунала. Но брат был несовершеннолетний, и за все должна отвечать мама... Но тут один из производивших обыск обратил внимание на фотографию нашего отца и спросил, кто это. Ему сказали, что это наш отец Анастасьев Яков Иванович. Оказывается, они знали нашего отца, и что он находится на фронте. Тогда прекратили обыск и, сказав – «Нам здесь делать нечего», – ушли. Так отец спас нашу семью и моего брата от больших неприятностей...

1996 г.

*ГАРО. Ф. Р-5624. Оп. 1. Д. 241. Л. 3 об. – 4.
Рукопись, автограф.*

«Мое бытие в период эвакуации»: из воспоминаний

...Получив справку с места работы, что я освобожден, а также трудовую книжку с поправкой, что освобожден с 18 октября 1941 г., я 31 октября вечером в период беспорядочной бомбежки выбыл в село Терехово к своей семье.

Взять с собой я мог только то, что в силах донести. На Рязанском вокзале я за взятку проводнику устроился в его отделении, но не надолго, народ прибывал, скандалил и впоследствии заселил все его отделение, а сам проводник куда-то сбежал. Набитый до отказа состав поезда вышел из Москвы часов в девять вечера под звуки взрывов бомб над Москвой и ее окрестностями, в затемненном состоянии. До станции Воскресенск доехали благополучно, далее поезд шел медленно до станции Луховицы. Вблизи станции Луховицы поезд остановился. Был уже день. Я выбрался из поезда и по линии увидел много поездов, выбывших раньше нас из Москвы, так же стоявших без движения. Осведомившись у дежурного по станции о причинах прекращения движения, я узнал, что между станциями Фруктовая и Рыбное разбит один разъезд, и сильно повреждено полотно железной дороги, ведутся восстановительные работы, и когда они закончатся, неизвестно.

После двухчасовой стоянки нас несколько человек решило идти пешком по линии железной дороги. Часть моих вещей взял один товарищ, направлявшийся в город Рязань, в одну из воинских частей, донести за плату. Ночевали мы в одном селе километров за двадцать от станции Луховицы. На третий день своего отъезда из Москвы мы пришли на станцию Рыбное, где было местное сообщение со станцией Рязань. Пешком мы прошли километров сорок. Со станции Рыбное мы добрались вечером до станции Рязань-II, а мне нужно было ехать до станции Рязань-I.

Добравшись пешком до станции Рязань-I, я увидел, все железнодорожные пути забитые составами товарных поездов, ждущих отправления на Урал. На одном из составов поездов я увидел на тормозной площадке людей, желающих ехать. Я их спросил, куда идет поезд и скоро ли? Они мне ответили, что поезд идет по направлению Куйбышева, и что должен скоро тронуться. Несмотря на их возражения, я тоже

пристроился ехать на той же площадке. Действительно, поезд скоро тронулся, и мы нормально проехали километров двадцать до разъезда Листвянка, где также было повреждено полотно железной дороги. Там мы простояли часов пять в ночное время. Был сильный мороз, а погреться было негде, помещение разъезда было разрушено. Единственное спасение от холода было быстрое хождение возле поезда. Ехавшие в вагонах-теплушках на далекое расстояние, нас не пускали даже погреться. Часов в 10 утра мы добрались до разъезда Задубровье, километрах в десяти от станции Шилово, места моего назначения, где тоже простояли часа два. Было много составов поездов, и наш состав поставили на запасной путь. Перебравшись на другой состав, стоявший на пути к отправке, я прибыл к месту своей новой жизни.

На станции Шилово и поселке я встретил несколько своих односельчан и вообще знакомых, которые расспрашивали меня, что делается в Москве, а я их спрашивал, что делается здесь, в селах. Сам до села Терехова я дошел пешком, мои вещи довез мой односельчанин И. Голышев. При таких обстоятельствах я расстался с Москвой на три года <...>

Домой к своей семье и родителям в село Терехово я пришел вечером 4 ноября 1941 г. С неописуемой радостью меня встретили родители, жена и сын. О том, что я приеду, я их не извещал, и, как видно, они меня не ждали. Жили они очень плохо во всем как питании, так и отоплении. Кое-что я привез, и мы из самовара попили чай с привезенным мною белым хлебом. Услышав о моем приезде, в этот же день, вернее вечер, ко мне пришли мой сосед И. С. Щербakov – обездчик лесничества и мой старый приятель П. А. Цицарин. После разговоров текущего порядка они заявили, что у твоих стариков нечем кормить корову, а у нас есть небольшой стог сена в лесу, мы можем тебе его уступить. За 500 рублей я купил у них этот стог сена, примерно весом 70 пудов. На второй день утром я увидел, что у моей семьи нет ни картофеля, ни дров для отопления.

Первое, что я сделал, это привез дров из лесу. Выпросил в бригаде колхоза лошадь, привез один воз сена для коровы. Веза два сена должно было остаться на месте, так как на второй день за отсутствием лошади я за сеном не поехал, а когда дня через три выпросил лошадь и поехал, то половина оставшегося от первого раза сена не было, кто-то пудов 20 украл. Картофель в то время был основным видом питания, но его в семье не было. Помню, наши тереховские бакенщики собирались в последний раз перед заморозом реки поехать на катере в Шилово, прицепив к нему большую лодку. Я попросил их взять меня с собой, чтобы в Шилове купить картофель. С нами вместе поехала и жена старшего брата Ивана, также жившая в Терехове эвакуированной.

В Шилове нам повезло, мы купили пудов 40 картофеля за 400 рублей, ссыпали его в находящиеся на лодке корзины и благополучно доставили в Терехово.

Наша поездка была 6 ноября, накануне Октябрьского праздника и перевезти картофель с лодки в дом никто не соглашался, а был сильный мороз, и кар-

тофель мог перемерзнуть. Выручила жена моего брата Ивана. Она пошла на пожарку, там дежурил ее племянник. Он запряг лошадь, и мы благополучно перевезли картофель домой.

Хотя наличие имеющихся у меня денег было истрачено на приобретение сена и картофеля, но нужно было достать что-нибудь из мясного. Я через несколько дней после своего приезда пошел в Шилово и там увидел своего старого знакомого тов. Миронова из Тырновой слободы, который ведал отделом торговли райисполкома. Он мне написал записку на получение 150 кг картофеля с тырново-слободского пункта и порекомендовал обратиться на бойню, где возможно получить кое-что из отходов. Одновременно он предложил мне работу в качестве заведующего Шиловской столовой Дома крестьянина, но я отказался.

На бойне я получил около двух пудов свиных голов по твердой цене. И так будто вопрос бытия семьи немного наладился. Нужно было устраиваться на работу в своем селе в кооперацию или в колхозе.

В один из вечеров я зашел к председателю сельсовета, своему односельчанину Устинкину, где был и председатель колхоза Чистяков, тоже односельчанин. Оба они были молодыми людьми и знали меня плохо, но что знали, все это было не в мою пользу. Из разговора я понял, что им не желательно устроить меня на работу в Терехове. С работой меня выручил все тот же знакомый тов. Миронов. Он позвонил мне из Шилова и предложил зайти к нему, сообщив, что есть свободная должность старшего бухгалтера в районном Сельхозснабе, где заведующим работает также эвакуированный тов. Каленов. Когда в Шилово завторготделом направил меня с запиской в Сельхозснаб, там меня с радостью приняли, оформив без всяких анкет на вакантную должность старшего бухгалтера с окладом 500 рублей.

На первое время мне в денежных вопросах помог сын Фёдор. При отправке на фронт в качестве военного врача, он оставил мне аттестат на 150 рублей в месяц. Моя работа, работа моей жены на молочном заводе в селе Терехове и аттестат сына давали на некоторое время возможность существования, но жизнь так быстро дорожала, что все, что мы получали деньгами, равнялось двум пудам хлеба, или пяти килограммам свинины.

В Шилове я жил в помещении конторы Райсельхозснаба. Хлебный паек по карточкам на себя и на стариков я получал в Шилове. Каждую субботу я приходил в Терехово к своей семье <...>

В период моего приезда на родину и в первые дни работы в Сельхозснабе было общее напряжение. Вражеские самолеты бомбили Шиловский район. Много колхозников было мобилизовано на рытье окопов вблизи станции Сасово, дальше Шилова по направлению на Куйбышев. В самом Шилове формировалась 10 армия. Из Рязжского и Сапожковского районов сгонялся рогатый скот по направлению к городу Касимову. Такая обстановка способствовала раздаче из запасов некоторых видов продуктов населению. У меня хорошо

осталось в памяти получение на организацию в количестве 10 человек одной бочки патоки и килограмм 20 конфет с Ибредского завода.

После ухода 10 армии из Шилова и поражения немцев под Москвой, настроение немного улеглось и весной 1942 г. было дано указание, рыть окопы вблизи Шилова по линии сел Новоселки и Желудёво, делая стык с рекой Окой. С наступлением весеннего распутия и половодья у меня была потеряна связь с семьей, что послужило ухудшением моего питания. Пробовал питаться в столовой Дома крестьянина, – там кормили такой бурдой, что после нескольких обедов я заболел язвой желудка.

В это время освободилась должность старшего бухгалтера на Шиловском рыбзаводе, и мне предложили ее занять. Мой начальник тов. Каленов согласия на перевод не давал, пришлось упросить его дать согласие на совместительство. На рыбзаводе до разлива полой воды была мелкая сушеная рыба, и, пользуясь ей, я с питанием немного ожил, а как только разлилась полая вода, в рыбзавод стала поступать из колхозов свежая рыба, и с питанием стало хорошо по тому времени.

Что же делалось весной 1942 г. на Шиловском рынке? Пуд муки стоил 1600 руб., мешок картофеля 500 руб., килограмм свинины 80–100 руб., масла топленого или сливочного 150–200 руб. Как было жить служащим с зарплатой 500 руб.?

В начале мая я с колхозниками нашего села послал мешок картошки для обсеменения огорода, и когда позднее пришел домой сам, то узнал, что картофель они съели, а огород обсеменили обрезками картофеля. И что же, картофель от обрезков родился, но не был большой. Вспашка огородной земли и посадка картофеля производились коллективно. Пахали землю сами люди, впрягаясь в сохи вместо лошадей.

В разлив полой воды я по болезни язвы желудка получил бюллетень на три дня и с попутной лодкой поехал к семье в Терехово <...>

...Мне нужно было возвращаться в Шилово. Желающих ехать было много. Кто-то выпросил большую лодку у рыбаков, и мы лесом, залитым водой, доехали до земли совхоза «Кулаково», где остановились немного отдохнуть. Когда мы сошли на землю, то перед нами открылось необычное зрелище: в небольших кустиках леса лежало большое количество скота, павшего в совхозе от недостатка корма. Считать количество никто не стал, но были сведения, что в совхозе весной 1942 г. из наличия 500 голов пало более 200. В меньшем количестве, но то же самое было и в окрестных колхозах, при наличии на Тереховском сепункте десяти тысяч пудов забронированного сена, где я частным путем достал сено для коровы своего отца. По пословице, лежит собака на сене, сама не ест и другим не дает. Сено осталось на другой год, а скот погиб.

После моего прихода на работу в Шиловский рыбзавод, был прислан из Москвы новый директор тов. Тимаков, бывший водник, любитель солидно выпить. В первую очередь он огородил в общей большой комнате конторы себе кабинет. В свободной комнате дома, где помещалась контора, устроил себе квартиру.

Потом он стал подбирать себе завхоза и кладовщика. К делу заготовки рыбы почти не касался, что колхозы привезут, то и достаточно. Правил на отпуск рыбы не соблюдал, он это делал в момент моего отсутствия, он ставил меня перед свершившимся фактом, чем создавал задолженность и финансовые затруднения.

В большинстве рыба отпускалась по нарядам из области воинским организациям, министерства внутренних дел, больницам, а прочим, что оставалось. У нас же получилось иначе: прочие получали все, что им полагалось и не полагалось, а основные получатели довольствовались тем, что было возможно.

Наш директор не мог пить ежедневно не менее пол-литра в день дорогостоящей водки на зарплату 500 руб. при наличии семьи в три человека. Мои с ним разговоры ни к чему не привели. Мои разговоры с главным бухгалтером областной конторы, а также директором только обостряли наши отношения. Руководящий состав района во главе с секретарем райкома тов. Петриным получал в разовом порядке и по списку рыбы, сколько им было нужно, и поэтому каких-либо мер к устранению злоупотреблений не принимали. Объяснения были просты: что поделаешь, война, всего не умотришь. А смотреть никто не хотел. В Шиловском районе были такие организации кроме рыбзавода: большой молочный завод и районная молочная контора, птицекомбинат, Союзплодоовощ и отделение мяскокомбината. Когда мы, главные бухгалтера, собирались в отделении госбанка, почти у всех была одна болезнь: все местное районное руководство получает без нарядов продукты как в разовом порядке, так и по спискам, но такого начальника-пьяницы, как наш на рыбзаводе, не наблюдалось.

В связи с натянутыми отношениями между мной и директором, он дал указание кладовщику отпускать мне рыбы в месяц не более одного пуда за плату на пять человек семьи. Конечно, я был этим недоволен. Для моего личного питания в Шилове в отрыве от семьи мне нужно было молоко, в получении которого мне помогал главный бухгалтер молочной конторы тов. Давыдов, он включил меня в список ответработников на получение 10 литров в месяц, что при моей болезни – язве желудка – было очень необходимо.

Наступила осень 1942 г. В доме моего отца развалилась печь. За ее перекладку печники просят два пуда хлеба или 3000 руб. Зарплата моя и моей жены составляла 700 руб., хлеб мы сами получали по карточкам в недостаточном количестве. Что делать, и где искать выхода. Первое, что я решил, это уйти с работы из рыбзавода и самому переложить печь. С рыбзавода меня освободили в начале октября. При консультации одного из соседей И.М. Чернышова я переложил печь, чем сэкономил просимую с меня сумму за перекладку <...>

1969 г.

ГАРО. Ф. Р-5039. Оп. 1. Д. 149. Л. 454–455, 460–462, 464–469.

Авторизованная машинопись, 2-й экземпляр.

Выдержки из дневников

22 июня. Что творится в человечестве? Народы обезумели. Крови, крови, крови! Двадцать первого – Германия объявила войну России в четыре–пять часов утра, и бомбардировали Киев, Севастополь, Житомир и Каунас. Того же числа по радио мин[истр] ин[остранных] д[ел] так оповестил всех, что ничем не затрагивала Германию. Ничего понять нельзя, можно только изумляться тому, что человечество свихнулось. Кто завтра ещё выступит? Вот она жизнь без Бога! В Рязани и других городах военное положение. Мобилизация. В газетах похвалой разнеслись, в призывных участках рёв. Призыв с 1905–18 гг. Самый цвет. Сегодня известия коверкаются. У нас отнят Брест-Литовск. Что это Германия стала «Бичем Божиим!» Опять жизнь расстроится! Надолго.

4 июля. Советское правительство издало положение о городах, в которых оно введено и между прочим в Ряз[анской] области. Правило за правилами. Бросились затемнять дома, мера против бомбардировок и нападения аэропланов. Суэта, и отчасти бестолковая. Бочка с водой, ящик и мешки с песком, ломы, жел[езные] лопаты, ведра, ходят по домам пожарные, проверяют особые лица, по домам дежурят с одиннадцати часов часов н[очи] до четырех д[ня]. Следят за «небом» и порядком. Газеты, не давая сведений, где что творится, описывают только геройские подвиги даже баб и ребятишек. Хвастовства много. Но трудно жить: многих из продуктов недостает, а что дальше будет? Призывают к бдительности насчет шпионства. Это война облегчит положение Англии. Америка будто очень сочувствует нам. Одежда вся на мне. Единственный храм закрыт, и мы остались сиротами. Мне скоро умирать, и похоронят как падаль. Грустно. Во время войны я родился и, видимо, умирать.

19 сентября. <...> Что идет на мировых сценах? Я не писал. Веет мир войной, но меня касается лишь то, что столько возмутительного, что я и не желаю даже отмечать наших измышлений и издевательств над народами. Да и народ ли мы? Сброд какой-то безвольный! Объявлена поголовная подготовка к военному делу от 16–50 лет. Нужду уже терпели – везде голод не от чужих врагов, от своих.

11 ок[тября]/29сент[ября] ст[арого стиля].<...> Война развивается до разрушения рус[ского] гос[ударства]. Общее наше – развал. По моему предсказанию, хотя не от одной причины. Двадцать пять – с бегства из Москвы, но не тех, кто виновник.

Из Питера тоже: с запада России на Восток. Петербург в осаде, Москва почти отрезана от юга, и Рязань глупо окапывается. Давай тёплых вещей армии. Коммунисты чужими боками расплачиваются, а сами только агитируют: давай, дура, коль много ещё. Стали самолёты наконец-то приближать к Рязани. Дом занят беженцами из Москвы – родственниками. Дров нет, едим продуктов мало, промышленных нет. На Ямс[ком] шоссе неуправляемый. Бедствие уже надвинулось, будто прокляты не немцы, а кто под немцем? Писать есть о чём, но сил нет. Спаси Христос или все погибнем, или кто и спасётся.

14 н[овый стиль] ок[тября]/1 ок[тября] с[тарый стиль]. Каждый день тревожные слухи по Рязани. Газетам верить не вечно – наконец они врут и безграмотно: Брянск брошен, Вязьма – тоже. Между Москвой и Рязанью железнодорожного сообщения нет. Москва взорвана бомбами. Паника в Москве: бегут. В Рязани первое же бежало военное ведомство в авто. Целый день и вечер Астр[аханская улица] запружена бегущими в авто. Военные прежде всего свои семейства отправляют в автомобилях и т[аким] об[разом] создают панику. Надеяться не на кого. Храбрецы? И я захватываюсь. Куда же? Не бежать же! Да и камо бегу? Одно место более безопасное: Борисково. А где силы? А до 75? Как всё совершится?! Кто будет лучше: немцы или свои?! Предали Россию!!

Что завтра будет? А чрез неделю – факт! Мне лично не жаль, но «Записки» – грустно. Пусть бы правда дошла! Разгромлена ст. Дивово, Алпатьево, мост через Вожу... Завтра и при нездоровьи пойду в город – разведать.

А беженцы из Москвы у нас в критич[еском] положении.

15 октября. Продвигался едва до почты: крысы бегут с гибнущего корабля. Военные грузовики увозят военное имущество. Против подвалов, казарм узкая улица груженых авто... Особой тревоги на улице не заметно. Племянник в семь час[ов] веч[ера] отправился домой в Борисково пешком. У Воскресения не выпустили до утра из города. Рожь пуд 120 р. на базаре.

17 октября. Мариуполь взят. Серпухов взят.

Корабль тонет: крысы всё бегут. В архивах бумаги жгут... Банк эвакуировался (деньги). Черного хлеба нет, половинчатый. Свинина 42 р. карт. Бежавшие в Челябинск возвращаются, т.к. хлеб там 40 р. карт. Уж лучше тут умирать с голоду. Кому когда. Думаю экономить. Кто хочет бежать, не задерживают. Детсады и дома эвакуируют. А мы жертвы власти.

Мой прогноз, почему мы не можем победить, оказался верен. П[отому] ч[то] у нас нет полководцев, генералов. До сих пор хвастали. Кем? Да ведь это была гражда[нская] война, да и не война, а бойня людей. Все наши герои революции – убийцы, бандиты, которые убивали безоружных по-бандитски. Но армий не было, следов[ательно] и умения направлять их не воспиталось. Кто эти Будённые и прочие говённые! Мужики! А командование [требует] науки, опыта. Вот почему сейчас армиям нет сражений. Они взяли подачу развращением народа,

армии, нравов, всего. А тут с денщиками имеем дело. Они долго очень рассчитывали на пропаганду и поэтому прибегли к ней... но просчитались... А мы... Мы вынимаем каштаны из огня англичанам. Мне это ясно было с самого начала. Где же бахвальство в первых рядах наших главков? Однако сквернословием пьяного мужика... не побеждают.

Вот и гибнут мои собратья – архивы и музеи. А моя личная краеведческая литература обречена на гибель и никуда её не спасешь. А сколько уник! Погибнут все записки мои. Их не заменишь и не воссоздашь...

Только о них я болею!...

18 октября. Слухи всё новые. А крысы бегут. Я отношусь равнодушно к непорядкам в доме. Слухи. Бомбардировали Курский вокзал в Москве; строят баррикады. Думают, что это с юнкерами. Новый приказ по Рязани, от 24 ч[асов] до 6 [часов] – нельзя ходить. Что имущество жалеть, коль гибнуть. Никто кроме Бога не защитит. Сегодня выходил гулять. Ложусь. Как смутно на душе! Что будет завтра? Везде окопы роют. Для чего?

19 октября. Снег на половину четверти, и дождь готовится идти – и думаем, к чему? Масло 40 р. кар. Вставляли зимние рамы, и думали: бомба и всё прах.

21 октября. Оказалось, что Одесса ещё 18 (?) сдана. Воображаю, что с собой утащили защитники! Немцам осталась Одесса внешняя. Тоже теперь идет в Москву: спешат захватить побольше народного достояния и бегут на авто. Передавали сегодня, что рабочие перехватили авто своих Главков, нагруженные всем, даже мешками сахара...

В Рязани – тоже: тащи, пока есть что... То же и в учреждениях. Видел, архивы жгут. Это достоверно. Бедная Россия. Ты уже больше такую не будешь. Сходить бы в музей: что с его богатствами думают делать. Впрочем они давно... что? Куда? Вся Россия, что и уцелело, разграбляется, что осталось. Что же останется, если даже немцы и не победят? Всё равно... Грабь! Сарынь на кичку!...

Слухи. Москва в осаде; сообщение прервано. Когда это было? Двести лет тому назад. Да и то не было такого события... На этой неделе, по моему сообщению, дело выясняется, но не кончится. Предположения всякие можно делать...

Настроение угнетенное... Куда идти? Ничего не знаем, все бегут. А мы жертвами?

25 ок[тября]. В пятом часу в Рязани была тревога воздушная. Засуетились все. Я невольно поддался холодку. Говорят, где-то сбросил пять бомб (Дягилево), а одну в городе, и будто пожар произвёл. Все нервничают. Говорил мне Н, что некоторые бежавшие из Рязани, возвращаются, негде жить, да и хлебушко туго дается. Что будет с нами, стариками? Боюсь, как бы нас не стали сгонять с хлеба из города. Да на что немцам Рязань – не по дороге...

Что нынешняя ночь нам подсунет? Наши аэро беспокоятся. Привлекают к работам всех до 50–60 л[ет], кроме беременных и больных, и занятых в учреждениях.

26 октября. Воскресенье. С утра оповестили служащих, чтоб шли на работу в свои учреждения. Что такое? <...>

27 октября. Набрался храбрости ходил, вернее – ползал за пенсией. Что долго не были? – Отв[ет]: «М[ожет] б[ыть], это в последний раз». <...>

Пишут, что на улице Тверской идут бои... А комаровская пресса обратит Рязань в неприступную крепость! Тупость!... Сын дежурит ночью пожарником от налётов. Безумцы! Что вы льёте кровь?...

28 октября. Ночью всё завалено снегом. Днём осталась классическая грязь, если такая бывает. Около Ростова и Харькова – немцы. А мы всё усаживаемся. Где делось продовольствие в Рязани недвижимое. Топлива нет. Ещё какой-то комитет обороны. А всё те нелюди, что допусти всё это. К Ростову ближе...

30 октября. Вот и Харьков отдали. А мы всё носимся со своей Рязанью. Станут ли они лоб расшибать из-за нас? А мы кричим, что обращаем её в неприступную крепость. Чем? Разве тем, что вокруг поля орошения?!

31 октября. Новое тягчайшее испытание. Сыну объявлено воен[ным] начальством, чтобы он с семьёй убежал из Рязани на север[о]-вост[ок], напр[имер], Туму. Еле пишу и т[ому] п[одобное], п[отому] ч[то] Рязань будет под обстрелом. Срок 48 часов. Что делать? На кого старика меня оставят. Куда? Не придумаешь. Транспорта никакого нет. Ужас. А московские родные на кого остаются? А мы с Верой? Бедная девочка! Что же с нами будет? Господи, защити! Помоги. Всё прахом пойдёт: я не жалею дома, библиотеки? А дочь? Царица небесная, заступись! Я без того умираю. Ничего не придумали. Сегодня кое с чем сходил причастился перед смертью. Никуда не могу, да и не поеду. Ну. Погибну! Значит, так Бог попустил, он знает, за что и для чего. Жаль мою дочь!...

Ноябрь 1. <...> Сын завтра уезжает. Больно мне, тяжело. Что я буду с домом делать, немощный. Внучка оставлена в Рязани. Грязь невылазная, Боже! Кругом слёзы! Дочь, бывало, неунывающая, плачет, смотря на брата. У него сердце. С давлением. А завтра ехать. У меня, уже и слёз нет: все убиты: убийцы!... Так уходить в могилу!... Я сознаю, что я согрешаю, но, Ты милосерд, помилуй!... Думает в Пителино

2 [ноября]. Сегодня в 10 ч. у[тра] уехал сын с Лиз[ой] на пароходе в изгнание. Куда? В пустое пространство навек в сторону от Рязани. За что? Твои физиономия нам не нравится. Куда? Поехал на пароходе до Спасска пока. А если там не приютят! Кто? Это ужас! Безчеловечье! Мы поплакали. Он больной. Ещё накануне 39° температур[а]. В правом легком задыхается. Но при нас нет человечности. А мы остались здесь в жертву войны: два старых и больных тоже, хворых! Всё хозяйство мое обречено на гибель. Дом обречен на разрушение: значит, под бомбы немцев и разграбление своими. Вот и имущество создалось трудом своим. Что завтра будет?

4 [ноября]. В газетах – нескончаемое пустословие. Нового ничего. У нас копают, где не застроено. Идут субботники у служащих, тоже копают, конечно,

не знают сами что? Будем уповать на Бога. Только он спасёт нас. Спас от чужих и своих. Где ты, сын? Остановился ли где? Было хорошее – солдат и человек, а теперь – людоеды. Что они грызутся? Всем бы хватило всего. А мои представления, что вавилонское столпотворение наступает – оправдались.

6 [ноября]. Вчера Скорбящая Б[ожи]я Мат[ерь]. Праздник, и мы скорбим. В Н[оч]асов была тревога, о которой оповестила Ира, дежурная по улице. Мы бросились с захваченными вещами во двор. Слышали выстрелы и стуки. По воздуху летят огненные шары... наши головы задирали вверх... не видно... это залпы зениток, где?... улицы пусты, замерли, было второй час ночи. Жуть. В свою нору не пошли: она плоха, да и через сад. Боялись осколков бомбы. Сбились в сених пред выходом во двор. Полная беспомощность. Так толкались до двух с половиной часов ночи. С трех [часов] я лег спать и дочь, и все. Волнение большое. Когда этого нет, храбришься: а тут заволновался: зубы щелкают. Какая гарантия? По справкам сбросили бомбы в РИК – не попало; повредило второе училище (б[ывшее] дух[овное] учил[ище]). На Левицкой – дом поврежден; есть убитые и раненые. На Селезнёвской – тоже, в один новопостроенный огромный дом [попала бомба] – тоже повреждения. И ещё где-то. Охоты нет собирать сведения. По-видимому, по дороге от Москвы, болтают, что 27 сам[олётов]... Небо было ясное, с глазастой луной. Светло было. Думаем, что сегодня ночью будет серьезное. Оч[ень] благоприятно. Светло, но с облачками. Мы уснули пораньше, чтобы бодрее быть несомненно тревожную ночь... Я уже сижу. Кое какие вещи завязали в узелки – с собой – куда?... Маловеры! Вспомнил бурю на Геннисаретском озере... Да молодцы мы! Что есть человек?! В деревнях этого страха нет. Вот где ничтожество поймёшь! Я приготовился оставить всё. Имущество моё стало как бы чужим и злым – как будто и жалко своих трудов. Большой мороз сковал жёстко землю; а молодые яблоки не окапаны. Сегодня и вчера кое чем обложил их. Ведь почти уверен, что не увижу их, однако стало жалко, как живых. А люди неистовствуют и себя истребляют безумцы!... Народ всё гонят из деревень на войну. Все с мешками. Мне кажется, что перестаю размышлять. Гонят и гонят, из города на возах уезжают... В Борискове лучше бы было, но у меня – перевал. Если б меня кто подхватил... а дочь? Я её не оставлю одну. Дом бы бросил, пожалуй, если бы вся семья собралась. Сыну плохо, но он приезжал сперва. За нас огорчён, где он теперь? 11 часов... собрались наружу.

7 [ноября]. Сегодня – что? Сегодня всё завалило. Пасьянс вышел, что благоприятно обойдётся. Всё эвакуируют..., а мы ноги уносим.

8 н[оября]. Воскресенье. Ночь покойно. Днём в 3 [аса] тревога – Губком. Опять все взбаламутились. Слышны были удары. Чрез час всё улеглось. Говорят, где-то сбросили бомбы 11 сам[олетов]. Боже, что за жизнь. Ночью ждём. Вчера я ходил смотреть разрушения, что за вчерашний бомбардир[овки] на Левицкой – дом РИК – стены побиты. По левую сторону – во дворе два знакомых мне

старых домика – полуразвалины: от сотрясения старый мезонинчик свалился. Они были очень стары, из досок. Это знакомые мне: дом бочаров-водопроводчиков и вторая квартира – часовщика знакомого. Сегодня пожара нет, против них на правой стороне (быв[ший] Радужкевича) – стёкла выбиты.

На Соборной – духо[вное] учил[ище] – все стёкла выбиты. Внутрь не входил, напротив с левой стороны в некоторых домах стёкла побитые заделывают фанерой! Напротив дом, где была тоже знакомая мне квартира Победоносцева Д.П. На Селезнёвскую не ходил. Там, говорят, четырёх эт[ажный] дом стоит разрушен сильно...

Удары были слышны. На Абрамовской дом старенький низенький Злобиной – развален. Будто там валились бомбы. Из города бегут и увозят имущество. А мы что?.. Что это – маразм или вера в Провидение? <...>

14 [ноября]. Новые ужасные подробности бомбардировки Рязани. Убитых больше. Дома большие есть повреждены. Один четырёхэтажный на Московской улице. Бегут. <...>

11 [ноября]. <...> Слух, что Михайлов обстреливается из боевых орудий. Что мы будем делать, когда осада Рязани будет? Погибнем, конечно. Спасти Москву не Рязань. А холод, мороз сегодня большой, злой северный ветер. Немцу м[ожет] б[ыть] карачун. Я в этом чувствую спасение Москвы и тогда и Рязани. Не могу я бежать никуда – я совсем болен. Всё в запустении. А что же делать мне с беженцами?... Что ночь принесет?... Бедная дочь измучилась: есть нечего! Картофеля нет. Приказ: с одиннадцатого [с] пяти ч[асов] у[тра] пешком и езда ни в чем, ни на чем – не допускается...

От сына вести плохие: он болен: как бы не пропал! Господи, помоги нам...

14 ноября. Что будет нынешней ночью? Московские беженцы не могут отсюда выехать Москов[ской] жел[езной] дор[огой] ни на авто. А я [боюсь] бомб. А народ гонят... Жуть, жуть! Холода страшные. Куда же больному бежать!

17 ноября. Уехали московские беженцы (шесть чел[овек]). Наняли с большим трудом два тёплых автомобиля, частных шофёров до Москвы по 500 руб за каждый. Закупали с собой провизии (гусей, мяса, масло сливочное. Гуси по 60 руб), а шофёрам закупили картофеля, который в Москве шесть-семь р[уб]..., но теперь он поднимается до 20 р[уб]. Поехали быстро; приедут к вечеру; выехали около двенадцати часов и быстро. Бабушку насилу посадили. Расстались со слезами: три месяца прожили у нас. Бабушка говорит, что б умереть в кругу своих и у себя в Москве. Я думаю, что так покойнее – на большом пространстве – бой. А у нас – негде укрыться. Против окон нашего дома роют что-то. Баррикады или что. Всё равно – могилу себе роют. А это и так. В общей свалке – нас как мух передавят. <...>

Всё разорят и сожгут... и теперь хуже. Ходят слухи, что все заборы и сарай будут ломать от пожара. Мой дом пострадает, п[отому] ч[то] на дороге и на краю

города. Вот и всё!... я стал разрушительно относиться к своему имуществу: что собирал прежде – бросаю; что можно – то в печь – дрова; садик гибнет, прививки остались неоконченными и незамульчированными. А сколько труда и любви потрачено. Убежище плохое и не моё. Спасёт ли оно от чего-нибудь. Большая часть этого дома забыта. Может быть, смерть будет и легче, чем ожидаешь. Одна надежда – но Бога: избави от напрасной смерти! Народ гонят и гонят. Бегут все [неи]мущие. А мне куда? В Борисово в моё; но что имеется там. Хлеба там и в доброе время мало. А как туда добраться (35 в[ёрст]). Подводу нанять невозможно; а может и неумно. Ведь и здесь оставаться на верную смерть: но хлеб ещё дают и кое-как питаются. Как мне больному лечиться? И так, всё, что любил собирать (книги и т.п.) всё погибнет ни за что. И это видишь уже сейчас. А что с внуками будет и дочерью? <...>

21[ноября], суб[бота] <...> Бомбёжки пока нет. Копают повсюду, и что толку? Керчь взята – значит, дорога на Кавказ открыта. Ничего не знаем, что делается помимо Рязани. Сегодня одну внуку гоняли копать окопы в Семашко. Устала, грудь, ноги. Опять работы по копанию, всех гонят. Отдыха не дают. Вот и фараново время! Какая разница!

23 [ноября], пон[едельник]. Известие о взятии Скопина. Конечно, к нам ближе, но что толку? Зима не даст взять Москвы, но нам смерть. Мы оставлены. Говорят, 50 дивизий с востока снято к Москве, и Москва обтянута сплошным кольцом пушек. Поздно для немцев, а народ всё гонят: мальчишек много. Да, мяса не жалко. Так надобно быть героями самим. Больше всех трусят партийные. Америка и Англия – задавят несомненно – отдохнули за наш счёт. Куда со Скопина? Рязань? – Рязань? На что им Рязань? – А у нас расхищение задаром. Топить нечем. Не жаль имущества. Ни из Москвы, ни из Спасска нет ни известия. Увижу ль сына? За что разлучили нас?

25 [ноября], ср[еда]. Новые вести в городе: Михайлов отдали покойно – нет у нас танков. Идут на Рязань. Бросили прокламацию, что сегодня (25) – будьте покойны, а 26 будут Рязань бомбить... Захаровские выселки заняли. наших запасных гонят в Сибирь, а оттуда к Москве. Всю ночь бегут на Сасово учреждения <...>

27 [ноября], четв[ерг]. Вот и явь! Рязань объявлена на осаде! <...>

28 [ноября], пят[ница]. М[ожет] б[ыть] последняя для меня ночь. Сегодня около часа дня совершен налет на Рязань... я дремал в кровати и слышал удары глухие и не придавал большого значения им... но встал и увидел встревоженных людей около ограды храма.

Кучка милицейских около ограды. Оказалось на Первой Пролетарской улице – разрушили дом... стена другого, каменная, упала. На Соборной [улице] Рязанского дух[овного] училища попали в убежище и похоронили всех там. В Пролет[арской] детский дом с 50 детьми. Молочный рынок весь разбит, есть убитые две женщины, приехавшие. Наши болваны бегут из города <...>

29 [ноября]. Субб[ота]. Дни осады Рязани. Бомбят. Целый день аэропланы низко летают над городом, бросают, где зря. Зенитки ночью не воевали. Говорят, за 30 вёрст от Рязани. Сегодня поезда обстреливали на Рязани второй. Бегут, уезжают <...>

Декабрь 6. <...> Что делается на белом свете, никакой возможности знать. Газеты наши не газеты, а балабоны. В России – что тоже не узнаешь – звонят похоже на то, как на пасху заберётся на колокольню пьяный парень и начинает мешать колокола. С живою речью не встречаешься: дочь приходит со службы в семь ч[асов] веч[ера], а уходит в 8 у[тра], но глухая – ничего не знает; внуки тоже почти ничего не знают. Где немцы от Рязани? Наши стратеги конечно «что-то» строят из «щепок». Сейчас удары... стуки нехорошие. Не последняя ли отсрочка? Сижу один: тревожиться или нет? Окна ставнями закрыты в два часа дня. Как будто идёт подготовка к переходу в «тёмный мир». Жаль с Верой расставаться: но и такая не жизнь, а задыхание. На перекрёстке краевых улиц – ямы и баррикады строят; ломают заборы и сараи. Встанем завтра – всё голо, а мародёры этим пользуются <...>

7 [декабря]. Вчера целый день тревог. [С] часа – [до] трех усилилась бомбардировка. Два с половиной [часа]? Сидели мы с соседями в прихожей нашего дома. В убежище – холодно. Два раза собирались. Стены дрожат. Двери на крючок. Пожар был третьего, [в] ср[еду], – горели до утра артиллерийские казармы на Моск[овской] улице. Три дома на Ямской разбиты; в Троицкой есть убитые <...>

1941 г.

ГАРО. Ф. Р-2798. Оп. 1. Д. 99. Л. 100–111.

Рукопись, автограф.

Публикация: Яхонтов С. Д. Воспоминания 1917–1942. Т. 2.

М.-Рязань, 2017.

Сведения об авторах

Анурова Антонина Яковлевна (1918–2002) – токарь завода «Рязсельмаш», Герой Социалистического труда.

Артемяева Лариса Яковлевна (1925–?) – жительница г. Рязани, дочь военного врача 2-го ранга Я.И. Анастасьева (1896–1943).

Архипкин Матвей Фёдорович (1891–после 1969) – уроженец с. Терехова Шиловского района Рязанской области, в годы войны – житель г. Москвы.

Бабаев Николай Михайлович (?–?) – персональный пенсионер союзного значения, в годы войны председатель Сасовского райисполкома.

Балакирев Николай Гаврилович (?–?) – военный инженер, в годы войны начальник Областного автоуправления и начальник спец. автоколонны ГКО, председатель мобилизационной комиссии по поставке автомобилей в Красную Армию.

Бодров Николай Фёдорович (1900–?) – токарь завода «Рязсельмаш».

Греков В. (?–?) – редактор районного радиовещания Скопинского района Рязанской области.

Капралов Александр Сергеевич (?–?) – заслуженный учитель школы РСФСР, в 1965–1985 гг. – директор Рязанского областного института усовершенствования учителей.

Козлов Константин Иванович (?–?) – работник отдела главного технологи завода «Рязсельмаш».

Курбатов Иван Никитович (1910–после 1974) – в годы войны начальник Рязанского паровозного отделения.

Лащёнов Виктор Васильевич (1926/27–?) – учитель средней школы в с. Захарово Захаровского района Рязанской области.

Лычко Д.В. (?-?) – модельщик деревообделочного цеха завода «Рязсельмаш».

Майоров Леонид Львович (1899–?) – начальник ОТК инструментального цеха завода «Рязсельмаш», член редколлегии, редактор заводской малотиражной газеты «Вагранка».

Мацнев Иван Митрофанович (1904–после 1977) – в годы войны начальник Рязанского отделения Московско-Рязанской железной дороги.

Офицерава Октябрина Дмитриевна (1924–?) – рабочая, бригадир строжневского отделения, мастер литейного цеха завода «Рязсельмаш», комсорг первичной организации ВЛКСМ, делегат XXII съезда КПСС.

Пиковская Ирина Ивановна (? –?) – ветеран службы переливания крови, в годы войны работник Рязанской городской станции переливания крови.

Пиковский Николай Евгеньевич (? –?) – врач-хирург, в годы войны хирург больницы им. Семашко.

Рюмин Николай Васильевич (?–?) – начальник производства завода «Рязсельмаш».

Смирнова Александра Филипповна (1903–?) – бухгалтер завода «Рязсельмаш» в 1931–1958 гг.

Соколов Василий Алексеевич (1901–?) слесарь, помощник начальника инструментального цеха завода «Рязсельмаш», в 1954–1961 гг. преподаватель труда (слесарное дело) подшефной школы № 15.

Соколова Елена Владимировна (?–?) – сотрудник Рязанского областного краеведческого музея (до 1958 г.), в годы войны медицинская сестра в госпиталях г. Рязани.

Сторожева Александра Михайловна (1920–2004) – заместитель директора ГАРО по научной работе, в годы войны медицинская сестра госпиталя № 3013.

Суляев Георгий Матвеевич (1928–2008) – капитан 1 ранга, главный инженер НИИ ВМФ. В годы войны секретарь комсомольской организации железнодорожной средней школы № 17 г. Рязани.

Суляев Роман Матвеевич (1926–1996) – советский физик, заместитель директора Института физики высоких энерготехнологий, лауреат Ленинской премии 1970 г.

Хоецян Георгий Яковлевич (1911–1998) – подполковник в отставке, мастера спорта СССР. В 1937–1941 гг. Осенью 1941 председателя Рязанского областного комитета по делам физкультуры и спорта. Командир роты Рязанского добровольческого полка.

Черкасова Нина Семёновна (?–?) – кандидат медицинских наук, консультант акушер-гинеколог 3-й областной клинической больницы. В годы войны главный врач Ижевской районной больницы.

Чернышов Фёдор Петрович (1912–после 1984) – майор в отставке, в 1939–1983 гг. работник рязанского областного военного комиссариата военкомата.

Шишкова-Солоха Серафима Ивановна (1916–2005) – в годы войны старшая медицинская сестра госпиталя № 2986, командир кадровой сандружины Рязанского городского комитета Красного Креста.

Яхонтов Степан Дмитриевич (1853–1942) – рязанский историк, архивист, педагог, председатель Рязанской губернской учёной архивной комиссии (1905–1918), хранитель фондов (1918–1921), директор (1921–1928) Рязанского губернского историко-художественного музея, главный уполномоченный по Рязанской губернии по устройству и организации архивного дела (1919–1920), и заведующий Рязанским губернским архивным бюро (1920–1928).

Список использованных фондов Государственного архива Рязанской области

- Р-2798. Яхонтов Степан Дмитриевич (1853–1942), личный фонд
Р-5039. Коллекции краеведческих материалов
Р-5594. Коллекции материалов по истории здравоохранения Рязанской области
Р-5624. Коллекция материалов участников Великой Отечественной войны Советского Союза против гитлеровской Германии 1941–1945 гг.
Р-6257. Коллекция материалов и воспоминаний ветеранов по истории завода «Рязсельмаш»
Р-6862. Сторожева Александра Михайловна (1920–2004), личный фонд

Список сокращенных слов

- БГСО – Будь готов к санитарной обороне (комплекс норм)
БОВ – Боевые отравляющие вещества
БУС – Большой учебный сбор
ВНОС – [Войска] воздушного наблюдения, оповещения и связи
ГКО – Государственный комитет обороны
ГСМ – Горюче-смазочные материалы
ГСО – Готов к санитарной обороне (комплекс норм)
ГТО – Готов к труду и обороне (комплекс норм)
МВО – Московский военный округ
МОВУ – Местные органы военного управления
МПВО – Местная противовоздушная оборона
МЭП – Медико-эвакуационный пункт
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НКПС – Народный комиссариат путей сообщений
Облзо – Облздравотдел, областной отдел здравоохранения
ОРС – Отдел рабочего снабжения
ОСОАВИАХИМ – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству
ПВХО – Противовоздушная и противохимическая оборона
РИК – Районный исполнительный комитет
РОКК – Российское общество Красного креста
СО – «Серго Орджоникидзе» – серия грузовых паровозов
СОКК и КП – Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца
ФД – «Феликс Дзержинский» – серия грузовых паровозов
ФЗУ – Фабрично-заводское училище

Указатель имен

- Аверина З. 27
Алабин 60
Алабян 44
Александрин 16
Алексеева 104
Анастасьев В. Я. 140
Анастасьев Я. И. 140
Анашкин К. П. 72
Андрианов Ф. Ф. 22
Андрянова О. 82, 84
Андрянова Т. 82
Аношкина В. 101
Антонов Е. 77
Антонов И. А. 48
Антонова Н. 101, 112, 113, 116, 117, 119
Ануров М. П. 130
Анурова А. Я. 129
Артёмьев 14, 16
Артёмьева Л. Я. 7, 8, 139
Архипкин И. Ф. 143
Архипкин М. Ф. 7, 8, 141
Архипкин Ф. М. 143
Атурин И. 42, 43
Афанасьев К. А. 23
Бабаев Н. М. 7, 38, 45
Бабанина С. С. 68
Балакирев Н. Г. 7, 20, 21
Бантле 20
Барабанова З. 60
Баранов А. А. 56
Бауман 131
Беззубцев 19
Бельман Т. 130
Беляев 102
Блоховец Т. М. 84, 85
Богатырев И. А. 78
Бодягин 26
Бодров Н. Ф. 122, 131
Бозина Е. Д. 96
Бойко И. А. 126
Бойков Я. 27, 28, 29
Болонин В. 60
Борисова Н. А. 81, 84
Бороздин М. 126
Бороздина О. 126
Бороненков 56, 57

Брайтерман. 118	Гитлер 131
Братчикова 104	Глушин П. А. 78
Бузин А. В. 134	Голдабёноква А. В. 98
Буркун Д. М. 78	Голиков Ф. И. 14, 23, 24
Бурмистров В. Р. 112, 117, 118	Голубева Д. 75
Бухин Л. П. 93, 94	Голубина 84
Б-в 54	Гольшев И. 142
Васильев М. 127	Горемыкин Н. П. 125
Васин П. 127	Городков А. А. 122
Весновский С. И. 38	Горячева Н. 129
Вецель 131	Греков В. 7, 26
Взметнева А. О. 82	Гречищев И. П. 129
Виноградов П. А. 101, 116	Григер 24
Виноградов С. И. 94	Григорьев. 51
Вишняков 28	Громова З. 84
Власова 98	Губина В. 93
Волкова 84, 85	Гудериан 23, 40
Волкова Т. В. 83, 84	Гудошников. 80
Воронин 110	Гуров 120
Воршев В. А. 78	Гусев 86
Гавердовский В. В. 22	Г-в, шахтер 30, 31
Гаврилова О. М. 104	Давыдов 145
Газова Г. 96	Дейкин 62, 67
Гамеров Б. 116, 119	Дейч М. И. 101, 113
Ганьших 26	Демидов 39, 101, 111
Гимильштейн М. И. 123	Дёмин Н. 33, 34, 36, 37
Гирёв 27, 29	Демин П. И. 54

- Дёмина М. М. 81, 84
- Денисов 18,
- Дмитриев В. 64, 67, 74
- Дмитриев В. П. 62
- Дмитриев П. С. 62, 65, 66
- Долгова М. 129
- Домрин Н. 34
- Дормидонтов Д. М. 51
- Дорогова А. 116
- Дрейлинг П. П. 105
- Дрейлинг-Лихтанская А. В. 105
- Дронова Е. 93
- Дуанова В. 84
- Дубовик Н. Н. 104
- Дунцова А. 130
- Дюков 59
- Егоров 94
- Егоров И. Ф. 123
- Ежиков И. И. 126
- Елезарова 84
- Елшин К. А. 17
- Емельянов 60
- Епифанов Н. В. 46, 53
- Еремин. 33
- Жданкина Е. . 107, 113, 116
- Железняк Е. К. 42
- Жогин А. 129, 130
- Заболотский Н. Ф. 94
- Забродина З. 57
- Зайцева 80, 85
- Захаров 25
- Земская Т. П. 82, 85
- Зенкин 122, 123
- Злобина 151
- Зрелкина Е. 82
- Зубарев В. 71, 77
- Зубарева Н. 68
- Зункова 84
- Иванников 88
- Иванов, красноармеец 111
- Иванов, преподаватель техникума 78
- Иванов И. И. 48
- Иванова В. Н. 83
- Иванова О. Г. 98
- Иванушкин Д. А. 48
- Ильин Е. 51
- Ильин И. 51
- Исаев А. Г. 48
- Кабанова А. 126
- Казаков 109
- Каленов 143, 144
- Калинин В. 35, 37, 128
- Калинин М. И. 42, 117, 118
- Капитонов Н. В. 32

Капралов А. С. 7, 8, 61, 62, 64, 67, 72
Капралов С. В. 78
Капралова К. В. 78
Карназеева 85
Карпов С. А. 88, 93, 94, 95
Карякин А. Н. 129
Киринов Н. В. 42
Кирова В. 68
Кистерская 97
Кишкина И. Н см. Николаева И. Н.
Кленин 39
Ковалев А. П. 11
Ковыляев Н. С. 47
Козбелевская О. Д.
см. Офицера О. Д. 127
Козбелевский Д. Г. 126
Козлов К. И. 125
Колесников М. М. 96
Коломинцев 58, 59
Колупаева Е. 84
Комаров П. И. 47
Комарова Л. Д. 101, 104
Конколева С. 105
Кононов М. И. 62, 64, 74
Кононов Н. М. 62
Королева А. 82
Королев М. М. 21
Коротыхин М. П. 48

Косарев Н. Н. 45
Космодемьянская З. 60
Косоруков 33
Костюченко 58, 59
Косырева И. 127, 130
Кофтов 41
Кочетков И. 39
Кошкарёв П. В. 52
Крашкина Л. 27
Круглов 110, 111
Крутов П. Г. 128
Крылов Н. П. 101, 112, 113
Крымов К. И. 48
Кузьмина А. 129
Кузюшина А. 129, 130
Кукушкин 19,
Кулешов И. 56
Кулешова А. 82
Куликов А. 77
Куликов Г. 116, 119
Куликова Р. 75
Куминская М. Г. 84
Курбатов И. Н. 7, 8, 50
Кутернин С. 15
Лаврёнов А. 34
Лаврентьев А. И. 47
Лаврентьева. 123

- Ладнев А. 77
- Лазарев 82
- Лапицкий 81
- Лащёнов Вик. В. 7,
- Лащёнов Вас. В. 34
- Левوشي́на Е. 84, 85
- Либусь Т. В. 88, 93
- Лобова М. 126
- Лукахин П. 30
- Лукьянов Е. 77
- Лунин М. М. 136
- Лычко Д. В. 125
- Любимов В. Н. 3
- Любимова В. 84
- Лялины 51
- Майоров Л. Л. 124
- Макаров 78
- Макаров Н. 62, 67, 74
- Макшинова А. П. 104
- Малин С. А. 20,
- Малкин Е. Я. 78
- Малюгин Н. 129
- Малютин 80
- Мамедов 98
- Мария Александровна, фельдшер.
97
- Мария Николаевна,
старшая медсестра. 105
- Маркин 46
- Мармур К. Е. 118
- Мародян 98
- Матвеев А. 77
- Мацнев И. М. 7, 8, 46
- Мезенцев П. 78
- Мелешкова Л. 130
- Микоян А. И. 53
- Милова В. И. 29
- Минаева Е. 82, 84
- Мионов 143
- Митрофанова Г. 110
- Михайлова Л. Г. 98, 102
- Михайловы 56
- Михно Н. Г. 15
- Мишин М. И. 45
- Могучев С. 126
- Молотов В. М. 12, 107
- Монахов А. 71
- Мордасов А. И. 47
- Мордвинов Л. Н. 109
- Моторина В. 130
- Муранова 109
- Мурат Л. А. 12, 14, 15, 17, 21
- Мухин 91
- Мягкова М. 82
- Назаров 19

Нефёдова А. 130	Паулюс 104
Никитин 75	Пенькова Г. 130
Никитина М. В. 78	Перфильев В. Д. 47
Никишин А. 71	Петрин 145
Николаев В. 71	Петров 103
Николаева В. Н. 70	Петров П. 51, 52
Николаева Вера. 68	Петров С. 51
Николаева И. Н. (ур. Кишкина И. Н.) 88, 93	Петухов П. М. 42
Николаева М. 130	Печнин 61, 72
Николин В. А. 16,	Пиковская И. И. 7, 92
Новиков В. В. 127, 128	Пиковский Н. Е. 7, 94
Нурулин Н. Н. 12	Пирожков 55
Ныркoв Н. 25	Пищевский 46
Обенякин М. В. 126	Пластун П. 111
Оборотов 62	Победоносцев Д. П. 151
Овчинников, красноармеец 111	Повов Я. В. 17
Овчинников, машинист 51, 53, 54	Позднышев В. 51
Окроков 18,	Позднякова 12
Ольховникова В. М. 81, 84	Покровский 109
Орешин 122, 123	Полетаев 59, 62
Орешников 85	Полосаткин В. И. 47
Офицeрова О. Д. см. Козбелевская О. Д. 126	Полсан П. Ю. 126
Павлов 59	Полтавец М. И. 114, 115, 116
Павлова А. 68	Полуэктов П. А. (П.М.?) 80, 82
Павлова Л. 101	Полывянь Е. С. 84
Паршуков Г. В. 22	Пономарёва В. И. 94
	Породина А. 130

Посаженникова Е. М. 101, 104	Самулик С. М. 76, 77
Постников А. Н. 104,	Санько Н. 136
Прокофьев В. П. 22	Седов В. 129
Прокофьева 84	Селиванов А. В. 32
Прокофьева А. Е. 84	Семёнова Е. И. 68
Пронякин М. А. 55	Сёмин Л. 71
Прохоров И. 3. 126	Семитенко. 98
Пустынкин 85	Сергеев 13
Пчёлкина Е. 130	Сергеева 81
Пятырев В. 51	Симакова В. 105
Радужкевич 151	Синегубкин В. Я. 16
Раух В. Г. 16, 88, 89, 90, 92, 94, 95, 97	Сироткин 61, 62, 72
Ребров С. 127	Скакодуб В. В. 113
Родимов 24	Скворцов 97
Родимов Н. 55	Скурлатов 38
Розанова В. С. 78	Смирнов В. В. 46, 54
Ромадин 24	Смирнов П. Г. 136
Романов Л. 43	Смирнова 84
Романычева 103	Смирнова А. 82
Рубинский 80	Смирнова А. Ф. 132
Рыбакова 97	Смирнова С. 101, 103, 113, 117
Рыжкова М. М. 81, 84	Соболева 3. 93
Рытов Ю. 7, 69, 70, 71	Соколов, инструктор Всевобуча 19
Рюмин Н. В. 120	Соколов, техник-интендант 17
Савичева Т. 68	Соколов В. А. 121
Садовая В. 126, 127	Соколова 85
Саморукова Н. 33	Соколова Г. 57

Соколова Е. В. 7, 96, 113	Тарасова К. 130, 131
Соломатин Д. 60	Тархова В. Ф. 100, 101, 104, 113
Спиридонов 51	Тимаков 144
Спорыхина С. С. 101, 113	Толоконникова Т. Ф. 78
Сталин И. В. 33, 49	Троицкий 97
Старостин Н. Ф. 26, 27, 28, 30	Троицкий И. Н. 94
Старых 27	Трофимов Н. 111
Стаханов А. Н. 78	Трубникова О. В. 84
Степанов И. М. 48	Тусова М. 93
Степанова С. 116	Тютюников А. 53
Сторожев М. М. 116	Тютюников М. 53
Сторожева А. М. 6, 7, 8, 101, 103, 107	Т-н, шахтер. 30, 31
Стрельников 78	Умнова В. 101, 117
Суконкин Б. 77	Усачёв 33
Суляев Г. М. 7, 8, 9, 58, 74	Устинкин 143
Суляев М. И. . 76	Усыскин 78
Суляев Р. М. 7, 69, 70, 71, 75	Ушаков В. 71
Суляев Ю. см. Суляев Г. М.	Фадеев П. 129
Суляева М. М. 68, 75	Федечкин П. Н. 33
Суляева Р. 77	Федоров В. 25
Суслович Б. Р. 101, 113, 114, 117, 118	Фёдоров П. Ф. 47
Суханов С. 71	Фёдоровы 123
Сухоруков Н. Г. 78	Федулов И. А. 13,
Счисляев А. Н. 122, 123	Филин К. Г. 48
Сысоева О. А. 104	Филина А. 129
Танькина А. 129, 130	Фока А. Л. 120, 125
Тарасов С. Н. 14, 23, 24	Фокин 51

Фортулатова М. 104
Фрадкин 105
Фролов С. 35,36
Фролов Ю. 33, 37
Харченко М. 109
Хоецян Г. Я. 7, 23
Холопов А. 126
Холопов Н. Н. 57
Холопова З. 126
Хомич 38
Хук 131
Цвеленко Н. А. 131
Циммерман 98
Цирков А. М. 48
Цицарин П. А. 142
Черкасова Н. С. 7, 135
Чернышов И. М. 145
Чернышов Ф. П. 7, 11
Чернышова И. Н.
см. Кишкина И. Н.
Чистяков 143
Чубарыкина А. 116

Чуйков М. В. 55
Чуков 75
Шевлягин 78
Шевлягина 98
Шемякина С. Н. 92
Шиханова К. В. 110, 111
Шишкова-Солоха С. И. 7, 9, 80, 82, 92
Шныров П. Г. 14, 18
Шуберт 131
Шуваев 27
Шугаев 28, 29
Щенников 64
Щербаков И. С. 142
Элин 53
Яковлев А. С. 104
Яковлев Г. П. 126
Яковлев М. В. 16, 86, 111
Яркин А. Г. 59, 78
Яхонтов С. Д. 7, 8, 146

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>Ф.П. Чернышов</i> Работа рязанского областного военного комиссариата в годы войны.....	11
<i>Н.Г. Балакирев</i> Мобилизация автотранспорта для нужд фронта в Рязани	20
<i>Г.Я. Хоецян</i> Из истории Рязанского добровольческого полка	23
<i>В. Греков</i> Скопинский истребительный батальон.....	26
<i>В.В. Лацёнов</i> Об оккупации Захарова немецкими войсками в ноябре-декабре 1941 г.	32
<i>Н.М. Бабаев</i> Сасовский район в годы войны: помощь тыла фронту	38
<i>И.М. Мацнев</i> Работа Рязанского железнодорожного узла в годы войны	46
<i>И.Н. Курбатов</i> Депо Рыбное в годы войны	50
<i>Г.М. Суляев</i> Комсомольцы сороковых годов: молодежь в тылу.....	58
<i>А.С. Капралов</i> Об участии комсомольцев и школьников в обороне Рязани.....	72
<i>Р.М. Суляев</i> О военном времени в Рязани.....	75

<i>С. И. Шишкова-Солоха</i> Рязанская санитарная дружина городского комитета Красного Креста в годы войны	80
<i>И. И. Пиковская</i> Рязанская городская станция переливания крови в годы войны	92
<i>Н. Е. Пиковский</i> Работа хирургического отделения городской больницы им. Семашко в годы войны	94
<i>Е. В. Соколова</i> Воспоминания о работе в рязанских госпиталях.....	96
<i>А. М. Сторожева</i> Путь длиной в четыре года: воспоминания о работе в госпитале № 3013	107
Из воспоминаний работников завода «Рязсельмаш» об эвакуации и работе завода в годы войны	
<i>Н. В. Рюмин</i>	120
<i>В. А. Соколов</i>	121
<i>Н. Ф. Бодров</i>	122
<i>Л. Л. Майоров</i>	124
<i>К. И. Козлов</i>	125
<i>Д. В. Лычко</i>	125
<i>О. Д. Офицерова</i>	126
<i>А. Я. Анурова</i>	129
<i>А. Ф. Смирнова</i>	132
<i>Н. С. Черкасова</i> Будни Ижевской районной больницы в годы Великой Отечественной войны	135

<i>Л. Я. Артемьева</i>	
О жизни в Рязани в годы войны	139
<i>М. Ф. Архипкин</i>	
«Мое бытие в период эвакуации»: из воспоминаний.....	141
<i>С. Д. Яхонтов</i>	
Выдержки из дневников	146
Сведения об авторах.....	153
Список сокращенных слов	156
Указатель имен	156

**Воспоминания рязанцев о Великой Отечественной войне:
сборник документов из фондов ГАРО / сост. Д. Ю. Филиппов.**
Рязань, 2020.

Издательство ГБУ РО «ГАРО»
390027, г. Рязань, ул. Лермонтова, 9а
тел. (4912) 45-54-54
e-mail: garo@mail.ryazan.ru
www.garo62.ru

Подписано к печати 01.07.2020

Гарнитура PT Serif.
Тираж 150 экз.
Отпечатано в минитипографии ГБУ РО «ГАРО»